

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНАЯ УЛИЦА

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

3.2012

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(видавничий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Олена СИМОНЕНКО
Світлана СКИБА
Тетяна ФАБРИКОВА
Олександр ХАЄЦЬКИЙ

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність - один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г.В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x84 1/8
Умовн. друк. арк. 13,95
Замовлення № 130-07
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидання,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки**

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**3
2012**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Будут ли читать?	3
---	---

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Владимир ПУЧКОВ: На земле Святого Николая	4
Василий НИКИТИН: Курганы степей наших	10
Андрій ІВАНОВ: Чорноморська скринька	18
Анатолий МИХАЙЛИК: Сохраним ли уникальную природу Кинбурнской косы?	24

ПОЭЗИЯ

Эмиль ЯНВАРЁВ: Собственный почерк	29
«Скумбрию звали тогда баламутом...». <i>Послесловие Владитири Пучкова</i>	35
Валер'ян ЮР'ЄВ: Волошковим запахом – день!	37
Михаил БУЗНИК: Бесплотное сердце твоё	48
«Мозг безгласен без Духа». <i>Беседа Михаила Бойко с Михаилом Бузником</i>	53
Світлана ІЩЕНКО: Чаєчине пір'я в океані	63
Ксана КОВАЛЕНКО: Пока меня живёшь	72
Олександр ПРОКІПЕЦЬ: Наче сталь після купання	76

ПРОЗА

Николай МАШКИН: Дядя Ваня. <i>Рассказ</i>	42
Юрий ГЕЛЬМАН: Эндшпиль адмирала. <i>Рассказ</i>	56
Ольга СЛАВНА: Горобини кетяги незрілі. <i>Оповідання</i>	68
Александр ИВАНОВ: Профессор на всю Губу. Музыкальный момент. <i>Рассказы</i>	79

ПУБЛИЦИСТИКА

Константин КАРТУЗОВ, Инна ЧЕРКЕСОВА:	
Общественная библиотека сегодня и завтра	83
Зоя ШАТАЛОВА: «Министерская программа отучила детей читать»	87
Александр ПРОНКЕВИЧ: «Электронные базы данных – вот выход»	90
Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ: Николай Аркас: известный и неизвестный	92

МАСТЕРСКАЯ

Екатерина НАТОЧА: Иван и Яков – отец и сын	94
Евгения КРУЧИННИНА: «Взрослая» живопись Дмитрия Молдованова	99

АРХИВ

Исаак БАБЕЛЬ: Сказка про бабу. Соль. <i>Рассказы (прижизненные редакции)</i>	103
Евгений МИРОШНИЧЕНКО: И. Бабель: «Конармия» мне не нравится	107

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАРКА ЛИСЯНСКОГО

Сергей ПИСКУРЁВ: «Такое было это время. Такими были мы тогда»	111
Владимир ГЛАДЫШЕВ: «Здесь я дни коротал, в адмиралы играл...»	114

ЭКСЛИБРИС

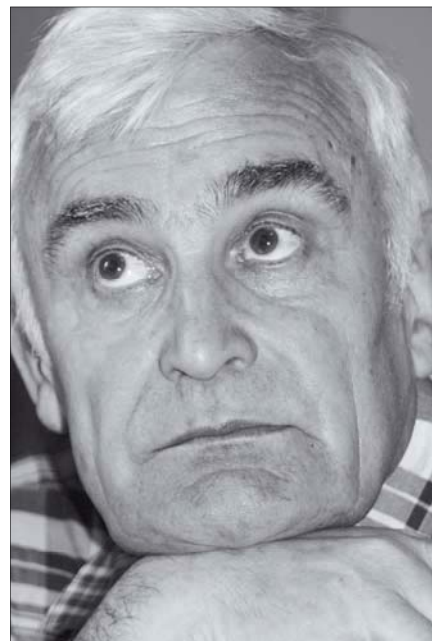
Тетяна СЕРЕБРЯКОВА: З приватної колекції Аркасів	118
---	-----

ОБЛОЖКА

Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ: Львы в Каштановом сквере	120
--	-----

БУДУТ ЛИ ЧИТАТЬ?

Умберто Эко, итальянский писатель, учёный-медиевист, и Жан-Клод Карьер, патриарх французского кинематографа, – оба страстные любители чтения, – однажды затеяли дружескую беседу о судьбе традиционной книги. Если вы привыкли читать с экрана компьютера, мобильного телефона или электронного «ридера», если не ходите в книжные магазины и библиотеку, – не надейтесь избавиться от книг. К такому выводу пришли известные европейские интеллектуалы. «Книга – это как ложка, молоток, колесо или ножницы. После того, как они были изобретены, ничего лучшего уже не придумаешь», – утверждают они.

Сегодня среди весьма поредевшей армии читателей можно встретить как ностальгических приверженцев старой книги, так и убеждённых поклонников Интернета, новых информационных технологий. В обществе идёт незатухающий разговор о способах передачи знаний в культуре. Повсеместно наблюдается резкое снижение тиражей журнальных, газетных изданий. Они переселяются в виртуальное пространство, как это, к примеру, случилось с основанным в 1933 г. литературно-художественным и общественно-политическим журналом Национального союза писателей Украины «Вітчизна». На сетевых ресурсах идёт интенсивная продажа файлов книг прозы и поэзии, визуальных и аудиоматериалов. В этот процесс включены и местные издательства.

Феномен региональной книги, литературно-художественного журнала заключается в том, что с них начинается познание родной земли, духовных богатств народов, которые живут рядом, созидание национальной культуры. Как сделать гуманитарное издание доступным широкому читателю? Я бы добавил – заинтересованному, ибо сегодня, к сожалению, равнодушных к печатному слову людей больше, чем продвинутых, читающих, следящих за книжными новинками. Книга, литературно-художественный журнал по-прежнему интересны учащимся, студентам, учителям, литераторам, людям культуры, тем, кто делает первые шаги в искусстве. На таких, собственно, и ориентированы тематические рубрики нашего «соборного» проекта.

Мы не принадлежим к монокультурному миру. Послание народу и миру, поэтический и романтический образ степного приморского края создавали древние греки Геродот и Софокл, скиф Анахарсис, россияне А. Пушкин и В. Даль, украинские писатели Л. Василевская (Днипрова Чайка) и В. Чечвянский, болгарин А. Константинов, еврей Шолом-Алейхем. Как важно освоить их уже ставшее классическим духовное наследие. Не менее важно отличать подлинные ценности литературных текстов современников, авторов-земляков. Засилие рекламы, последствия философии потребления, коммерциализация жизни несут угрозу здоровому обществу. Хотелось бы противостоять, быть изданием «культурного сопротивления».

Евгений МИРОШНИЧЕНКО

Владимир ПУЧКОВ

НА ЗЕМЛЕ СВЯТОГО НИКОЛАЯ

19 декабря называют в народе «Никола зимний». Это один из двух в году дней Николая Чудотворца – святого, особо почитаемого нашим народом и всем православным людом. Николай считается небесным покровителем города, носящего его имя. Памятник Чудотворцу, установленный горожанами в центре Николаева, удивительно гармонично вписался и в Каштановый сквер на Соборной, и в сознание земляков.

Знаки

Чудо – в ожидании чуда. Можно не быть религиозным человеком, но нельзя не быть верующим. Вера есть всегда, даже если она спит, непробужденная, в потаённом уголке души. Значит, не было у человека в жизни толчка, способного её пробудить. В трудный час, думается мне, когда больше не на что надеяться, будь ты даже самый отъявленный циник, – и то уповаешь на чудо. И ловишь в окружающем знаки – приметы, сигналы, подсказки, – которые помогут выкарабкаться, спастись. Но то – в трудный час. А в светлый...

Такая она, земля Ликии

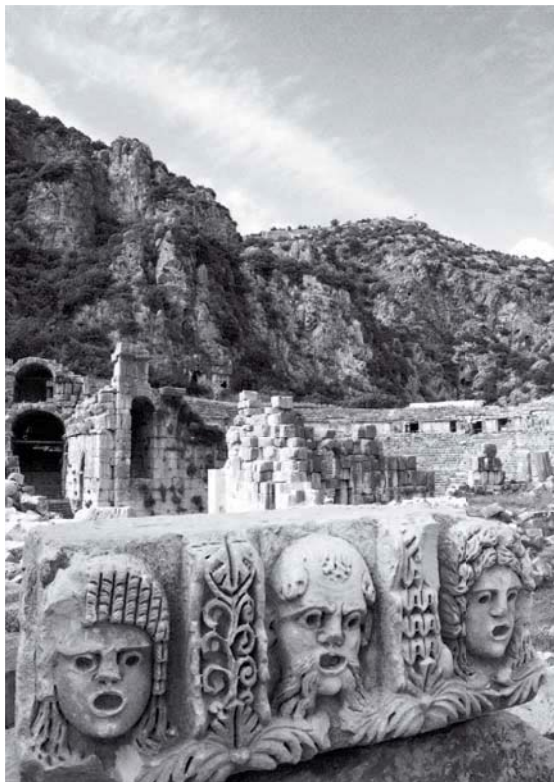
На земле, где родился и жил Николай, лето наступает раньше, чем у нас. В апреле солнце жжёт по-летнему. Справа – поросшие соснами каменные скалы нависают над дорогой, балансирующей на самой кромке обрывистого берега. А слева – во всю ширь – синее-синее море, по которому гуляют

солнечные блики. Эту землю поныне называют Ликийей, и лежит она на средиземноморском побережье Малой Азии. Ныне это турецкая провинция Анталия.

Дорога ведёт из Кемера в небольшой городок Демре. Так по-турецки. Потому что уже много столетий эту землю населяют турки и их предшественники – сельджуки, османы. Но Турция – наследница других народов. Когда-то тут жили амазонки, ликийцы, греки, византийцы. Возникали, развивались и исчезали царства, возводились и рушились величественные города. Здесь зарождалось и крепло христианство.

Возле нынешнего Демре – остатки древнего города Миры. Знаменитые скальные захоронения ликийцев (V век до н.э.). Хорошо сохранился прилепившийся к горе амфитеатр римской эпохи с изумительной акустикой, вмещавший 9–10 тысяч зрителей (говорят, здесь доныне проводят театральные и музыкальные фестивали). Эти памятники традиционно привлекают массу туристов со всего мира.

Но для нас главное в другом: рядом с этим местом почти 17 столетий назад жил и проповедовал один из первых в истории гуманистов и самый популярный в Украине и на Руси святой – Николай Чудотворец. Защитник слабых и угнетённых, покровитель моряков и путешественников, друг детворы.

Руины древнего города

Театр в Мирах вмещал до 10 000 зрителей

Автобус мягко тормозит у входа в археологический заповедник. Рядом – небольшой деревенский базарчик с чудовищными сувенирами, барахлом и всякой мелочёвкой. Стайка черноглазой детворы гоняет мяч на поросшей травой лужайке, любопытно поглядывая в нашу сторону. Спутники по одному выбираются из автобуса, разминая спины. Выхожу и я. Сей же миг передо мной как из-под земли возникает улыбающийся турчонок лет семи – протягивает зажатый в грязном кулачке букетик синих и жёлтых цветочков, только что сорванных тут же, рядом, на свежем весеннем лугу, по краям которого громоздятся античные обломки.

Я опешил. Растерялся. Принял букетик и расплылся в непроизвольной улыбке.

А пацан взял меня за руку и повёл к дорожке, ведущей в заповедник. И только доведя и указав дальнейший путь, тихо и застенчиво напомнил: «Мани...»

Ах, да, конечно...

– Спасибо, дружок, – сказал я ему. – Держи, – сунул в горячую цепкую ладошку горсть мелочи, турецкой и американской, нашаренной в кармане.

Он тихо и с достоинством, как бы не нарушая торжественности момента, отстал – и лишь когда я отдалился, уже вприпрыжку помчался к сверстникам, размахивая рукой и радостно крича: «Доллар! Доллар!...»

А я всё не мог справиться с волнением. Да, конечно же, «мани-мани». Местные дети, как и взрослые, подкармливаются от туристов. Но почему к нашему автобусу пришёл с букетиком только этот малыш? И почему из всей группы он выбрал именно меня?..

Признаюсь, для меня был ещё один тайный знак, который подал, как видно, витающий в этих местах дух святого Николая. По дороге в заповедник я потерял зажигалку. Не страшна потеря, но она дорога мне как память. Это обнаружилось уже после экскурсии, на обратном пути, когда рука непроизвольно потянулась за сигаретой. Огорчился...

Но вскоре, буквально через несколько шагов, вижу свою пропажу – она сверкнула под солнцем на обочине дорожки, как видно, оброненная мною по дороге туда. За минувшие пару часов прошли десятки людей, тут шныряют местные мальчишки, которые не упустили бы такую находку. Но она ждала меня...

Признаюсь, я приехал в Миры с радостным волнением и подспудным ожиданием добрых сигналов. Был случай, когда в очень важной и трудной жизненной ситуации святой Николай откликнулся на мою немую просьбу, неумело высказанную про себя перед его иконой в полупустом киевском храме. Надеяться тогда мне было не на кого и не на что. Я зашёл в церковь, впервые в жизни купил свечу, зажгё её, нашёл образ Чудотворца и мысленно обратился к нему. Он помог...

Уроки святого Николая

Николай родился приблизительно в 280 (по другим данным – в 245) году н.э. неподалёку, в ныне исчезнувшем городе Патара. В 300 году этот человек стал епископом Миры и проповедовал здесь до самой своей смерти 6 (19) декабря 325 (по другим данным, 345 или 352) года. Сохранились остатки церкви, построенной спустя годы на месте той, где служил Николай. Он был похоронен в своей церкви или где-то неподалеку от Мир, затем его прах был перенесён в новый храм на этом же месте, здесь был сооружён саркофаг. По преданиям, вскоре после смерти Николая произошло несколько чудесных исцелений среди верующих, приходивших поклониться его праху. Так место, где покоилось тело великого праведника и гуманиста, стало местом паломничества. Церковь не раз рушили и грабили, но каждый раз она возрождалась.

Незадолго до первого крестового похода, в 1087 году, мощи святого были похищены итальянскими купцами, которым якобы было во сне соответствующее знамение. Они отвезли останки к себе на родину и осчастливили этим «трофеем» собор в городе Бари.

А сюда, в Ликийю, вскоре пришли тюркские завоеватели, великая Византия доживала последние годы. Эти места, помнившие расцвет и упадок великих цивилизаций, стали захолустьем распухавшей Османской империи, а в начале XX столетия – глухой турецкой провинцией. Так было факти-

чески до той поры, когда, начиная с 60–70-х гг., стала бурно развиваться курортная зона Средиземноморского побережья.

Мне подумалось: это же насколько незаурядной личностью надо быть, чтобы память о тебе шагнула через века! И это при том, что западная церковь, которая инициировала захват и вывоз мощей Николая Чудотворца за море, в Италию, – перевела его из общепочитаемых святых в разряд «местночтимых». Дескать, из-за отсутствия документальных данных о его жизни.

Зато в России и Украине Николай – самый любимый и уважаемый святой. Помощник, заступник, духовная поддержка. К нему обращаются, когда трудно, и не на кого опереться, и нет опоры в самом себе. Православная Церковь в молитвах и поэтических произведениях, ему посвящённых, говорит: «Тя бо третьим по Господе и Божией Матери поминаем». Народ в старину на Руси высказывался проще: «Никола – второй после Бога заступник». По свидетельству Нестора-летописца, первый храм на Руси был в честь святителя Николая Чудотворца – церковь в Киеве, поставленная в IX столетии на могиле убитого князя Аскольда.

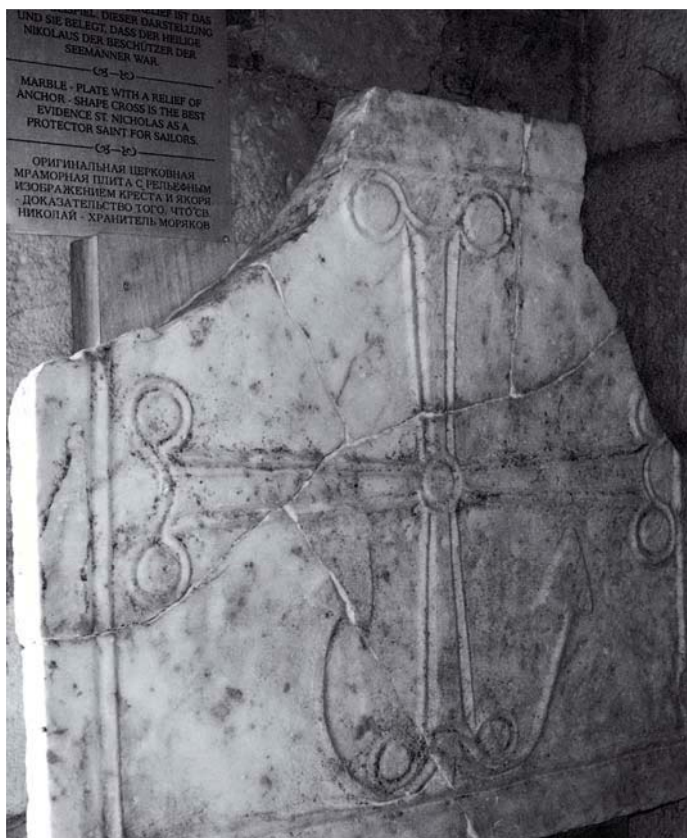
О нём сложено множество легенд и притч. Большинство из них рисует Николая как помощника тех, кто попал в беду. Например, одна из притч рассказывает, как святой Касьян прошёл мимо селянина, у которого воз увяз в грязи, а святой Николай остановился и помог ему, хотя и сам весь выпачкался. За это Господь даровал ему два памятных дня в году против одного раз в четыре года у Касьяна (29 февраля).

В притчах и легендах – не только отголоски преданий о жизни этого человека, но и мечта человеческая: какого покровителя они хотели бы иметь. Скорый и милосердный помощник страждущим. Бессребреник и благотворитель, чутко откликающийся на беду и боль людей. Строгий наставник, остро переживающий любую неправду и решительно восстающий против несправедливости... Заметьте: образ этот далёк он житийной «однолинейности». Он – полнокровен, многогранен, как и всё в жизни, диалектически противоречив.

Именно от Николая берёт своё начало обычай дарить подарки на Рождество. Каждый год в ночь на Рождество бедняки находили у своих дверей золотые яблоки, детские игрушки и сладости. Кто приносит подарки, оставалось загадкой. Лишь спустя многие годы горожане случайно узнали, что это епископ Мир.

Это урок от Николая: добрые дела должны быть тайными. Увы, следовать его благородному завету, наверное, труднее всего. Особенно в нашу смутную эпоху, когда так называемый «пиар» стал смыслом жизни политиков и бизнесменов.

О его мужестве свидетельствует случай со спасением невинно осужденных. В правление императора Константина Великого, когда Миры были центром римской провинции Ликия, – трое уважаемых граждан по ложному навету были обвинены в преступлении. Чтобы добиться их казни, недруги подкупили правителя города. Никто не решался пойти против его воли и заступиться за несчастных. Палач уже извлёк из ножен меч, когда рядом с ним неожиданно по-

Мраморная доска с крестом и якорем – свидетельство того, что святой Николай издавна считается покровителем мореплавателей

явился Николай, архиепископ Мир Ликийских. Вырвав орудие казни из рук палача и бросив его на землю, он освободил осужденных от уз и обратился к правителю города с гневным обличением. Тот не только был вынужден оправдать приговорённых, но и публично просил прощения у архиепископа Николая. Не дрогнул он и во время гонений на христиан, начатых императорами Диоклетианом и Максимилианом, стойко претерпев тяготы тюремного заключения.

Но народ почитает его также за смирение и скромность: единственный наследник богатой семьи из греческого города Патары, он пожертвовал всё своё состояние на Церковь и бедняков. Он был сердечно открыт к нуждам своей паствы. Когда разорившийся патриций в отчаянии готов был продать своих дочерей, святитель тайно дал ему деньги на их приданое – и материальная поддержка обернулась духовной: отец раскаялся в своих намерениях.

Святой Николай проявлял милосердие даже к человеку, совершившему страшный грех, если тот глубоко и искренне повинился.

И он же мог быть неожиданно резким: на Вселенском соборе в Никее (325 г.), в разгар богословской дискуссии, возмущившись упорством еретика Ария, посягнувшего на основы христианского учения, разгневанный Николай влепил ему пощёчину! Собравшиеся епископы постановили лишить Николая епископского сана. По преданию, его даже заключили в темницу. Но знамение, которое епископы получили во сне, убедило их вернуть святителю свободу.

Это ещё один урок от Николая: добро должно быть с кулаками. Конечно, смысл этого поступка – отнюдь не во вседозволенности, но в активном неприятии любой неправды: резкость святителя была вызвана тем же чувством, которое некогда побудило его вырвать меч из рук палача.

Святой Николай прославляется и как чудотворец: по его молитвам происходили чудесные исцеления и даже воскрешения из мёртвых, стихали бури на море, а ветер нёс корабль туда, куда было нужно. Церковь повествует о множестве случаев, когда чудесами оборачивались молитвенные обращения верующих к св. Николаю и после его кончины.

Сегодня церковь Святого Николая в Демре – полуразрушенное (точнее – полувозрождённое) живописное здание, на стенах которого просматриваются древние фрески. Сейчас эта церковь – музей, вход стоит 5 турецких лир (4,5 доллара). Но 6 декабря, в предположительный день смерти Николая, этот музей превращается в действующий храм. Сюда приезжают православные священники и тысячи верующих, чтобы провести церковные службы во имя одного из самых любимых святых по всему миру. Рядом с церковью – иконные мастерские, лавки, где можно приобрести иконы, крестики и другие церковные атрибуты.

На Западе образ Николая соединился в народном сознании с древними языческими божествами. Так возник фольклорный герой Санта-Клаус (святая Николаас), который дарит детям подарки на Рождество. В Демре ему тоже отдают дань (понятно: западные туристы, мода и т.д.): в начале улочки, ведущей к церкви, мы увидели постамент с раскрашенной фигуркой Санта Клауса – узнаваемого «анимационного» гнома в красном балахоне и колпаке, с белой бородой. Этот, я бы сказал, «кичеватый» символ, ассоциирующийся с рекламой «Кока-Колы», резко контрастирует с тем истинным, что чувствуешь, приблизившись к грубым, обожжённым солнцем ракушечным камням Никольской церкви.

О родине Николая Чудотворца никогда не забывали в России. И, говорят, храм в Мирах Ликийских в середине XIX века реставрировался великим князем Константином, который заходил сюда с русской эскадрой. У входа в церковь стоит бронзовая фигура святого, подаренная, как написано на табличке, в 90-е годы мэром Москвы Юрием Лужковым. Но туристов, охочих запечатлеть себя, гораздо больше возле 6-метровой бронзовой фигуры Николая, окружённого детьми, – она высится в скверике близ храма.

Хорошо, что дешёвого, сувенирного Санта Клауса установили в сторонке от святыни! Пусть на его фоне фотографируются те, кто не улавливает разницы между запахом стандартного дезодоранта, которым тянет от автобусов с бесцеремонно галдящими евротуристами, – и ароматным дуновением живого ветерка, напитанного морской солью и эфирными маслами средиземноморских сосен.

Необходимое послесловие

«Бывают странные сближенья», – прозорливо заметил великий Пушкин. Он имел в виду, что иногда в жизни вроде бы не зависящие друг от друга события совпадают не просто так. Кажется, случайность – однако, нет: «странные сближенья» высвечивают, подчеркивают некую идею, на которую человек без подсказки и внимания бы не обратил.

Таким своеобразным «маркером» стала для меня встреча, произошедшая спустя год.

И представить себе не мог, что зигзаги судьбы и журналистской работы занесут в мастерскую знаменитого московского скульптора Григория Потоцкого. Того самого, который потом подарил городу Николаеву скульптурную композицию «Доброта», установленную в скверике на Адмиральской, слева от Адмиралтейства.

Вместе с николаевским мэром Владимиром Чайкой поздним сентябрьским вечером входим в полуподвальное обиталище художника – живописную уютную берлогу на Гоголевском бульваре. И первое, что я вижу, – эскиз памятника святому Николаю, того самого, виденного мною в Анталии, который стоит при входе в церковь Николая Чудотворца как дар московского мэра. Незабываемым стал этот вечер в гостях у незаурядного художника и обаятельного, лучащегося добротой человека. Вскоре сюда залетела на огонёк сама Мэри Поппинс – давний друг хозяина дома, очаровательная актриса Наталья Андрейченко. Чай наливала не менее обаятельная жена и муза скульптора Ольга. Она и поведала мне эту историю.

Оказывается, первоначально фигура святого Николая работы Григория Потоцкого была, по договорённости с тогдашним мэром Демре, установлена на постаменте в начале улочки, ведущей к храму. Но вскоре прошли выборы, в Демре сменилась власть: кресло мэра занял человек со строгими мусульманскими взглядами. Он тут же задал вопрос: на каком основании в центре турецкого города стоит памятник христианскому святому? Пришлось бронзовую фигуру Николая переселить в церковь его имени. А на освободившийся постамент новый мэр, поразмыслив, распорядился водрузить Санта Клауса – так западным туристам будет понятнее и приятнее. И политкорректнее, наверное, к тому же.

*Памятник Чудотворцу.
Скульптор Григорий Потоцкий*

Пучков Владимир Юрьевич. Поэт, публицист, переводчик. Родился 15 марта 1950 г. в Славянске Донецкой обл. Окончил филфак Николаевского пединститута (1970) и отделение журналистики ВПШ при ЦК КПУ (1980). С 1976 г. работает в журналистике, заслуженный журналист Украины (1999), главный редактор газеты «Вечерний Николаев». Член Национального союза писателей Украины и СП России.

Василий НИКИТИН

КУРГАНЫ СТЕПЕЙ НАШИХ

*От жизни той, что бушевала здесь, –
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...*

Ф. И. Тютчев

Старшее поколение николаевцев наверняка помнит слова песни из кинофильма «Большая жизнь», упоминающей, в числе прочего, неотъемлемую часть украинских степей:

*Снят курганы тёмные, солнцем опалённые,
И туманы белые ходят чередой...*

Слово «курган» – тюркского происхождения, обозначающее «могильный холм». Уже в исторической песне XVI века «Ермак в казачьем кругу» упоминается: «...Соезжались мазурушки* на выск курган, / Становилися мазурушки во единый круг...» Однако широкое распространение это слово получило лишь в XVIII–XX вв. Вместе с тем, в произведениях некоторых авторов XVII–XIX вв. «курганы» зачастую заменялись словами «бугор» или «холм», передающими естественное происхождение объектов, либо «насыпью», указывающей на искусственный характер образования. Например, у Г. Сковороды (1722–1794) в одном из стихотворений встречаются такие слова: «Ах, долины, яры, / Круглы могилы, бугры!». А у Г.Р. Державина в стихотворении «Евгению. Жизнь званская» говорится: «...Иль нет, Евгений!.. / Взойдёшь на холм тот страшный, / Который тощих недр и сводов внутрь своих / Вождя, волхва, гроб кроют мрачный...» Тем не менее, в русских исторических песнях чаще упоминается слово «курган»: «...Я пойду в чистое поле на выск курган, / Посмотрю я воздалече-воздалеченько...» (Народная песня «Пётр I и князь Ганджерин»).

*У подножия кургана (в окрестностях с. Марьевка,
трасса Николаев – Баштанка)*

На Украине слово «курган» было заменено равнозначным словом «могила». В ряде случаев местные жители давали курганам (могилам) разные имена. Так, в народной думе XVII в. о смерти Богдана Хмельницкого указано имя кургана (могилы):

*Ей, козаки, діти, друзі!
Прошу вас добре дбайте,
Борошно зсипайте,
До Загребельної могили прибувайте...*

А в одной из дум историко-героического цикла «Бегство трёх братьев из города Азова из турецкой неволи» упоминается Савур-могила. На протяжении тысячелетий курганы являлись и являются неотъемлемой частью степного (и не только!) пейзажа и в качестве художественного образа активно использовались во многих народных песнях и думах, в произведениях многочисленных авторов.

У Александра Пушкина в известной «Песне о вещем Олеге»: *«Пирует с дружиною вещей Олег / При звоне весёлом стакана. / И кудри их белы, как утренний снег / Над славной главою кургана...»* В поэме «Руслан и Людмила»: *«Луна во мгле перебежала / Из тучи в тучу и курган / Мгновенным блеском озаряла».*

В разных стихах и поэмах А.С. Пушкина и его собратьев по перу мелькает слово «курган». Встречается оно и у А.А. Дельвига, у В.К. Кюхельбекера, у К.Ф. Рылеева (в особенности в его «Думах»), у М.Ю. Лермонтова и других поэтов. Уместно упомянуть строки из стихотворения «Степью» современника А.С. Пушкина П.А. Вяземского:

*Вот курганы, вот загадки
Неразгаданных времён...*

Вот как объяснял в ту пору слово «курган» К.Ф. Рылеев в примечании к первой части своей поэмы «Войнаровский»: *«Курганы – высокие земляные насыпи, видимые и ныне во многих местах Малороссии и Украины. Курганы сии служили иногда общими могилами на местах столь частых шибок, бывавших у малороссиян с всегдашними их врагами татарами и, во время отторжения их от Польши, с поляками; в таковых курганах и поныне при разрытии оных находят кости и волосы человеческие, недотлевшие лоскутки одежд, отломки орудий, старинные монеты, стекляницы** и т.п. Иногда же целый ряд таковых курганов, идущий на далёкое пространство по одному направлению, подобно цепи гор, служил как бы ведетами*** или подзорными возвышениями для наблюдения за неприятелем. Таковых курганов много можно видеть по древним границам Малороссии и Украины с Ордою Крымскою, особливо в губерниях Слободско-Украинской и Полтавской».*

В те времена (стихотворение П.А. Вяземского было написано в 1849 г.) археология как наука делала лишь первые шаги – раскопки курганов были явлением не только редким и случайным, но и производились непрофессионально. Да и поэт вряд ли мог знать о каких-то раскопках, ибо об этом знал только узкий круг людей. В том числе и императорский дом. К тому же система сообщения любой информации в ту пору была развита крайне слабо.

А задолго до этих строк поэта, в 1763 г., по поручению генерал-губернатора Новороссийского края А.П. Мельгунова в окрестностях нынешнего Кировограда был раскопан один из курганов, в котором был погребён скифский вельможа. Курган был назван по имени инициатора раскопок – Мельгуновским и под этим именем вошёл в науку. В 1830 г. в Крыму П. Дюбрюксом и Н.А. Стемповским раскопан курган Куль-Оба, а в 1852 г. – раскопан Александропольский курган в Поднепровье.

Раскопки этих курганов произвели ажиотаж не только в среде императорской фамилии, но и среди научных кругов. Связано это было с тем, что в курганах были обнаружены золотые изделия, имеющие научную и художественную ценность.

В дальнейшем, в 1859 г., в Российской империи (в состав которой входила и Украина) была создана государственная императорская археологическая комиссия для производства разрешения проведения раскопок и исследования памятников археологии.

После создания данной комиссии начались раскопки курганов, которые потенциально могли бы содержать золотые предметы. Цель таких раскопок, прежде всего, состояла в удовлетворении прихоти императорской фамилии и пополнении коллекции Эрмитажа, принадлежащего дому Романовых.

Меж тем в среде писателей и поэтов по-прежнему в качестве художественного образа нет-нет да и мелькало слово «курган». Значительно чаще оно встречалось у поздних авторов, делая их произведения более образными.

А.П. Чехов в своём рассказе «Степь. История одной поездки» мастерски передал образ степного простора с раскинутыми курганами:

«...Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землёю, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-жёлтая полоса... Такие неподвижные, кого-то ожидающие фигуры стоят на холмах, прячутся за курганами, выглядывают из бурьяна, и все они походят на людей и внушают подозрение... Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда...»

У И.А. Бунина во многих стихотворениях встречается слово «курган»:

= Стрелой скиф насквозь его пробил, / И там, где смерть ему закрыла очи, / Восстал курган – и тёмный ветер ночи / Дождём холодных слёз его кропил...

= Курган разрыт. В тяжёлом саркофаге / Он спит, как страж. Железный меч в руке...

Нельзя не упомянуть и прозаические описания Буниным степных пейзажей. Например, в рассказе «На Донце» даётся описание пейзажа, сочетающее лиризм с образностью:

«Песни степей заунывны и тихи, потому что они родились в душе одинокого кочевника, когда лежал он на старом могильном кургане, видел молчаливое небо и тосковал невыразимой тоской, чувял невнятный голос природы, говорящий нам, что не на земле наша родина... В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были».

Курганы как фундаментальные творения рук человеческих всегда привлекали своей таинственностью не одно поколение писателей и поэтов, простых людей и специалистов-археологов. И когда наступила пора вскрывать тайны курганов, на их раскопки ринулись, как говорится, все кому не лень. Разумеется, официальное разрешение на проведение раскопок выдавала императорская археологическая комиссия, и эти раскопки проводились либо за счёт государства, либо за счёт меценатов. Научные отчёты о проделанных исследованиях памятников археологии поступали в столичную Академию наук. Однако блеск золота, обнаруженного в исследованных курганах, слепил не только императорскую семью, но и народ огромной империи. В надежде немедленно обогатиться некоторые горячие головы ещё тогда бросились ковырять (!) курганы, причём иногда семьями, а то и целыми сёлами. Вслед за этим массовым психозом и появились, вероятно, легенды, подобные рассказам о золотой карете, о турецком или казацком золоте... Когда же эти самовольные раскопки, или, как тогда называли, кладоискательство приобрело угрожающе массовый характер, царские власти были вынуждены пойти на крайние меры – таких любителей лёгкой наживы стали арестовывать. А со временем утвердилось мнение, что кладоискательство носит, скорее всего, характер душевной болезни.

Как наследство, оставленное этими корыстными (или больными?) людьми, – зачастую археологи, раскапывая курган, наталкиваются на следы грабежа и с сожалением фиксируют лишь то, что осталось от разорения древних погребений.

* * *

Самые ранние курганы были насыпаны около 5–7 тыс. лет назад и являлись своеобразными степными пирамидами. Под курганной насыпью зачастую обнаруживалось от одного до сотни и более так называемых впускных погребений. В основном – родовые кладбища скотоводов-кочевников разных эпох, племён и народностей, которые ещё не знали письменности. В науке курганы Северного Причерноморья подразделяются на курганы эпохи энеолита (меднокаменного века), эпохи бронзы, эпохи раннего железа (скифо-сарматские курганы) и кочевнические эпохи раннего средневековья (половцы, печенег и др.).

Кочевники крайне редко насыпали собственные курганы. Чаще всего они совершали *подзахоронения* своих соплеменников в уже готовые курганные насыпи эпохи бронзы или скифского времени. Подобные погребения в археологии стали называть *впускными*.

Что же представлял собой курган? Искусственную земляную насыпь, своеобразное архитектурное сооружение, иногда ограждённое внутри или снаружи каменными плитами или рваным камнем. Такие ограды называли кромлехом (от бретонского слова «cromlech» – где «crom» означает «круг», а «lech» – «место»). Ограждения снаружи у подошвы скифского или античного кургана (Зевсов курган в Ольвии) именуют *крепидой*. Иногда за неимением близких выходов камня насыпь кургана обмазывали слоем грязи, смешанной с глиной, которая со временем превращалась в толстую корку. Как и каменная крепида, грязевая обмазка не давала насыпи расползаться. А в некоторых случаях курган являлся своеобразным святилищем – зиккуратом, наподобие ближневосточных, на вершине которого воскуривался огонь и приносились в жертву мелкие животные, птицы.

Что касается курганов эпох энеолита и бронзы, то, как правило, внутри такого памятника могла находиться вырытая могильная яма или каменный ящик, на дне которого лежал погребённый на спине с подогнутыми ногами или на боку, в позе зародыша. Рядом ставили лепные сосуды с молоком, водой или кашей (но не с золотом!), так как, по представлениям кочевников, по пути в потусторонний мир покойник должен пить и есть. Чаще всего тело его полностью или частично окрашивали красной охрой, которая испокон веков символизировала кровь или огонь, а значит, и жизнь в потустороннем мире. Каменные ящики обычно расписывали такой же охрой внутри или же на стенках ящика вырезали изображения каких-нибудь символов, животных.

Большинство же погребений эпох энеолита и бронзы перекрывалось либо рваными камнями, либо так называемыми антропоморфными (человекоподобными) стелами – плоскими плитами, условно передающими человеческую фигуру с вырезанной головой, покатыми плечами, деталями лица, одежды, разными орудиями труда, оружием, сценами из жизни и др. Иногда на стелы наносилась красная охра, сажа.

Антропоморфные стелы – это первые в истории человечества монументальные скульптуры, которые во время раскопок курганов находят на территории Северного Причерноморья, в том числе и на землях нашей области. Коллекция их, вторая по количеству в Украине, сосредоточена и экспонируется в Николаевском краеведческом музее.

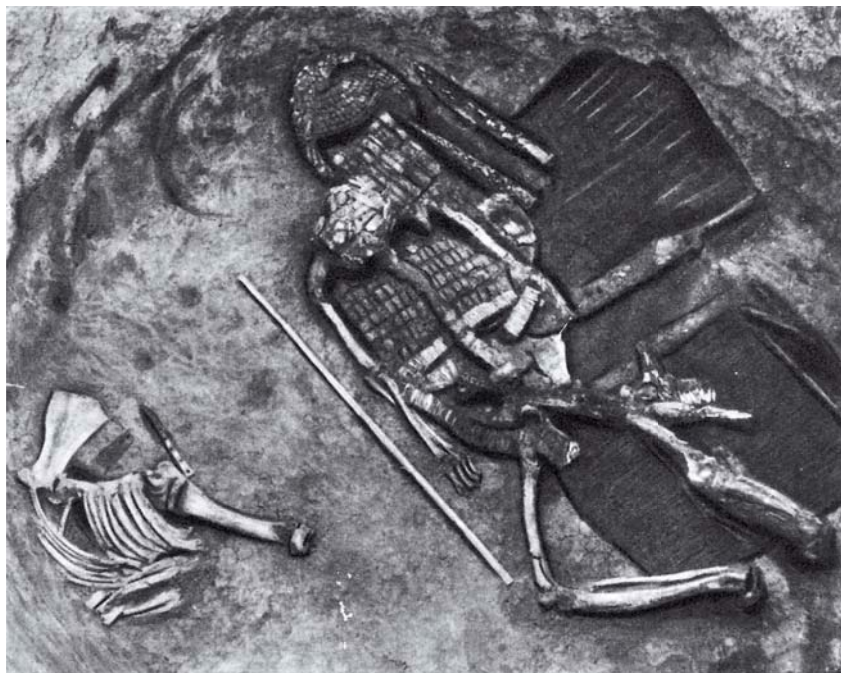
Иные скотоводы-кочевники в эпоху ранней бронзы совершали погребение по другому ритуалу: в земле устраивали своеобразную катакомбу с входной ямой или шахтой. Оттого в археологии данный ритуальный обычай получил наименование катакомбной культуры.

В эпоху раннего железа на наших землях широкое распространение получают скифские курганы. Древние греки, колонизировав берега Понта Эвксинского (Чёрного моря), все иные племена называли сборным именем – скифы, хотя среди них имелись будины, каллипиды, алазоны (кстати, эти племена обитали на территории современной Николаевщины), гипербореи, царские скифы и др. Вот как отец истории Геродот описывает погребальный обряд у скифов:

«Гробницы царей находятся в Герах... Когда у скифов умирает царь, то там роют большую четырёхугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском, потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толчёным кипером, благовониями и семенами селерея и аниса. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Геры к племенам, живущим в самых отдалённых пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копы, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив её, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных. А также кладут золотые чаши... После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причём наперерыв стараются сделать его как можно выше...»

На землях нашей области самое раннее погребение скифского воина при полном вооружении, относящееся к V в. до н.э., было исследовано у с. Новорозановка Новобугского района. Костяк воина лежал вытянуто на спине, на развёрнутом железном чешуйчатом панцире и таких же штанах. В изголовье находился шлем. Все чешуйки-пластинки ранее были нашиты на кожаную основу. Погребённый был опоясан портупейным поясом, состоящим из бронзовых пластин. К поясу крепился железный меч, а слева – колчан с 200 стрелами. Колчан украшала бронзовая бляха в виде головы лося с большим круглым глазом. Слева от шлема лежали остатки двух дротиков – железные наконечники длиной 44 см и 46,5 см.

*Раскопки могилы скифского воина
возле с. Новорозановка*

*Вооружение
скифского воина
(реконструкция
М.В. Горелика)*

Таким образом, в этом кургане был открыт уникальный по сохранности набор тяжёлого защитного и наступательного вооружения скифского воина, видимо, погибшего в наших степях. Именно раскопки этого захоронения явились сюжетом для стихотворения николаевского поэта Эмиля Январёва:

СКИФ

(Археологу В. Никитину)

С Васи требуют выкупа
то легенда, то миф.
Вася давеча выкопал
скифа. Редкостный скиф!
Он лежал аккуратненько,
представляя собой
меченосного ратника,
завершившего бой.
Он подхватывал ржавшего
жеребца да за меч!
Только прах, только ржавчина
с тех безудержных сеч...
И дотоле робевшие
(Вася больно уж строг!)

на краю погребения
бабы стали в рядок.
Что поделать с крестьянками?
Их печаль, как полынь!
Гитлер шёл по ним танками,
вешал, хаты палил.
Успевали закапывать
сыновей, мужиков.
Успевали оплакивать
их на веки веков.
И хватило отстойной
той безгласной тоски
и на этого воина –
как-никак земляки!

В баштанских степях у с. Булгаково (Новогеоргиевка) в кургане с местным названием Осипова могила было вскрыто скифское парное (мужчины и женщины) погребение IV в. до н.э. На глубине 3,5 м в замурованной погребальной камере костяки усопших лежали на травяной подстилке, покрытой шкурами животных. При жизни покойники были одеты в кожаные куртки и штаны, обуты в кожаные полусапожки. Причём левый рукав женской куртки был обшит бисером, а край рукава – медными колокольчиками. Вероятно, при стрельбе из лука колокольчики издавали мелодичный перезвон. Справа от мужского костяка лежал колчан, обтянутый кожей, с сохранившимися деревянными раскрашенными древками стрел и бронзовыми наконечниками. В головах находились два деревянных блюда с костями животных и три железных ножа с костяными ручками. Здесь же стояли деревянное блюдо и небольшой бочковидный сосуд с крышкой. А возле черепа женского костяка – два чернолаковых канфара (вид древнегреческой посуды), из которых пили вино. Рядом лежало бронзовое зеркало. Слева было уложено двухметровое копье с железным наконечником длиной 45 см. На шейных позвонках женского костяка обнаружены три кожаных мешочка – амулеты. А на шее – серебряная гривна. Пальцы левой руки украшали три золотых и один серебряный перстни. В ногах погребённых стоял бронзовый котёл, заваленный костями животных, и амфора, но уже без вина. Но самый неожиданный сюрприз был обнаружен в ногах женского костяка в развалившемся берестяном коробе. Его заполняли деревянные предметы сугубо женского обихода – шкатулки. На внутренней стороне одной из шкатулок удалось выявить двенадцать букв древнегреческого письма в две строки.

Здесь же, в коробе, лежали детали деревянного веретена и деревянного гребня. Среди других предметов там находилась крышка одной из шкатулок с миниатюрной росписью минеральными красками. На красном фоне, заключённом в рамку из сдвоенных параллельных синих линий, нанесённых на белый фон, была изображена присевшая на колени обнажённая женщина. Её голова повернута в сторону, волосы стянуты в тугий узел.

Перед женщиной висит одежда. Вся её фигура выполнена в лёгкой манере, передаёт грацию движений и дух времени, в котором творили древнегреческие мастера живописи.

Следует отметить – это самая древняя миниатюра на дереве, попавшая к скифам от древних греков и обнаруженная на территории не только Северного Причерноморья, но, пожалуй, и всей Украины. Весь этот погребальный инвентарь изумляет своей относительной сохранностью. Дело в том, что камера была настолько плотно замурована, что в ней сохранялась постоянная температура и влажность. Поэтому дерево

Изображение женщины на крышке шкатулки из Осиповой могилы (зарисовка автора статьи)

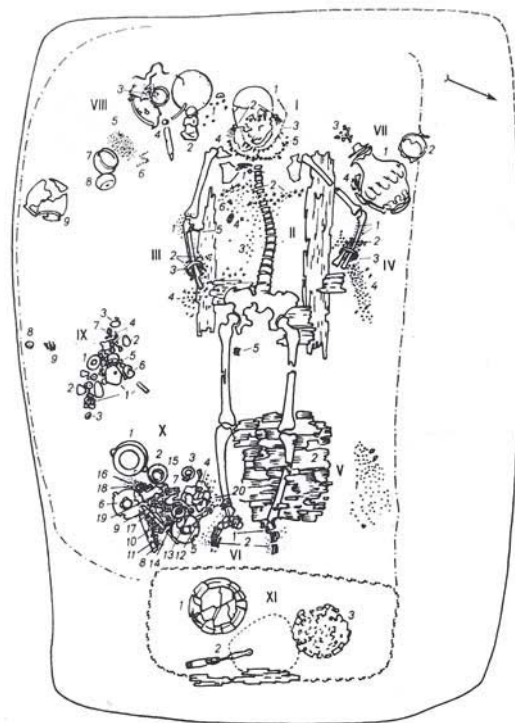

Схема погребения знатной сарматской женщины из кургана Соколова могила (с. Ковалёвка)

и кожа оказались как бы законсервированными. А с момента погребения прошло, по меньшей мере, две с половиной тысячи лет.

И, наконец, хотелось бы обратить внимание на исследованный у села Ковалёвка Николаевского района курган под местным названием Соколова могила. Погребение сарматской знатной женщины I века потрясло археологов богатством инвентаря, обнаруженного во время раскопок. Однако перечислить подробно весь инвентарь невозможно, ибо это заняло бы не одну страницу. Поэтому отсылаю читателя к монографии исследователя этого погребения кандидата исторических наук Г.Т. Ковпаненко «Сарматское погребение I в. н.э. на Нижнем Буге», изданной в 1986 г.

Из множества раскопанных археологами курганов на землях нашей области те курганы, о которых шла речь выше, являются наиболее значимыми для науки археологии. А что с этими погребениями стало бы, если бы к ним дотянулась жадная рука грабителя? Случись это, не дай Бог, наука бы потеряла несколько связующих звеньев в истории того или иного племени, народа, в истории человечества в целом.

* * *

Об археологии и памятниках древности можно рассказывать много и долго, и, надо сказать, людей неравнодушных они всегда притягивали к себе как магнит. И среди романтиков от науки нашлись такие, которые, обладая поэтическим даром, воспевают в своих стихах труд исследователя древностей, памятники археологии, курганы. Среди современных украинских археологов также были и есть поэтические натуры, прославлявшие в своём творчестве нелёгкий и даже опасный труд своих коллег.

Известный археолог, исследователь античности нашего края Сергей Буйских, среди археологов по праву считающийся бардом, написал большое количество стихов и песен, посвящённых разным сторонам исследовательского быта. Он издал в 1994 году поэтический сборник «Пыль золотая», в который, наряду с авторскими стихами и песнями, вошли произведения его коллег-археологов. Вот некоторые строки Сергея Буйских:

= *В полынном обрамлении / Стоят курганы древние – / Не бранные, не тленные, / Родные, сокровенные...* («Рифмы»).

= *Как шрамы – воронки на старом кургане. / Здесь войны разных столетий лежат...*

= *Серой смушкою Богдана / в травы рухнувший курган...* («Казацкая ночь»).

= *Снова степи, степи, степи / нас курганами встречают... / Словно скифские папахи, / в травы сброшены они...* («Степи». Борису Мозолеvesкому).

А один из современных археологов Сергей Пустовалов непосредственно курганам посвятил своё стихотворение:

КУРГАНЫ

*Раскиданные по степи,
Как звёзды в небе, спят курганы.
Им шепчут в вечность ковыли
Да моют росы утром рано.
И волны мелкой суеты
Об их подножья бьются злобно.*

*Но украшают их цветы,
Как предков вера в мир загробный.
Любовь иль ненависть для них,
Что господину раб презренный.
Восходит к их вершинам стих –
Поэзии цветок нетленный.*

Достаточно много пишет и публикуется Надежда Шевченко, постоянный сотрудник Николаевской археологической экспедиции Института археологии НАНУ (руководитель В.Н. Фоменко). В её стихотворении «Мать-Земля» есть такие слова:

= *Отцовский дом – саманный. Из земли, / что взята из кургана. / Вот так когда-то возвели / полнашего села...*

= *Мне показалось, что курган – не насыпь, / а воплощенье Матери-Земли...*

Борис Мозолевский, наш земляк, не сразу стал археологом, во всеуслышание о нём заговорили лишь после раскопок кургана Толстая могила, явивших науке и всему миру золотую пектораль. (Автору данной статьи посчастливилось видеть и держать в руках это величайшее произведение искусства. Нет слов, чтобы передать мастерство и тонкость работы древних ювелиров. Сегодня, пожалуй, вряд ли найдутся мастера, способные создать нечто подобное, используя архаичные технологии).

Всю жизнь Борис Мозолевский писал стихи – впечатления о нашей родимой степи, о тех курганах, которые обследовал и исследовал. Талантливый поэт, он оставил немало стихотворений. Вот лишь избранные строки:

= ...Под тем курганом скифская царица, / На вечность предъявившая права...

= ...Под тем курганом были только кости. / Но только ли? Там был Высокий Свет...

= ...Прошли шляхами ураганними, / Звели із попелу життя. / А степ все світиться курганами / Й не дозволяє забуття...

= ...Понад громами і органами / Новий заходить буревій. / А ти зориш мені курганами, / Як тиха ласка із-під вії.

В 1983 г. в издательстве «Наукова думка» вышло поэтико-археологическое произведение скифолога Б.Н. Мозолевого «Скіфський степ». Красочно иллюстрированная книга содержит очерки по исследованию богатых скифских курганов – Чертомлык, Куль-Оба, Солоха, Мелитопольский, Толстая могила и др. Есть в этой книге и такие строки Сергея Буйских:

«...Полынные курганы среди волн спелой ржи... Амфорный бой тризны... Золото царских могил... Весь этот манящий, загадочный мир был увиден Борисом Мозолевым...»

* * *

В последние годы, после введения Интернета и вслед за этим – прорыва в информационном пространстве, для всего человечества были вскрыты тайны, хранившиеся за семью печатями. К числу таких тайн относился и этногенез наших далёких предков, курганы которых исследуются археологическими экспедициями. Киммерийцы, скифы, сарматы, аланы и другие племена, имена которых известны по письменным источникам, оказывается, принадлежат к одному этносу – от него в свои времена отпочковывались разные народности. Так убедительно доказывает, проведя тщательнейший анализ, исследователь Ю.Д. Петухов в своей книге «Евразийская империя скифов». Он считает: официальная ортодоксальная наука не желает признать тот факт, что большинство этих племён являлись родоначальниками возникновения славян, имеющих руническую письменность, и на славянской основе родились русские, украинцы, белорусы, словаки, сербы и другие нации.

Что ж, исходя из вышеизложенного, можно заключить: времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

* – Мазуришки – матросы казённых купеческих и промысловых судов, бурлаки.

** – Сткляница – стеклянный пузырьёк.

*** – Ведеты (франц.) – ближайшие к неприятелю конные караулы; у казаков – посты наблюдения.

Никитин Василий Иванович. Археолог и краевед. Родился в 1938 г. Окончил факультет журналистики МГУ (1968). Работал научным сотрудником Николаевского краеведческого музея (1964–1988). Являлся сотрудником экспедиций на территории Одесской, Николаевской и Херсонской областей. С 1972 г. получил официальное разрешение на проведение самостоятельных разведок и раскопок. Им раскопаны и исследованы ряд курганов области, поселение эпохи ранней бронзы у с. Матвеевка и несколько стоянок-летовок этого же времени. Опубликовал более 100 научных статей по археологии и краеведению. Автор книг: «Николаевская хлебная биржа. Прошлое и настоящее» (1993), «...На круги своя. История прихода евангелическо-лютеранской церкви Христа Спасителя г. Николаева» (2006), «Ожившая память поколений» (2010), «Богдан Александрович фон Глазенап» (2010).

Андрій ІВАНОВ

ЧОРНОМОРСЬКА СКРИНЬКА

У сучасній Україні відсутня етика раціонального використання рекреаційних ресурсів і традиція державного регулювання такого використання. Цей факт ускладнює розвиток регіону на принципах економіко-екологічної самоорганізації та саморегулювання.

Туризм і бюджет

Традиційно місто, яке, на відміну від сільських територій, відрізняється прискореним ритмом життя, викидає багато злості і роздратування. Постійне перебування в квартирі густонаселеного пункту, в прямому сенсі цього слова, може скалічити життя людини. Тому захистити генетичний код людей від негативного впливу зовнішнього середовища є головним і незаперечним завданням держави. Світова практика свідчить, що серцевиною цієї проблематики є створення відповідного простору, який відповідає вимогам медичної реабілітації людей. Таким простором є комплекси на територіях, що містять у своєму складі санаторно-курортні та оздоровчі заклади (санаторії та пансіонати з лікуванням, профілакторії, будинки відпочинку, бази та інші заклади відпочинку, дитячі оздоровчі табори) й іншу туристичну інфраструктуру, яка здатна максимально задовольнити потреби населення.

Найбільш показово ілюструє себе у цьому контексті Крим, який з його лікувальними грязями, природними джерелами є конкурентоспроможним у цій галузі і є гідною альтернативою європейським курортам. Щорічно тут у середньому відпочивають 5 млн. людей, причому 3,5–4 млн. зупиняються у приватному секторі. В санаторно-курортному комплексі Криму зайнято близько 60 тисяч людей. А всього у сфері обслуговування працює близько 50% населення. Доходи від туризму становлять 40–50% бюджету автономії.

Не зумівши сформувати сучасну національну ідеологію розвитку курортних та оздоровчих закладів, за інформацією Всесвітнього Економічного Форуму, в 2009 році за рівнем конкурентоспроможності в цій сфері Україна посіла 77 місце. Для порівняння: Польща – 58 місце, Росія – 59, Грузія – 73. У 2011 році, за інформацією Форуму, рейтинг України знизився до 85 місця з 139 оцінених країн світу, випередивши в європейському регіоні тільки Вірменію, Боснію і Герцеговину та Молдову, і зрівнявся з Намібією (84 місце) та Гватемалою (86 місце). Причиною цього є низька ефективність системи управління якістю муніципальних послуг, яка б відповідала міжнародним стандартам. Поки що першість у розвитку індустрії туризму утримують Єгипет, Венесуела, Кенія, Польща, Греція, Угорщина, Португалія, Бермуди, Багами.

Наслідком цього є тенденція виїзного туризму, в результаті чого тільки у 2009 році за кордон було вивезено 10 млрд. дол. США, а 40–50% туризму працює в тіні. Аналіз туристичної бази туристичних потоків свідчить, що вони у великому ступені визначаються показниками фінансово-економічної стабільності країн.

Відзначимо, що в 2009 році на території Миколаївщини діяло 121 підприємство готельного господарства, серед яких 20 готелів, один готельно-офісний центр, 5 гуртожитків для приїжджих, один кемпінг, 4 студентські літні табори та 97 інших місць для тимчасового проживання. До послуг туристів пропонувався 6641 номер, в яких одноразово проживали 17,6 тис. гостей. При цьому

обслуговано 198,7 тис. туристів із 70 країн світу. За інформацією головного управління статистики у Миколаївській області, найбільша частка туристів прибула із Російської Федерації – 34,7%, Молдови – 20,4%, Білорусі – 17,9%. З країн дальнього зарубіжжя частка іноземних громадян становила таку статистику: з США – 3,2%, Польщі – 2,4%, Німеччини – 2,3%, Ізраїлю, Італії, Ірану – по 1,3%, КНДР – 1,2%, Литви – 1,1%, серед яких 40,1% їх загальної кількості зупинялось в обласному центрі. За період з січня 2009 по червень 2010 року до бюджету Миколаївської області надійшло 1026 тис. грн. від діяльності ліцензованих туристичних підприємств.

У наших краях туристи та відпочивальники віддають перевагу Коблево-Рибаківській зоні, у складі якої площа пляжів становить 60 га, а лісових насаджень – 400 га. Значна частина туристів обирає місцем відпочинку берегову смугу Чорного моря вздовж Кінбурнської коси, яка представлена пляжем площею 60 га, лісовими насадженнями площею 4,3 тис. га. В цілому тут кількість туристів на рік сягає до 140 тис. осіб. Туристи знаходять відпочинок і на території регіональних і національних ландшафтних парків області «Гранітно-степове Побужжя», «Білобережжя Святослава», «Приінгульський», «Тилігульський», інших заповідних територій, лиманів, річок тощо.

Але виявляється, що нині «пляжному відпочивальнику» вже недостатньо бути пасивним відпочивальником – він хоче ознайомитися з унікальними місцями області, археологічними та історико-культурними пам'ятками, історико-революційними та пам'ятними місцями, заповідниками, інженерними спорудами, пам'ятками природи, музеями громадської та сакральної архітектури, технологіями сільськогосподарського виробництва тощо. Прикладом цього є «Куротополіс Трускавець», «Моршин», де відпочивальники мають можливість ознайомитися з музеями та концертними залами м. Львова, «Скалами Довбуша», «Батьківщиною І. Франка», Почаївською Лаврою, джерелами м. Східниця та ін. Це вимагає розширення географії рекреаційних територій, куди приїжджають на лікування і відпочинок люди. Тільки комплексне поєднання територій природно-заповідного фонду з об'єктами та явищами природного походження, залучених у сферу рекреації і туризму, сприяє розвитку широкого спектра видів туризму та ефективному оздоровленню населення.

Сьогодні відсутні фундаментальні наукові дослідження, пов'язані з впровадженням методології розробки та стратегій управління розвитком територіально-рекреаційних комплексів. В умовах, що склалися, еволюційне формування ефективного еколого-збалансованого розвитку рекреаційного господарства в Україні потребує тривалого часу і зумовлює її відставання в цьому та в багатьох інших відношеннях від країн-лідерів у сфері туризму і природокористування та супроводжуватиметься подальшою втратою ресурсного потенціалу і, відповідно, соціальними витратами. Саме тому назріла необхідність формування ефективного механізму управління рекреаційним природокористуванням, який повинен стати підсумком реалізації стратегії, що узгоджує і врівноважує цільові настанови в області економіко-екологічних перетворень, антикризового регулювання, еколого-технологічної перебудови, підвищення рівня життя населення, ефективного входження у світовий туристичний і рекреаційний бізнес. Нас турбує стратегія управління розвитком територіальних рекреаційних комплексів. В основі економіко-екологічної стратегії розвитку повинні лежати довгострокові цілі. Це перетворення регіонів України на такі, що динамічно розвиваються, забезпечують на основі розумного споживання рекреаційних особливо цінних ресурсів досягнення середньоєвропейських стандартів рівня життя місцевого населення і рекреантів.

Основні напрями та ідеї розробленої та запропонованої для втілення в життя стратегії, яка, на наш погляд, є ефективною, зводяться до розвитку регіональних територіальних рекреаційних комплексів (ТРК). Умовою успішного розвитку ТРК є економіко-екологічна консолідація з урахуванням соціального аспекту. Це налагодження механізму партнерства між основними користувачами рекреаційними ресурсами та органами державного нагляду і контролю за якістю ресурсів. Даний механізм припускає співпрацю при утилізації відходів або проведенні очисних заходів із забрудниками довкілля; формування нормативних меж поведінки груп і механізмів відповідальності за їх порушення; розширення бази інвестиційної підтримки влади на основі її реальної відповідальності за досягнення значущих цілей – підвищення рівня життя та економічної безпеки.

Що привертає туристів?

Тільки комплексне поєднання територій природно-заповідного фонду з об'єктами та явищами природного походження, залучених у сферу рекреації туризму, сприяє розвитку широкого спектра видів туризму та ефективному оздоровленню населення. Наприклад, наявність унікальних природних та історичних ландшафтів, археологічних пам'яток, концентрації реліктових та ендемічних видів, високий бальнеологічний потенціал, біологічне різноманіття привертають увагу туристів та рекреантів. Це стало підставою для того, щоб рішенням Миколаївської обласної Ради ще у 1994 році було створено першу чергу регіонального ландшафтного парку «Гранітно-степове Побужжя». Сьогодні його площа складає вже 7753,5 га.

Особливу рекреаційну цінність формує ділянка каньйоноподібної долини ріки Південний Буг із шарами кристалічних порід. Привабливими є ерозійні форми рельєфу каньйоноподібних долин річок Південний Буг, В. Корабельна, Бакшала та балок Дідова, Романова, Мигійський Ташлик, Поплова, Дубова та ін. Клімат місцевості сприятливий для розвитку всіх видів туризму протягом теплого рекреаційного сезону, що триває з кінця квітня до середини листопада. На Південному Бузі виділяються водні маршрути, серед яких надають технічну і тактичну підготовку для розвитку спортивної майстерності водного слалому, родео тощо. Звернемо увагу, що в 2003 році 60% змагань всеукраїнського рівня з техніки водного туризму пройшли у Миколаївській області в межах каньйоноподібної долини ріки Південний Буг, що свідчить про високу цінність та унікальність території.

У рекреаційно-туристичній практиці природно-географічні та природно-антропогенні ресурси знаходять своє продовження в поєднанні з суспільно-історичними ресурсами. З огляду на це відзначимо, що Бузький каньйон з його стародавніми урочищами, скелями, курганами, порогами є національною святинею. Побужжя надзвичайно багате на археологічні пласти: палеоліт, мезоліт, неоліт, мідний і залізний віки, епоха бронзи, сармати, скіфи, римляни, черняхівська та трипільська культури, аналоги яких у Причорномор'ї відсутні.

Патріарх степового лісорозведення В.П. Скаржинський був першим, хто оцінив унікальний природний комплекс Гранітно-степового Побужжя, заборонивши в долині р. Південний Буг традиційну господарську діяльність. На суміжних землях ним були закладені сади, дендрарії, ліси, насіннєвий матеріал, який використовувався для створення зелених насаджень Одеси, Вознесенська, Миколаєва, Алушти, композиції Нікітського ботанічного саду, дендропарку «Софіївка» в Умані.

Не менш цінними природними ресурсами є «Кінбурнська коса» – унікальний для Європи територіальний комплекс рівнинних, піщаних та приморських ландшафтів, середовище існування багатьох видів рослин, грибів, тварин, серед яких є такі, що не зустрічаються більше ніде у світі. Природні умови Кінбурна сприятливі для пляжно-купального відпочинку, лікування грязями, для наукового і спортивного туризму. Справжньою перлиною оздоровчої діяльності є регіональний ландшафтний парк «Приінгульський» з його унікальним «Софіївським водосховищем». У контексті інтересів усього соціуму доцільним є формування таких оздоровчих зон, як Очаківська, Південнобузька, Інгульська, Вознесенська, Кодимо-Первомайська та рекреаційна зона міста Миколаєва.

Особливістю сучасної індустрії відпочинку є той факт, що все частіше туристи надають перевагу не системі готельних комплексів, а сільським садибам, перебуваючи в яких, можна ознайомитись із сільським способом життя, традиційною кухнею, домашніми тваринами. Такий вид туризму є особливо привабливим для міського населення з дітьми, людей, які втомилися від «благ цивілізації».

До речі, рекреація для Кінбурнської коси буде нешкідливою, якщо вона буде організовуватись не в готелях, базах відпочинку, тобто стаціонарних закладах, які розміщені на ній, що може призвести до некерованості, незбалансованого розвитку рекреації, а власне на сільських садибах. Наявні готелі, які майже не обладнані очисними спорудами, забруднюючі речовини, неочищені скиди від душових кабін, кухонь, туалетів просочуються в ґрунт через вигрібні ями, створюють таким чином ризик для забруднення ґрунтових вод тощо. При цьому природність Кінбурна (чисте повітря, море, озера, безмежні краєвиди, орхідейне поле, величезні дуби, можливість спостерігати за звірами і птахами) буде втрачена на завжди на зразок зон відпочинку «Коблеве», «Рибаківка» та інших, які ще 40 років тому були частиною

дикої природи Миколаївщини. Тому місцеві жителі Кінбурна можуть отримувати прибуток, розміщуючи туристів на своїх садибах та годуючи їх екологічно чистою продукцією, а дирекція національного природоохоронного парку – організовувати цікаві і корисні для здоров'я заняття, оскільки на Кінбурні зосереджена велика кількість цікавих для пізнання як природи, так і створених людиною об'єктів.

Тут можна поділитись досвідом приморських поселень у європейських країнах. Наприклад, на острові Амеланд (Нідерланди), що розміщений у Північному морі з кількома тисячами постійних жителів, приймають щорічно сотні тисяч туристів. При цьому на острові абсолютно відсутні курортно-оздоровчі заклади. Всі відпочиваючі проживають у невеликих пансіонатах на подвір'ї місцевих жителів або ж у кемпінгах, які належать місцевим громадам.

Найважливішими ресурсами індустрії відпочинку виступають багатющі родовища лікувальних мінеральних грязей Тилігульського лиману і Бейкушської затоки, запасів яких достатньо для перспективного їх використання. Так, запаси лікувальних грязей Тилігульського лиману становлять майже 12 млн. кубічних метрів, Бейкушевого родовища – 350 тис. м³. На території Снігурівського району розвідано значні запаси хлорно-сульфатно-натрієвих мінеральних вод, що є ефективним засобом лікування захворювань органів травлення. На основі аналізу об'єктивних статичних показників та експертних оцінок можна зробити висновок про конкурентні переваги бальнеологічного типу рекреаційних територій Миколаївської області.

У цьому зв'язку розвиток туристичної сервісної мережі сучасного міжнародного рівня є головним завданням, розв'язання якого потребує курортно-туристичне господарство. Відзначимо, що тенденції розвитку такого роду діяльності стають серйозною перешкодою на шляху до формування конкурентних переваг щодо створення умов для відпочинку та оздоровлення людей, ознайомлення з культурно-історичною спадщиною області, яка мало відома сучасникам, у тому числі туристам. У психологічному плані рекреаційно-оздоровчі ресурси Миколаївщини асоціюються насамперед з пляжами Чорного моря, лиманів і річок та дешевими продуктами харчування, не враховуючи культурно-історичних ресурсів, що сприяє формуванню негативної мотивації більшості місцевих жителів до прийому туристів, які розглядаються як конкуренти на споживчому ринку. Це є одним із чинників, який гальмує розвиток сільського зеленого туризму.

Не використовується і пізнавальний ресурс, представлений у краєзнавчих музеях та безпосередньо в природних умовах (геологічні та археологічні пам'ятки, в тому числі велика кількість курганів). Одним із прикладів унікального пізнавального ресурсу є Кінбурнська коса, що утворює лівий берег Дніпро-Бузького лиману. Крім того, Миколаївщина має потужний рекреаційний потенціал за межами морського узбережжя – об'єкти природно-заповідного фонду, які згідно з природоохоронним законодавством України можуть використовуватися в оздоровчих рекреаційних цілях.

Розмаїття конкретно-історичних, пізнавальних, культурних рекреаційних ресурсів області утворює реальне підґрунтя для оптимістичних сценаріїв майбутнього. Але можливість практичної реалізації цієї ідеології є поки що дуже проблематичною через обмеженість маркетингу туристичних напрямків, діяльність яких повинна полягати в захищенні покупців туристичного продукту. При цьому, з маркетингової точки зору, рекреаційна діяльність має бути орієнтована на те, щоб рівномірно розосередити туристів на території з метою зниження навантаження на природні об'єкти. Такий маркетинг напрямів ідентифікується з окремими туристичними візит-центрами. Пріоритет у розміщенні таких центрів повинен надаватись більш ємким рекреаційним ресурсам з поступовим їх поширенням на решту територій області. Тобто мова йде про те, що турист, який відпочиває на узбережжі Чорного моря, міг відвідати національні природні парки «Бузький Гард» та «Білобережжя Святослава», природний заповідник «Сланецький степ» та інші природно-заповідні території і об'єкти, музеї, сакральні об'єкти та інші історико-культурні пам'ятки.

Держава і рекреаційне природокористування

Становлення сучасної ринкової економіки припускає формування нової моделі ресурсозберігаючої політики. Нині наявна гостра необхідність у підвищенні якості життя більшості громадян України

і, отже, розширенні рекреаційного господарства. На сьогодні відповідно до західноєвропейських стандартів добробуту живуть лише 5–7% людей. Бідність особливо потребує рекреаційного оздоровлення. Вона охоплює 40% населення країни, а майже 30 млн. людей живуть на межі зубожіння, яке набуло застійного характеру. Спроби відродження господарських зв'язків, сільськогосподарського виробництва й інших структур ведуть до безконтрольного споживання ресурсів, утворення значного обсягу відходів, ушкодження особливо цінних ресурсів і, насамкінець, погіршення економічної ситуації.

Протягом тривалого часу основні напрями розвитку більшості курортних регіонів України визначалися потребами населення у відпочинку й оздоровленні без урахування міри деградації рекреаційних ресурсів, здатності екосистем до самовідновлення, гранично допустимих концентрацій шкідливих речовин в атмосфері, воді, ґрунті і сумарних збитків, що завдаються довкіллю.

Сучасне рекреаційне природокористування в Україні набуло рис двоярусної соціальної структури, характерної для країн «третього світу», де значна частина населення живе в стані перманентного зубожіння і позбавлена можливості проведення оздоровчого відпочинку, лікування та ін. Розкол не лише за рівнями прибутків і життєвими стандартами, але і в сприйнятті цінності рекреаційного ресурсу, що підриває основи економіко-екологічного розвитку суспільства.

Ситуація, яка склалася, підштовхує до вибору однієї з двох полярних моделей поведінки держави щодо рекреації та рекреантів. Це може бути або модель державного патерналізму, при якому повинна здійснюватися масована і всебічна підтримка рекреаційного комплексу, що розвивається, і населення за рахунок ресурсів держави, або модель субсидіарної держави, коли вона забезпечує дотації рекреаційному господарству і виплату субсидій населенню для доступу до соціальних послуг.

Необхідність досягнення означених цілей, підтримка достатнього життєвого рівня населення і рівня екологічної безпеки висувають гранично жорсткі вимоги до експансивної дії на природні ресурси. Головна задача на цьому шляху – забезпечення в перспективі високих, стійких темпів економіко-екологічного розвитку, які допоможуть у найближчому майбутньому створити і зберегти мінімально необхідний рівень патерналізму.

Вирішальною умовою в забезпеченні економічного зростання туристичних зон, курортів, наших регіональних та національних природних парків і всієї стратегії розвитку з еколого-збалансованою політикою повинен стати інвестиційний прорив, який припускає форсоване збільшення капіталовкладень у рекреаційне господарство, здійснення інвестиційного маневру на користь секторів, здатних забезпечити конкурентоспроможність вітчизняної рекреації у світовому масштабі. Цей прорив включає інвестиційну підтримку ряду секторів, що не мають сьогодні достатнього інвестиційного потенціалу, наприклад, гірсько-лижний туризм, водогрязелікування та ін.

Але для того, щоб інвестиції стали значущим чинником, мультиплікатором зростання, істотну роль повинен відігравати природоохоронний режим, з урахуванням унікальності, вичерпності, невідновлювальності використовуваного в рекреаційному бізнесі ресурсу. Це припускає прискорену модернізацію вживаних технологій у відпочинку, лікуванні, туризмі. Необхідно підкреслити, що модель економічного зростання, орієнтована не лише на підвищення життєвого рівня населення, але й на збереження екологічної рівноваги, зможе реально вивести регіони з кризи, гострота якої сьогодні замаскована кон'юнктурною хвилею пожвавлення у виробництві.

Основним напрямом в економіко-екологічній політиці ми вважаємо активну підтримку такого природно-ресурсного потенціалу регіону, який дозволяє задовольнити соціальні, екологічні та економічні потреби. Одним з ключових моментів цієї стратегії є формування справжнього конкурентного рекреаційного ринку, що припускає створення рівних умов для всіх його агентів-споживачів.

Дія на якість функціонування рекреаційного ринку розпадається на дві основні складові – насичення економік рекреаційних зон необхідними ринковими інститутами та інструментами і екологічне правове інформаційне забезпечення. Що для цього необхідно?

На сучасному етапі склалася ситуація, коли фінансовий і рекреаційний сектори функціонують окремо. Накопичення фінансових ресурсів у банківському секторі і дефіцит їх є однією з основних причин слабкої інвестиційної активності. Ключовою проблемою активізації інвестицій є цілеспря-

мований рух капіталу відповідно до наявного попиту на рекреаційні послуги та інвестиційних (у тому числі міжнародних) пропозицій.

При цьому на державу покладається обов'язок впливати: на формування прибутків, з одного боку, і, з іншого ефективно використовувати надлишкову ліквідність фінансових ресурсів; на тіньові гроші, які залучені в рекреаційний бізнес і не беруть участі в офіційному оподаткуванні. За політичної та економічної стабілізації, створення необхідних умов можна розраховувати на приплив значних іноземних інвестицій і вихід на конкурентний міжнародний рекреаційний ринок.

Дієвим інструментом установації координаційних зв'язків у сфері рекреаційного природокористування, що володіє високим «коефіцієнтом корисної дії», може стати бюджетна політика. Потрібне створення збалансованості між соціальними зобов'язаннями держави перед населенням і рекреаційним комплексом, а також його можливостями мобілізації фінансових ресурсів як на державному, так і на регіональному рівнях.

Генеральним принципом досягнення бездефіцитного еколого-збалансованого бюджету є не зниження витрат, а випереджаюче зростання прибутків до бюджету. При цьому пріоритетним напрямом розвитку податкового законодавства повинно стати пільгове оподаткування новостворюваних підприємств рекреаційного комплексу.

Важливими напрямками розвитку території дозвілля і відпочинку, поповнення бюджету є введення системи платежів за використання ресурсів, відчуження або вилучення ресурсів і територій зі сфери курортного природокористування, нецільове освоєння ресурсів, впровадження системи санкцій за порушення якості ресурсу, за деградацію і т.д. З викладеного можна дійти висновку про нагальну необхідність внесення змін у податкову систему. Ставки за основними екологічними податками і обов'язковими платежами не повинні підривати фінансову базу підприємств рекреаційного комплексу для успішного проведення відтворювального процесу.

Таким чином, для досягнення позначених параметрів управління інфраструктурою природокористування необхідно розробити систему програм розвитку державного і субдержавного рівнів, процедуру й механізми їх реалізації і контролю, систему мобілізації і концентрації ресурсів на пріоритетних напрямках, моніторингу за досягненням цільових параметрів і адекватним використанням багатств нашої чорноморської скриньки.

***Іванов Андрій Миколайович.** Доцент кафедри менеджменту Миколаївської філії КНУКіМ, кандидат економічних наук, член-кореспондент АПН України, член-кореспондент Російської Академії екології та безпеки життєдіяльності.*

Анатолий МИХАЙЛИК

СОХРАНИМ ЛИ УНИКАЛЬНУЮ ПРИРОДУ КИНБУРНСКОЙ КОСЫ?

Региональный ландшафтный парк «Кинбурнская коса» был создан в 1992 году. Это один из первых в Украине проектов ЮНЕСКО по сохранению национального биоразнообразия. Сегодня на территории Кинбурнского полуострова в акватории Днепро-Бугского лимана, Чёрного моря и Ягорлыкского залива сосуществуют уже ландшафтный региональный и национальный природный парки «Белобережье Святослава». Судьба уникального природного комплекса Николаевской области по-прежнему вызывает опасения.

*Эти нормы – основа нашей культуры.
Речь не о том, какие они; я лишь утверждаю,
что там, где норм нет, там нет и культуры.*
Х. Ортега-и-Гассет

Культура и природа

В век глобальных преобразований остро встаёт проблема гармонизации человеческой деятельности, культуры и природы. Мнение о том, что культура развивается вне зависимости от природы, основательно устарело. Такое мнение не только концептуально ошибочно, но и практически вредно. Осталось в прошлом представление о том, что природа и культура развиваются на основе разных законов: в основе природы первоначальное состояние «натуры», а культура функционирует на основе социальных законов. Более того, культура считалась второстепенным придатком социально-экономической жизни и материального производства. В ходу был постулат: «культура есть то, что не есть природа». Как в теоретическом, так и в практическом смысле это означало противопоставление культуры и природы. В отдельных случаях культура признавалась более совершенной и должна исправить несовершенство естественного мира: повернуть сибирские реки вспять, перегородить великий Днепр Днепро-Бугской плотиной и даже создать искусственные моря (Каховское, Кременчугское, Киевское и др.).

В пору острых экологических катаклизмов и кризисов природа настойчиво напоминает, что на нашей планете она источник жизнеспособности человека и его культуры, источник экономического благополучия, здоровья и красоты. Культура же не является автономным явлением природы, она вышла из природы, она прогрессирует и развивается, используя природные законы, сырьё и материалы.

Во все времена, как и сегодня, культура не сделала ни единого шага вперёд без участия природы. Культура в своём движении, служении человеку всегда подражала «натуре», училась у неё и учила человека действовать по примеру природы. Художник позаимствовал у природы краски, музыкант – звуки, инженер – физические законы и материалы. Если бы человек не видел, как летают птицы, как плывут по воде предметы, как катится круглый камень, летит брошенное копье, то не было бы самолётов, кораблей, ракет и даже колеса.

Вот почему сегодня необходимо коренным образом пересмотреть отношение культуры к природе. Сущность этого отношения сводится к новой современной мысли о том, что природа – не только безмолвное условие для развития культуры, она соавтор культуры. Всё, что есть в культуре, всё, что умеет человек, взято от природы, но приспособлено к человеческим потребностям. Не случайно немецкий философ-просветитель Иоганн Гердер считал, что сама природа заложила в человеке гуманистические основы его ума и культуры, И. Кант видел главное назначение природы по отношению к культуре в подготовке людей к свободе. Русский философ и историк Л. Гумилёв развитие культуры рассматривал как следствие космических сил, а появление новых этносов, по его мнению, связано с так называемой пассионарностью.

Многие выдающиеся учёные считали, что культура, в первую очередь, – человеческое отношение к природе, которое возникает в ходе истории. Сегодня эта мысль подзабыта. Культура возникла в лоне природы. Она и в наш век является главным условием развития гуманного цивилизованного мира, а поэтому задача сбережения природы, экологического воспитания людей должна базироваться на основе ясного понимания того, что жизнь человека, жизнь каждого живого существа зависит от среды обитания. Критерием высокого уровня культуры должно стать гуманное, бережливое отношение человека к природе в любом регионе нашей планеты.

Не только природа призвана помогать развивать культуру, но и сама культура в её гуманистическом содержании учит воспринимать природу, сохранять её, видеть в ней источник силы, здоровья и красоты. Но, к большому сожалению, современный человек ещё не поднялся в своём развитии на такую высоту, которая вынуждала бы его трепетно, с любовью относиться к природе, помогать ей и беречь её.

Современная цивилизация на первый план ставит хозяйственные задачи, безжалостно эксплуатирует природные ископаемые, в гигантских масштабах разрушает недра. И всё это делается для «блага» человека. Но ведь природа в равной мере принадлежит и всем другим обитателям земли. Лозунг «всё для человека, всё ради человека» глубоко ошибочен. Природа, позволив человеку создавать в своей среде культуру, может рассчитывать на то, что человек будет помогать живой среде сохраняться и развиваться. Но современная цивилизация в отношении окружающей среды часто использует антикультурные и варварские методы.

Природа добра, богата и щедра. Каждому человеку, каждому живому существу она предоставила место обитания, обеспечила способами выживания и защиты. В нашем крае на радость и здоровье людей она подарила счастливый уголок – заповедную Кинбурнскую косу. Здесь издавна живут люди, занимаются хозяйственной деятельностью, обрабатывают землю, ловят рыбу, разводят скот. Это важное предназначение кинбурнской земли, но не главное. Главная особенность этого края – удивительная красота, первозданность растительного и животного мира, благородная природная аура, которая восстанавливает силы, энергию, удивляет своей созидательной мудростью. Именно здесь культурные и цивилизационные нормы жизни должны находиться в спасительном гармоническом единстве.

Куда с Кинбурна исчезли дикие лошади?

Я много раз писал о Кинбурнской косе, об уникальности её естественной природы, о том, как свободно чувствует себя здесь птичий мир, как поют соловьи и фазаны-петухи, иволги, как над крышами сельских домов пролетают доверчивые белокрылые лебеди и взмахами крыльев благодарят людей за лояльное к ним отношение. На косе легко дышится, там тёплое чистое море, многокилометровые белые пляжные пески, солёные и пресные озёра среди травяных лугов и сосновых лесов, ковровое разноцветье лечебных трав.

За тридцать лет, на протяжении которых я езжу отдыхать на Кинбурн, много меняется прямо на глазах. Раньше в кинбурнских степях обитало два табуна диких лошадей, которые и летом и зимой прекрасно жили среди буйного разнотравья, приходили на целебные солёные озера, а в снежные

зимы копытом сбивали с травы снег и вдоволь наедались сухой травы. А когда наступали морозы, лошади пробивали среди высокого камыша коридор и устраивали площадку, что-то вроде манежа или зимней конюшни. Молодняк пропускали в середину стада и так его обогревали. В каждом табуне имелся свой вожак – жеребец, смелый и бдительный, в любую минуту готовый броситься на защиту своего стада.

Дикие лошади были удивительным украшением Кинбурнских степей и лесов, они символизировали свободу и независимость животного мира от человека, способного бездумно и жестоко эксплуатировать природу. Лошади не боялись людей, но и близко к себе не подпускали.

Откуда появились на косе дикие лошади? Местные лесники в прошлые годы выработанных и больных лошадей выгоняли в степь как ненужный, использованный ресурс. Люди предали лошадей, которые долгие годы беспрекословно служили им. А вот природа, её лечебные, сочные травы и свобода помогали выжить, окрепнуть, залечить трудовые мозоли, произвести стойкое потомство, у которого проснулась генетическая память жизни среди дикой природы.

Мне приходилось снимать этих лошадей на видео. Любо-дорого было наблюдать кинбурнские табуны, их гордые осанки, длинные гривки и хвосты, точёные бока. Лошади перед камерой демонстрировали свою грациозность, игривость и свободу, то выбрыкивали, то ложились на спину и перекатывались с боку на бок, то в стремительном беге гонялись друг за другом. Сегодня диких лошадей на Кинбурне нет. Местные обитатели полуострова из человеческого сословия их переловили и сдали на мясо. Как только могла подняться рука на такое! Не слышно больше среди широких травяных лугов ржания этих умных и красивых животных. Не удивлюсь, если в скором времени придётся и лошадей заносить в Красную книгу.

Лет двадцать-пятнадцать назад в местных лесах водилось много диких свиней, оленей, енотов и другой живности. В наши дни леса опустели. Можно слышать от жителей о том, что в рощах развелось много волков-переводняков (смесь волков с овчарками), которые режут скот, выедают даже дворовых собак. Я сам неоднократно слышал, как в тёмное время суток подвывают волки, ведут между собой переключку. Разумеется, при необходимости их численность могут регулировать охотники.

Не хочу оказаться пессимистом, но меня не покидает мысль о том, что тенденция исчезновения уникальных видов флоры и фауны на Кинбурнской косе постепенно набирает силу и главным виновником этого пагубного процесса является человек. На косе не определены и не обозначены маршруты легкового и грузового транспорта, туристические маршруты. Из окон автомобилей вылетают пустые бутылки, пакеты с отходами хозяйственной деятельности. Они постепенно накапливаются в разных местах, образуя свалки. Вывоз мусора по-прежнему остаётся одной из главных проблем на полуострове.

Тяжёлый транспорт утюжит заповедные земли вдоль и поперёк (на косе идёт интенсивное частное строительство). Из-за отсутствия дорог автомобили уничтожают растительный покров. На песчаных грунтах он исчезает под колёсами машин, очень медленно возрождается, в результате чего усиливается эрозия почвы, пески выдуваются ветром. А ведь здесь более 30 видов лекарственных растений: мяты, золототысячника, зверобоя, чабреца, пижмы, бессмертника песчаного. Что касается дикой орхидеи, то следует сказать, что на Кинбурнской косе существует их пять видов и самый большой в Европе участок – около 90 га.

В прошлые годы, когда люди заходили в воду Ягорлыцкого залива, из-под ног уносились стайки морского бычка, сегодня этот привычный черноморский житель почти исчез и на озёрах не видно ни чаек, ни диких уток. Местные жители поясняют такую ситуацию тем, что ежегодно на продажу вылавливаются десятки килограммов креветки, которая является необходимым кормом морских обитателей. Биологи считают, что в здешних озёрах и заливах обитают тысячи видов водных и наземных беспозвоночных, более 40 видов млекопитающих, встречаются несколько сотен видов птиц – пеликаны, цапли, гаги, орланы-белохвосты. Сколько их сегодня осталось?

Условия оздоровления Кинбурна

Можно продолжить перечень примеров, которые указывают на ухудшение экосистемы Кинбурна. Однако констатация фактов делу не поможет. Нужны срочные и решительные действия работников и регионального ландшафтного, и национального парков по выработке чётких правил поведения человека на Кинбурнском полуострове. Ведь сюда ежегодно устремляются сотни любителей природы. Стихийное паломничество туристов и организованное нашествие отдыхающих с каждым годом увеличивается. Прежде всего, нужно определить эти правила, нужна широкая разъяснительная и экологопросветительная работа среди местного населения, и в первую очередь среди людей, прибывающих на отдых. Одни работники парков вряд ли справятся с этим заданием.

Не совсем понятно, почему руководство ландшафтных парков пренебрегает помощью общественности. Ведь среди отдыхающих много представителей интеллигенции, которые искренне влюблены в природу Кинбурна, болезненно переживают случаи уничтожения природной фауны и редкой степной растительности. Кто эти люди? Это учителя, преподаватели вузов, писатели, художники, музыканты, студенты. Они могли бы принести много пользы: проводить просветительные беседы с приезжими в летний период, осуществлять мониторинг мест, где сосредотачивается много отдыхающих, вести профилактические беседы экологического содержания, помогать осуществлять меры противопожарной безопасности в знойную пору. Гостей Кинбурна следует информировать о том, что можно делать на косе, а чего нельзя, знакомить приезжих с представителями животного и растительного мира, которые занесены в Красную книгу Украины, следить за санитарной ситуацией, пресекать безответственное поведение тех, кто способен нанести урон заповедной земле.

Следовало бы напомнить отдыхающим, что Кинбурнская коса не только кусочек земного рая, но она таит в себе и нежелательные сюрпризы. Это укусы ос и диких пчёл, укусы гадюк, очень ядовитого паука-каракурта, морского ската. Ежегодно бывают подобные случаи, к сожалению, мало кто знает, как оказать первую помощь пострадавшим.

На основе закона «О природно-заповедном фонде Украины» одной из важных функций природного парка является организация экологической просветительно-воспитательной работы и создание условий для зелёного туризма и рекреационной деятельности. Эта большая работа охватывает и местное население, и гостей. Успешно осуществлять её можно на основе привлечения широкого актива волонтеров, которые ценят уникальность заповедной косы и готовы участвовать в её сбережении и возрождении.

Следует, наконец, предпринять организационные меры для реализации экологопросветительной программы. Поскольку природные парки пока не располагают достаточными материальными средствами, то добровольцы в летнюю пору могут помочь заповедникам, использовать свой личный транспорт. Скажем, можно сформировать мониторинговую команду активистов, включая в каждую группу работника парка. Для придания усилиям энтузиастов общественной значимости их следует снабдить удостоверением «Зелёный патруль». Они должны иметь право останавливать на территории парка любой автотранспорт для выяснения цели пребывания в заповеднике, проведения профилактических бесед.

Я убеждён: Кинбурнскому полуострову давно необходим информационный центр или визит-центр, как их называют в странах с развитой туристической инфраструктурой. Функция центра – предоставить самую необходимую информацию гостям, сообщить полезные советы, без знания которых жизнь на заповедной территории может оказаться не только радостью, но и обернуться неожиданным огорчением. Целесообразно установить информационные стенды, билборды в селе Покровка. Следует рассказать людям о тех опасных видах местной флоры и фауны, с которыми они могут повстречаться в походе по туристическим маршрутам, дать рекомендации по оказанию первой медицинской помощи. В конце концов, следует разработать и обозначить эти туристические маршруты, автомобильные парковки на карте ландшафтного и национального парков, позаботиться о местных условиях туризма и отдыха.

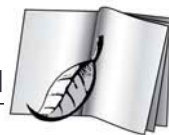
Кинбурну необходим свой историко-краеведческий музей. За эту заповедную землю Украины сражались вместе русские и казачьи полки, здесь рождалась воинская слава Александра Суворова, Фёдора Ушакова, здесь водили свои отряды против турок кошевой атаман Иван Сирко и гетман Пётр Сагайдачный. Здесь шли ожесточённые бои с фашистами в период Великой Отечественной войны. Нужен, разумеется, лекционный зал, где научные сотрудники могли бы проводить тематические беседы, организовать выставочную работу.

Региональный и национальный природные заповедники на Кинбурне должны быть открытыми для всех истинных ценителей уникальной причерноморской природы и культуры. В настоящее время местное население плохо информировано о планах национального парка, экологических мероприятиях на его территории, вследствие чего отношение к парку двойственное. Одни поддерживают идею создания национального парка, другие безразличны к нововведениям. Для информирования жителей полуострова и его гостей желательно использовать местное радио, а также издавать ежемесячный экологический бюллетень. В летнюю пору отдыхающие испытывают настоящий информационный голод: отсутствует справочная литература, географические и туристические карты, тематические экологические издания.

Конечно, главной задачей национального парка является сбережение ценных рекреационно-оздоровительных и историко-культурных комплексов Кинбурна, изучение его биосферы и уникальных природных условий. Однако не следует забывать и про то, что здесь живут люди, занимаются хозяйственной деятельностью и без учёта их интересов, оказания им помощи благородные функции и задачи природного парка вряд ли будут реализованы. Каждый, кто проживает или приезжает сюда, должен принять главную идею: деятельность лагерей и баз отдыха, работа лесхоза, мелких частных предприятий должны осуществляться без нанесения урона заповедной земле. Только осознание этого может объединить и сплотить усилия всех, кто любит красоту природы Кинбурнской косы, кто остро переживает её проблемы и черпает в ней духовные, физические силы, энергетику и оптимизм.

Михайлик Анатолий Григорьевич. Культуролог, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Николаевского межрегионального института Киевского университета «Украина», кандидат педагогических наук, автор монографических исследований и учебных пособий.

Эмил ь ЯНВАРЁВ

СОБСТВЕННЫЙ ПОЧЕРК

НАСТИНА ЮНОСТЬ

Если мартын высоту наберёт
и с высоты опрокинется круто,
Федька Захарченко знал наперёд:
это гуляет косяк баламута.

– Настя! – кричал он. – Да где же ты, Насть?!
Брось огородничать, будь ты неладна!
(А в голове – только парус и снасть,
а в голове – только руль и шаланда).

Та под собою не чуяла ног,
не заводила пустых разговоров
и успевала собрать в узелок
хлеба краюху, яиц, помидоров...

Море шипело в прибрежном песке,
солнцем, и солью, и пеной блистая.
Где там таится, в каком далеке
голубоватая сизая стая?

Море казалось тогда молодым:
вылитый парубок, чистый рыбалка!
Вон уплывает в розовый дым
Федькина латаная рубаха.

Настя на волны кидалась, смугла,
грудь наполнялась волнением смутным.
Настя тогда молодой была,
скумбрию звали тогда баламутом.

Январёв Эмил ь Израилевич (30.01.1931 г., Николаев – 5.10.2005 г., Николаев). Поэт, прозаик, публицист. Окончил Николаевский пединститут (1952) и Московский литинститут им. М. Горького (1953). Много лет работал преподавателем в вечерней школе № 5. Автор 15 книг стихотворений, вышедших в издательствах «Советский писатель», «Дніпро», «Радянський письменник», «Маяк», «Возможности Киммерии» (в том числе посмертная книга «Подлинник» (2006), включившая последние стихотворения поэта). Участник сборников «День поэзии», поэтических антологий. С 1994 года вёл популярную телевизионную программу «Точка зрения», пропагандирующую культурные ценности, достижения украинского и мирового искусства. Лауреат литературной премии им. Николая Ушакова (1999). Почётный гражданин г. Николаева (1999). Удостоен звания «Горожанин года» (1997). Член НСПУ (1974).

ПРИМЕЧАНИЕ К ПУТЕВОДИТЕЛЮ

За окошком автобуса степь,
бесконечная, как поученье.
А у вас от друзей порученье:
на очаковский рынок поспеть.

Угадаете в самую рань,
позабудете пекло и тряску
и возьмёте гремящую связку,
именуемую – тарань.

Золотистые спинки детей,
о Невиданной Скумбрии споры.
Не поверите –
даже заборы
здесь из старых рыбацких сетей.

Ими ловят зарю и закат,
в их ячейках
июльские ночи
оставляют ворсистые клочья,
и они на рассвете шуршат.

Описать обнажённость песка,
тень, бегущую косо от тента,
одного лишь не хватит оттенка,
одного не достанет мазка.

* * *

Когда б с тобой заране
мы ведали, подруга,
что на Сухом Фонтане
плакун-трава упруга,
что над вещуньей-рыбой
гудит камыш струною,
мы край тот обошли бы
десятой стороною.
Но мы с тобой не знали
старинные законы,
языческие знаки
нам были незнакомы.
Над нашим общим телом
закат был рдян и перист,
когда трава блестела
и рыба шла на нерест...

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ЭКРАН

(1963)

Старая киноплёнка.
Берег реки. Яхт-клуб.
Тоненькая девчонка.
Розовый хула-хуп.

Не убежишь от факта –
документальна ты:
это твоя ухватка,
это твои черты.

Это ещё начало,
но – простота простот! –
ты уже раскачала
всё, что произойдёт.

Ты уже раскрутила
судьбы и времена.
Завтрашняя картина
только тебе ясна.

Адовая воронка.
Мир плотояден, груб.
Парусная девчонка.
Яростный хула-хуп.

* * *

Так сложилась судьба или нет?
О, сложилась, сложилась,
ибо каждое утро чуть свет
небо в окна ломилось!

Затянув в глубину облака,
как большое зеркало,
в двух шагах золотая река
на закате мерцала.

Руку на сердце – всем ли дано
благоденствия столько,
чтобы тополя веретено
билось в синие стёкла?

Задыхалась от счастья душа,
отступали печали,
когда свежие капли дождя
в подоконник стучали.

**БАЗАРНАЯ
ПЛОЩАДЬ***(1946)*

Сочиняйте безмятежный стих,
воспевайте звёздное мерцанье.
Я видал, как вешают живых,
и стоял потом
под мертвецами.

Прославляйте жизнь от сих до сих,
от слоистых запахов шалея.
Как вываливается язык
из рта, поведать тяжелее.

...Друг мой видел Прагу и Бомбей
и оливковые рощи Крита.
Я видал, как вешают людей.
Зрение моё по горло сыто.

* * *

Людмиле

Как золотисто расцвечен листочек!
Косо летит, а куда залетит?
Где же источник, где же источник
света, который его золотит?

Облако тайной нездешней смущает
и скоротечной беспечной судьбой.
Где тот светильник, что освещает
облака этого тонкий подбой?

Слепнет река от мерцанья сплошного,
льётся сиянье кустов и травы...
О, неужели, любимая, снова
это извечные козни твои?

* * *

Мы жили лишённые естества.
Мы были на долгие времена
Иваны, не помнящие родства,
Абрамы, меняющие имена.

И разве мы этим кому грозим,
когда у отеческих алтарей
грузин вспоминает, что он грузин,
еврей вспоминает, что он еврей?

ПОЧЕРК

Под воем бомбёжки
дрожала ручка
в руке третьеклассника –
в почерке это осталось.

Эта же ручка,
не дописав предложения,
выпадала из той же руки,
ослабевшей от недоедания, –
в почерке это осталось.

Звёзды салюта
освещали тетрадный листок,
по которому ручка
взволнованно прыгала:
господи, радость какая!
В почерке это осталось.

Неужели мало, чтобы иметь
какой ни на есть
собственный почерк?

* * *

Нет, никогда я не буду, обидясь,
букой торчать среди вас, молодых.
Вы сочинители, я летописец,
вы фантазёры, я бытовик.

Это страдание моё, а не льгота,
не преимущество, просто беда:
рельсы мои сорок первого года,
сорок шестого – моя лебеда.

Я поздновато, но всё ж докумекал:
превозмогая лирический гнёт,
в строчке желание стать документом,
не остывая с годами, живёт.

СКАМЕЕЧКА

И.Ш.

Мой товарищ (и многие знают,
кого я имею в виду)
может, если захочет, пройтись
по Гефсиманскому саду
или просто расслабиться на скамеечке
в Гефсиманском саду,

испытывая непривычную,
восхитительную усладу.
Я тоже хотел бы! Но на счастье иль на беду
не могу оторвать себя
от этой земли безутешной...
Вот и сижу на лавочке
в приингульском Диком саду
со своей библейской печалью,
со своей славянской надеждой.

* * *

Неужели, зная этот ад –
наше прозябанье без просвета,
к нам весною птицы прилетят?
Я уже почти не верю в это.
Неужели в нищенском лесу,
схожем с позаброшенным кладбищем,
нам, сгубившим божию красу
и себя (само собой) сгубившим,
птицы запоют? Поверить в рай
посреди повальной летаргии?
Накажи нас, Боже, покарай,
укажи им путь в края другие...

Библиография Эмиля Январёва

Отдельные книги:

- Январёв Э.И. Переправа: Стихи. – М.: Советский писатель, 1967. – 88 с.
Январёв Э.И. Настоящее время: Стихи. – Одесса: Маяк, 1971. – 112 с.
Январёв Э.И. Действующие лица: Стихи. – Одесса: Маяк, 1972. – 64 с.
Январёв Э.И. Открытый урок: Стихи. – М.: Советский писатель, 1975. – 104 с.
Январёв Э.И. Корабельные баллады: Стихи. – К.: Рад. письменник, 1977. – 60 с.
Январёв Э.И. Школа взрослых: Стихи. – Одесса: Маяк, 1979. – 55 с.
Январёв Э.И. Почерк: Стихи. – Одесса: Маяк, 1981. – 87 с.
Январёв Э.И. Мера сил: Стихи. – Одесса: Маяк, 1984. – 80 с.
Январёв Э.И. Эхо на площади: Стихи. – Одесса: Маяк, 1987. – 128 с.
Январёв Э.И. Новый адрес: Стихи. – К.: Рад. письменник, 1989. – 95 с.
Январёв Э.И. Ольвийский причал: Стихи. – К.: Дніпро, 1991. – 247 с.
Январёв Э.И. Документ: Книга стихотворений. – Николаев: Возможности Киммерии, 1997. – 240 с.
Январёв Э.И. Стихи мои младше меня: Стихи. – Николаев: Возможности Киммерии, 2000. – 104 с.
Январёв Э.И. Стечение обстоятельств: Стихи. – Николаев: Возможности Киммерии, 2001. – 114 с.
Январёв Э.И. Подлинник: Последние стихи. – Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2006. – 88 с.

Публикации в поэтических антологиях:

- Стихи // Русские советские поэты Украины: Антология. – К.: Дніпро, 1987.
Миколаївський оберіг: Поэтическая антология. – Николаев: МП «Возможности Киммерии», 2004.
Украина. Русская поэзия. XX век: Поэтическая антология. – К.: ООО «ЮГ», 2008.

«СКУМБРИЮ ЗВАЛИ ТОГДА БАЛАМУТОМ...»

Комментарий к одной строчке Эмиля Январёва

В Стамбуле, на Гелатском мосту через бухту Золотой Рог, по которому бесшумные немецкие трамваи везут приезжих и местных в старый город, но по которому так приятно, после почти суточной качки, пройти пешком, глаза на вывески и минареты, – так вот, на этом самом Гелатском мосту всегда, в любое время года и суток, сплошной шеренгой, и слева, и справа, стоят рыболовы. Мост ошетинился удилищами – гигантская сороконожка, вразнобой шевелящая бесчисленными лапками.

За спиной каждого рыбака пластмассовое ведёрко, в нём плещется улов, его тут же сбывают на набережную. Там дымятся жаровни, рыбёшки обжариваются в масле – и нарасхват! Морская вода, жареные каштаны и шкварчающая в масле босфорская рыба – первый запах старого Стамбула. Чуть дальше волной накатывают ароматы Египетского рынка: пряности, благовония, сласти, эфирные масла, – а рыбный дух остаётся за спиной...

Я заглянул в ведёрко и ахнул: кроме хорошо знакомой неприхотливой ставридки и исчезающей, но ещё не пропавшей окончательно кефали, там плескалась легендарная, давно покинувшая наши берега черноморская скумбрия!

Где-то в 60-е годы минувшего столетия эта знаменитая рыба, воспетая в южном фольклоре (была такая песенка: «Если любишь солёную скумбрию – я тебе её достану хоть вагон»), – вдруг в одночасье исчезла из наших вод. Ушла. Сразу и вся. Навсегда.

Нежная малосольная скумбрия и пунцовые, щекастые, налитые соком и солнцем кинбурнские помидоры с куском хлеба – не было ничего вкуснее в детстве! Это был, как сказали бы сегодня, базарный «бренд» нашего края – земли виноградников и баштанов, моря и степи, соли и солнца!

Значит, она не исчезла, эта славная рыба, не вывелась, не вымерла! – она терпела-терпела, а потом просто двинула отсюда в другие края, к турецким или каким-то там ещё берегам, туда, где ей дышать и кормиться легче. А наши воды покинула, потому что мы их заплывали и загадили, сделали непригодными для жизни. Осталась только в стихах Эмиля Январёва. Как и многое из той жизни, которая сверкнула солнечными плавниками и канула.

Я шёл по турецкому мосту, лавируя между рыбаками и зеваками, и бормотал его строчки:

*«Покуда я строчил о том, о сём
в блокноте у Ольвийского причала,
мне скумбрия серебряным хвостом
махнула элегично и прощально...»*

Он был настоящим поэтом: со своим неповторимым миром, который он создавал своими, тоже неповторимыми, способами. Эта уникальность складывалась из многого. Не только из выбора тем и предметов, отбора незаёмных слов и выработки индивидуальных, присущих только ему интонаций. Прежде всего – из постоянной работы души, сумевшей перелить собственную судьбу и личный опыт в ёмкие сгустки поэтических образов. А в них – и время, и люди, и жизнь.

И всё это не абстрактно, не «вообще», а очень конкретно. У Январёва крайне редко встретишь стихи, которые не несли бы на себе отпечатка пространства и времени. Приметы жизни – вплоть до названий улиц и фамилий людей, их повадок и словечек. Черты быта: от того, что читали, – до того, что ели и носили.

Он терпеть не мог «поэтизм» – стандартного набора фальшивых красот, которыми часто грешат стихотворцы-любители (да и не только любители). Не любил «шифрования пустот» – умничанья на пустом месте. Остро чувствовал и не одобрял неестественности, красивых поз, высокопарных восклицаний. Может, поэтому сам тяготел к прозаизмам, охотно вкрапляя их в текстовую ткань и искусно возвышая то внезапным эмоциональным всплеском, то нежным акварельным мазком.

Предметом поэзии для него было всё: впечатления военного детства и послевоенного отрочества, вечерняя школа и ближние соседи, обустроивающиеся Лески и памятный с детства Дикий Сад... Он любил Николаев, в котором родился и прожил яркую жизнь, город, в котором, как он сам сказал, «все улицы ведут к реке», где строили и провожали корабли, где цвели на Слободке абрикосы и вишни, а сквозь акации яхт-клуба просвечивали паруса и звенели детские голоса.

О поэзии Эмиля Январёва написано и сказано много. И его стихи, и сам он – давно уже стали одной из николаевских достопримечательностей, в ряду с Флотским бульваром и аркасовыми львами в Каштановом сквере. Мемориальная доска установлена поэту, почётному гражданину города, на родительском доме, где он вырос.

Он был сыном своего времени и сумел отразить это многогранное время – его вкус и запах, предметность, мироощущение, увлечения, даже фобии – в строчках, которые помогут тем, кто пришел позже, увидеть, ощутить и понять нашу очень непростую, трагическую и победную, одухотворённую и унижительную, эпоху.

На Гелатском мосту в Константинополе-Стамбуле, вспоминая строчки Январёва, я вдруг вспомнил и о том, что поэт ни разу не бывал за границей. Всегда чувствовал себя «невыездным». И даже тогда, когда советский режим ослабел и уже можно было попытаться хоть глазком заглянуть за «железный занавес», он и не делал таких попыток. Да и из родного города выезжал не так часто. Киев, Москва, Ленинград... Дни литературы на Ставрополье... Дома творчества – Прибалтика, Крым, Одесса... Ну, однажды в Узбекистан слетал, как паломничество совершил, – в памятные места военной эвакуации. Вот, собственно, и все его дальние вояжи.

Он не любил надолго отрываться от семьи, от дома – только здесь чувствовал себя уверенно и относительно защищённо. Домом для него был не только Николаев, но и окрестности – кинбурнские солёные просторы, очаковские кручи, загадочные ольвийские холмы. А что? При мощном и масштабном таланте – этого с избытком хватило для настоящей поэзии.

Владимир Пучков

Юр'єв Валер'ян (Валерій) Олексійович (26.06.1937 р. – 06.11.1980 р.). Поет, прозаїк, драматург, літературний критик. Член Національної спілки письменників України. Народився в с. Лозоватка Новоукраїнського району Кіровоградської області. Навчався в Кіровоградському педагогічному інституті. 1972 року переїхав до Миколаєва, працював у редакції обласної газети «Південна правда», завідував кабінетом молодого автора в обласній організації НСПУ. Останні роки був на творчій роботі. Автор поетичних книг «Монологи землі» (Київ, 1965), «Доля» (Київ, 1967), «Орбіти дня» (Одеса, 1974) та посмертних збірок: «З материнського поля» (Одеса, 1981), «Силует матері» (Київ, 1981), «Спрага» (Київ, 1984).

Валер'ян ЮР'ЄВ

ВОЛОШКОВИМ ЗАПАХОМ – ДЕНЬ!

ЗИМОВІ ШТРИХИ 1943-го

*

Ого – добра! У балці за ліском,
Немов картопля змерзла у кагатах,
Найперші іграшки мої – гранати...

*

– О кіндер, кін дер... – Німець дав цукерку.
Я довго м'яв цукерку ту в руках:
Мені здавалось, що вона гірка...

*

В землянці – північ. Раптом – стук у двері.
Бабуся вийшла в сіни з каганцем –
Зійшла зоря перед її лицем!

*

Зашерхла тиша. Примороз калюж
Розбитими скляніє дзеркалами.
Йде дядько Гриць з пустими рукавами?!

*

До річки дружно збіглись хлопчакі:
Яка ж бо радість! Дід Максим на мене
Пошив з ряднини галіфе зелене.

*

Знов кулеметна черга на зорі.
Здригнулись біля печі матері:
– О боженько, та то ж Маріїн трактор!

З ЇЇ ВІЧНОГО ПОЛЯ

І явилось п'ять теремів перед матір'ю
Золотих,
І явилось п'ять вітрів перед матір'ю
Срібних,
І явилось п'ять мостів перед матір'ю
Мідних...

Всміхнулася:

– Та ж у мене є тепла хата,
Бузок хилиться до вікна,
Ще й стежка – до криниці у березі.

І явився літак перед матір'ю:

– Хочеш, я буду возити твої надії?
– Йди, літаче, йди собі в небо,
Он, бач, з обрію летять журавлі.
– Ну тоді принесу тобі хмару?
– Тьху, краще подаруй мені внука.
– Я ніколи малят не приносив...
– Так чого ж ти летів до мене?
– Дай подихати степом.

Схилилася до яворини

І наче спить.

Мить.

Земля не земля, а снопи з веселок,
Навіть хворим в палатах
Сняться млосні пляжі,
А древньому дідові – дівка...

Мить!

Якби ж мати знала,
Що з долонь її
Виростає не тільки хліб,
Якби ж вона знала.

На майдані,

У базарній юрбі,

На триколісній колясочці –

На протезах Марко:

– Купіть м'якенькі пантофлі!

Якби ж вона знала,

Що гриби виростають не тільки у вишняку,

Не тільки в тінистих вибалках,

Не тільки...

Сизий попіл осідає на сліди Магеллана,
Сизий попіл зволожується
На райдужних плавниках
Голубих дельфінів, –
І рибалка падає ниць.

А мати думає,
Що з її поля виростає
Тільки насущний хліб,
Тільки насущний.

На березі Сени старий Пікассо
Вкраплює в небо
Метеликів з голубих фіалок,
На сороковій паралелі
Між Вашингтоном і Оттавою
Уолт Уїтмен леліє листя трави,
Луїс Корвалан
Чілі поклав на долоні:
– Земле,
Хай тобі крила не зітнуть чорні вітри,
Хай твоє серце
Буде благословення!

Так воно ще з учора:
Все росте з материнського поля –
Ломоносов,
Сковорода,
Запах кропу,
І щастя людське, і біда.
Макове зерня,
Літак –
Все росте з материнського поля,
З її вічного поля,
Все...
Бо сама вона – вічна!
А народжуючи дітей,
Думала:
– Хай вам буде п'ять теремів
Золотих,
П'ять вітрів
Срібних,
П'ять мостів
Мідних.

* * *

Сокирки – аж синьо, маки – аж червоно,
Волошковим запахом – день,
Мов рушник гаптовано
доокола ниви,
доокола злотечка...
Ш-ш-ш-у-р-р-ш-шу-у,
Дз-з-зень –
Колоски налиті зернятами-зернами,
Колоски напоєні росами зорин,
То поему творено,
Творено не перами –
Ранками недремними Йванів і Марин.
На врочистих китицях
Вічність хліба світиться,
Молодими рунами –
Світ очей.
Мати жде не діждеться,
Коли в теплі пригоршні
Бурштиновим струменем
Сонце потече.
І рука над колосом нахилилась човником,
І сама над колосом котре літо йде...
Сокирки – аж синьо, маки – аж червоно,
Волошковим запахом – день!

НОВОРІЧНЕ

Чи то метіль зайшлася диким ревом,
Чи білі коні скачуть під вікно...
Здійнято мить зелено-кришталеву,
На скатертину хлюпає вино.
І ми німієм в дивному чеканні:
Невже нам вічно мрію колисать?
На шиях віхол радісні світання
У наші дні стривожено летять.
Я мовчки вип'ю та й поставлю чарку,
А ти наповниш сміхом синє дно,
І Дід Мороз розтане під вікном,
Як сивий дим погаслої цигарки.
І ти на руки сядеш, мов дитя,
На миле серце ляжуть милі очі,
І попливе крізь віхоли виття
Маленьке сонце у колисці ночі.

ІНГУЛ

Про Дніпро пісні складають люди,
 Про Інгул мій кажуть жартома:
 Та у ньому ж по коліна всюди,
 Навіть риби путньої нема.

І між хвильок губиться розмова,
 Тільки вітер свисне в комишах...
 А Інгул – ні слова, ні півслова –
 Мовчки груди міста прикраша.

Та коли вогні засвітить вечір,
 Спустить місяць над водою снасть, –
 Він тягар човнів візьме на плечі
 Ще й лілей закоханим подасть.

НАТЮРМОРТ З КАВУНОМ

Затихли верстати... До склянки узвару
 На білих животиках котяться яйця,
 Щока помідора займається жаром,
 Халатик цибулі на хліба окрайці,
 І велет-кавун! Ніж пірнув його глибоко,
 Лежить той кавун на жіночих долонях,
 Мов з неба нічного хтось вирізав скибку
 І мідні заклепки забив на червонім...

ДО ОСІННІХ ЛАСТІВОК

Заосеніли сині сливи,
 Холоне айстри фіолет.
 О птахи літепла, коли ви
 Почнете віщий перелет?

Сьогодні ж знову сиві роси
 Вишневе листя розгорта,
 Ластівеняток ніжки босі
 Шикують ранок на дротах.

Та вірю: в кожному криляті,
 Осінньо б як там не було,
 Гніздом найпершим розпочате
 Пливе небес моїх тепло!

Машкин Николай Григорьевич. Прозаик, публицист. Родился 26.05.1960 г. Окончил Николаевский кораблестроительный институт. Печатался в российских изданиях «Новая книга», «Роман-журнал», «Международный форум». Лауреат международной премии «Имперская культура» им. Эдуарда Володина в номинации «Славянское братство» (2009).

Николай МАШКИН

ДЯДЯ ВАНЯ

Умер он глупо. Просто отказался ехать в госпиталь. Он запретил даже обсуждать эту тему и жене, и детям, и внукам. Как и в течение всей его жизни, никто не посмел ему возразить. Хотя ему было далеко за восемьдесят. И любой из его сыновей мог бы, не спрашивая, отвезти отца в госпиталь или ближайшую районную больницу. Элементарная операция по удалению аппендицита спасла бы ему жизнь. Но ослушаться не посмел никто.

В моей душе ничего не шевельнулось, когда отец сообщил мне о его смерти. Я никогда не любил его. Он казался мне грубым и невежественным. А часто и бессмысленно жестоким. Простой колхозный водила. Каким ему ещё быть? Когда он приезжал по колхозным делам в город, то останавливался у нас в крохотной тринадцатиметровой комнате в коммуналке. Из-за раскладушки, на которой он спал, встать с моего раскладного кресла и пройти в туалет становилось задачей циркового акробата. Кроме того, комната заполнялась жутким запахом его носков, пропотевшей одежды и ещё чего-то невыносимо гадкого. Приходилось делать над собой жуткие усилия, чтобы меня не рвало. Я всегда был в ужасе, когда нависала угроза его приезда. Не радовалась и мама. Для отца же его приезд всегда был праздником. Отец любил его и всегда радовался его приезду как ребёнок. А он никогда не приезжал с пустыми руками. Нет, ни для меня, ни для мамы у него никогда ничего не было. Но несколько бутылок водки или самогона были всегда. Они садились «выпить за приезд». Жили мы бедно. Мама всегда экономила. Еды всегда было впритык, и она не любила застолий. Особенно таких, когда после первых выпитых рюмок отец кричал: «... ну давай ещё что-нибудь закусить, не видишь, брат приехал!» А в ящике за окном (холодильник мы не могли тогда себе позволить) было почти пусто. Отец не умеет пить. А выпив, вёл себя безобразно и, самое главное, уже не мог остановиться и надирался до беспамятства. Мне всегда было стыдно за поведение отца и унижение мамы... Это так и осталось для меня кошмаром из детства.

Он же всё подливал отцу: «Ты шо ж, из братом нэ выпьешь?» Сам он мог выпить много. Очень много. Неве-

роятно много. И не пьянел. Он легко выпивал бутылку водки и садился за руль. Что было на улице, день или ночь, для него было совершенно не важно. Он мог не спать по несколько суток, взбадривая себя водкой, спиртом, самогоном, всё равно чем, колеся в любом направлении тогда невероятно огромной страны. Немыслимо, но за все годы его работы водителем с ним не случилось не только аварий, даже мелких, но и просто каких-либо происшествий. Начальство ценило его. Он выезжал в любое время. Ехал без остановок на сон и еду, только отхлёбывая из горлышка. Привозил груз, который его машина ни по каким меркам перевезти не могла. Он всегда делал то, чего другие не могли. Задача должна быть выполнена! И точка! Иного он не принимал. Слабых презирал, просто за то, что они слабы. Слова «устал» и «надо поспать» ужасно раздражали его.

Моим двоюродным братьям и сёстрам жилось не сладко. Приезжая среди ночи и опрокинув кузов самосвала, он поднимал всех, в том числе и меня, когда я бывал в гостях, заставляя разгружать машину, складывать силос, да всё что угодно... Особенно жаль мне было младших братьев и сестру, которые ревели, с трудом поднимая тяжёлые для них вилы, но работали. Он же стоял, как надсмотрщик, и следил, чтобы дети делали всё добросовестно. Грубо покрикивал. За обессиленное «я больше не могу» – можно было получить... Бил он жестоко. Время от времени доставалось и мне. Это напоминало советские фильмы о фашистских концлагерях. В эти минуты я его ненавидел и готов был убить. Он это чувствовал. Иногда мне казалось, что именно это и доставляет ему удовольствие. Мне кажется, ему нравилось ломать людей. Позже, когда я подрос, стал находить не прямые способы сопротивляться ему, учитывая, однако, его силу и старшинство. Возможно, мне это тоже только кажется, но он стал относиться ко мне с уважением. Именно за мою непокорность, хотя и скрытую, которая к тому времени стала выделяться на фоне абсолютной покорности его детей.

Рукоприкладство было, надо сказать, большой редкостью. В большинстве случаев оно было ненужным. Он просто излучал какую-то страшную, жестокую волю, которой мало кто мог противиться. Однажды, в один из его внезапных приездов к нам в город, он застал отца за выпиливанием лобзиком. Тогда это было в моде. В магазинах продавались фанерные заготовки с изображением различных игрушек. Это могли быть зверушки, пистолетики, кораблики, да всё что угодно. В данном случае отец вырезал модель какого-то восточного кинжала. Отец любил меня. А я его. Между нами была некая незримая связь, к сожалению, утраченная с годами. Дома он бывал нечасто. И оттого, видимо, чувствовал себя в долгу передо мной. Как невыносимо остро я хотел получить этот фанерный кинжал немедленно и прямо сейчас, было ясно. Мой взгляд, напряжённая поза, затаённое дыхание говорили красноречивее всяких слов. Когда мама открыла дверь и он вошёл, отец, пригласив его присесть, продолжал выпиливать кинжал. Словом, работы оставалось немного. Минут на пять-семь. Я чувствовал – то, что отец продолжал работать лобзиком, а не кинулся, как обычно, обхаживать гостя, его взбесило. Однако ни слова, ни звука. Он терпеливо ждал. Началось всё с насмешек. Сейчас уже не могу вспомнить точно весь этот разговор. Но содержание его сводилось к тому, что отец тратит на меня время бессмысленно. Что дети никогда не бывают благодарны. «От побачиш, як виростэ, вин тэбэ, дурня, ще лупцювать будэ», – зло бросил он. К тому времени кинжал был закончен и можно было садиться за стол. Я держал в руках грубо вырезанную фанерную игрушку и был счастлив. Трудно даже передать, насколько я был счастлив. Я светился! Отец видел это, и его глаза тоже светились. «Вдар його!» – вдруг услышал я властный голос. Он обращался ко мне. Всё – глаза, жест, тембр голоса – излучало такую волю, такую внутреннюю силу, такой приказ, который не выполнить было невозможно! Слово не способно передать те чувства, которые в клочья рвали мою душу. Я знал, что этого делать нельзя! Ни при каких обстоятельствах нельзя! Но я оказался не способен противостоять его воле, вся мощь которой обрушилась на меня! «Бый, прямо в пузо бый!» – он не кричал, приказ звучал негромко, но настолько мощно и властно! Из моих глаз катились слёзы. Но мой внутренний бой был уже проигран. И я предал отца! Моя слабая рука едва тронула кончиком фанерного кинжала голубую ткань майки, в которой сидел отец. Но я это сделал! «От бачиш», – довольно сказал он отцу. Я рыдал. Я закрылся в кладовке и рыдал несколько часов подряд. Мать, заставшая только последние минуты происходящего и всегда избегавшая грубости и даже просто громкой речи, тихо проронила: «Сволочь». Несколько недель я избегал отца, несмотря

на то, что знал о его скором отъезде. Я всё равно не мог заставить себя встретиться с ним глазами. Он же, напротив, всё время искал возможность провести время со мной, зная, что уезжает надолго. Тогда мне было лет пять или шесть... Но даже сейчас, по прошествии стольких лет, когда душа уже очерствела и мало что может выжать из меня слезу... Даже сейчас, вспоминая об этом, меня пронзает жгучий стыд за моё предательство и на глаза наворачиваются слёзы. Я до сих пор не могу простить себе этот поступок. Себе не могу. И ему не могу. Даже сейчас, когда он уже умер и я знаю, что должно быть прощено всё. Всё равно не могу. Я до сих пор ненавижу его за то, что он заставил меня это сделать. Ненавижу.... И благодарен.... Благодарен за урок. В течение своей жизни я не раз подвергался моральному давлению. И в детстве, со стороны дворовых заводил. Некоторые из них сегодня известные криминальные авторитеты на постсоветском пространстве... То есть, как бы там ни было, а люди волевые. Они уже тогда такими были. И позже, уже во взрослой жизни, мне приходилось выходить победителем из нелёгких моральных поединков с людьми, которые были выше меня по положению, должности, званию, располагали большими возможностями. Этот урок дал мне какой-то стержень. По сей день я не могу себе представить ничего ужаснее того чувства, которое приходит за предательством.

Я не любил их разговоров. Он разговаривал с отцом в такой грубовато-насмешливой манере, какую мог бы позволить себе только человек, стоявший по своему социальному положению намного выше. Он всячески старался подчеркнуть своё превосходство над отцом. Превосходство, которого не было. И не могло быть. Отец окончил два института. Объездил полмира. Он был во Вьетнаме, когда там шла война. За его плечами были Сингапур, Индия, Индонезия... Сказочные страны, о которых можно было только мечтать, читать и смотреть то, что позволял нам увидеть Сенкевич в своём «Клубе кинопутешественников». Это отец имел полнейшее право относиться снисходительно к малограмотному сельскому водителю, который и мыслей-то своих толком сформулировать не мог и даже разговаривал на каком-то диком суржике, который мне всегда был противен! Не русский и не украинский... А отец, казалось, не замечал этого унижения. Он боготворил его. И уже в который раз вспоминал какой-то кожаный пиджак, который тот привёз ему с войны, после возвращения из Германии. Я никогда не видел этот легендарный пиджак. Он был сношен ещё до моего рождения. Пиджак этот, а вернее, рассказы о нём, – были в моих глазах символом. Символом и уроком. Детским уроком того, что нет на свете никакой самой дорогой вещи, ради которой можно позволить такое отношение к себе даже со стороны очень близкого человека.

Мне не нравилось его отношение к маме. Да и его отношение к женщинам вообще. У него не существовало сомнений, что абсолютно все женщины изменяют своим мужьям и уже на этом простом основании ничего, кроме презрения, не заслуживают. Женские слёзы рассматривались исключительно как инструмент воздействия на безмозглую и мягкотелую часть мужского населения. Казалось, то, что женщина способна любить, испытывать боль как физическую, так и душевную, – в его голове уместиться не могло. Для него это были какие-то существа низшего порядка, созданные исключительно для того, чтобы стирать, убирать, готовить... У них, конечно же, должна быть еда, тёплая одежда (совершенно не обязательно, чтобы она была красива), крыша над головой, конечно же, их нужно было везти к врачу, если заболеют... Но это всё, как мне казалось, только с целью поддержания в работоспособном состоянии... В нашей семье это воспринималось как дикость. Что давало ему повод считать отца подкаблучником и изливать на него дополнительную долю презрения ещё и за это. Мамы для него не существовало, она никогда не сидела за столом вместе с ними, они никогда ни о чём не разговаривали. И меня особенно раздражало то, что даже в её присутствии, разговаривая с отцом, он маму иначе, чем «она», не называл. Как будто у неё вообще имени не было! Мне было жаль его жену тётю Веру. Эта изнурённая тяжёлой, никогда не прекращающейся в сельском доме работой, ни на минуту не останавливающаяся, с хриплым голосом женщина, даже не поднимая глаз и просто пробегая мимо, излучала непередаваемую любовь и душевную теплоту. В её огромном, переполненном любовью сердце хватало тепла и доброты для всех. Для своих и чужих детей, для собак своих и бездомных. Она не просто кормила коров, поросят и кур. Она разговаривала с ними, гладила, ласкала. Поила голубей изо рта. И те слетались к ней, даже когда она просто

выходила во двор с чашкой. Когда я был маленьким, мне особенно докучал огромный гусак, ходивший за ней по пятам и охранявший её, как собака. Всё живое любило её! Возможно, так она получала любовь, которой никогда не получала и уже не надеялась получить от мужа. А он гонял и строил её, как солдата-первогодка. Когда он возвращался домой, она как-то так напрягалась и подтягивалась, ожидая команд и приказаний. А он тоном инспектирующего генерала неторопливо отдавал команды и указывал на то, что ещё не было сделано или, по его мнению, было сделано плохо. После чего он ел, выпивал свой традиционный гранёный стакан водки и либо уезжал, либо ложился спать. И тогда у тётки Веры спадало напряжение, на лице мелькала радость, что жизнь возвращалась в свою колею. А я, переполненный ненавистью к нему, боролся с непреодолимым желанием расплакаться, обнять её и пожалеть. Однажды я не справился с собой... Мы сидели с тёткой Верой в летней кухне с глиняным полом среди гусей, кур и индюшек, высиживающих цыплят, и, обнявшись, плакали. Я жалел её, а она почему-то жалела меня...

Я уехал в Москву, когда мне было пятнадцать. Отца направили на работу в Вену. Мама и младший брат поехали с ним. Я остался один... И больше никогда не восстановилась та наша семья, которую я помню до своего отъезда в Москву. Нет, были времена, когда они уезжали и возвращались, я учился, и мы все вместе какое-то время жили под одной крышей. Но даже когда я жил под одной крышей с ними, я всё равно... оставался один.

Я никогда с тех пор не виделся ни с ним, ни с братьями и сёстрами, ни с тёткой Верой. Однако воспоминания остались неизменными. И моя память и детское мировосприятие оставили о нём именно этот след. Я, по-прежнему возвращаясь в те годы, вспоминаю его таким и только таким. Вспоминаю без любви и с обидой. С обидой не за себя, а за тех, кого любил и сейчас люблю...

Отец позвонил, как всегда, не вовремя.

– Иван умер... Послезавтра похороны. Свозишь меня? С тремя пересадками я не доеду...

Отцу не откажешь – ему восемьдесят два. И с тремя пересадками ему действительно не доехать. И потом – ещё идти четыре километра по грунтовой дороге. А на дворе дождливая промозглая осень. Отцу и вправду самому не добраться. Придётся ехать, хочешь не хочешь. Все планы рухнули.

Дороги качеством нас никогда не радовали, но девяносто километров до поворота на грунтовку мы проехали довольно быстро. На небольшой скорости «погребли» по раскисшему чернозёму к видневшемуся на горизонте хуторку. Я очень сомневался, что моя «Шкода» переберётся через залитую водой балку. Но, матерясь в душе, вслух я не произнёс ни слова. Отец сидел молча.

* * *

...Пролетели десятки лет. Но всё осталось по-прежнему. Даже дом выкрашен в тот же цвет. И груши в палисаднике почти не изменились в размерах, только стволы ещё больше поросли лишайником...

Дядя Ваня лежал в гробу посреди комнаты, в которой тоже ничего не изменилось. Та же мебель, те же занавески на маленьких неоткрывающихся окнах, те же металлические кровати с никелированными «шишечками» и плюшевый «ковёр» с изображением лебедей.

Изменились только люди. Братья и сёстры поседели. С племянниками и племянницами я не был даже знаком. Только тётка Вера внешне почти не изменилась. Она не плакала. Только как-то по-особенному обняла меня и долго не отпускала. И от этого стало ещё горше. Шло отпевание. Запах зажжённых свечей и звук, даже не слова, а именно звук молитвы что-то растопили во мне. Возникло какое-то раскаяние и чувство вины за то, что я забыл о них, что они, как и я, постарели, а я за все эти годы не нашёл времени встретиться, не нашёл тепла для них. Мне было стыдно, что я не знаком со своими племянниками и никому из них ничем не помог. Пробудилось осознание потери каких-то неосознанных нитей родства, непоправимости и безвозвратности прошедшего.

От хутора остались две жилые хаты. Теперь останется одна. За кладбищем никто уже не следил. Поэтому дядю Ваню похоронили в шести километрах от дома. Возле соседнего села.

Людей пришло немного. И когда стали раздавать наскоро пошитые из неведомо как сохранившегося красного плюша подушечки с военными наградами, – оказалось, что многим пришлось нести по две. Там не было юбилейных наград. Дядя Ваня относился к ним с редким презрением. Получив их на каком-нибудь мероприятии, вернувшись домой, он неизменно повторял один и тот же ритуал:

– От ише одну бряцалку дали, за тэ, шо й доси не здох. Трэба було тоди давать, колы було за шо.

После чего швырял их на навозную кучу. Наливал традиционный стакан водки. Несколько минут стоял со стаканом в задумчивости. Молча стоя выпивал и говорил: «Зэмя йим пухом».

На День Победы он всегда надевал только три награды, которые, видимо, были ему особенно дороги: первую свою медаль «За отвагу», орден Славы и орден Красной Звезды. Я, конечно, знал, что наград у него больше. Но что столько – даже представить не мог! Я многого о нём не знал. Я, собственно, не знал о нём ничего. Во время этих похорон и поминального обеда я всё и узнал. Всё, что мне следовало бы знать намного раньше.

На похороны приехал его сослуживец, воевавший вместе с ним. Станный и внешне страшный старик с исхудавшим лицом, на котором выделялся крючковатый нос. И взгляд полусумасшедших чёрных, как маслины, глаз, от которого мороз пробегал по коже. Он не мог ходить без самодельной палочки, но выглядел довольно бодрым. Он был старше дяди Вани. Прилично старше. Но на похороны друга приехал. Через таможни и границы приехал из Воронежа! Он первым говорил, когда засыпали могилу. Непривычно акая и глотая окончания, он почти через предложение с непередаваемой гордостью повторял:

– Мы служили в войсках Берии...

За поминальным обедом он мне рассказал многое.

Дядю Ваню не взяли в армию, когда началась война. И, наверное, не столько по возрасту, а скорее всего потому, что до хутора, на котором до пятьдесят восьмого года и электричества не было, а уж дорог-то и подавно, добираться ради одного призывника в той суете и спешке просто не стали. Просидев три дня у большака, по которому за это время не прошла ни одна машина, решил пешком в райцентр не идти. Призвали его, уже когда наши армии шли на запад. Он попал в войска НКВД. Это была боевая часть, где царили порядки ещё более жестокие, чем в обычных регулярных частях. На войне человеческая жизнь вообще ничего не стоит. Здесь же она стояла ещё меньше, чем ничего. Потери этой части были сравнимы только с потерями штрафников. Задачи перед ними ставились особые, с которыми никто больше справиться не мог. Практически невыполнимые. Выполнить задачу – почти верная гибель. Не выполнить – уж точно верная смерть, но уже с позором и от рук своих же. Если записать всё, что рассказал мне старик, хватило бы на целый том. Почти каждый день они просыпались, чтобы умереть. Почти каждый их день был подвигом. Почти за каждый день они заслуживали награды. Но получали их крайне редко. А справедливо и по заслугам – почти никогда. Чаще по какой-нибудь начальственной придури, случайному распоряжению. В общем, как карта ляжет. Отдыхали на ходу, и пополнение приходило к ним на ходу. Всегда самые крепкие и самые лучшие. Опытным взглядом они без труда определяли, кто уже с первого задания не вернётся. Кто выживал в первые полгода, имел шансы... Недостаток выносливости, слабость почти всегда были причиной гибели товарищей и считались тягчайшим преступлением. Этого не прощали. Со следующей операцией этот боец, как правило, не возвращался.

Война для дяди Вани не закончилась в сорок пятом. Они оставались в Германии ещё шесть лет. Разыскивали и ловили военных преступников. Если бы не приехавший старик, то о том, что тот, кого я считал полуграмотным водилой, в совершенстве владел немецким, не узнал бы не только я, но и его дети.

И ещё одна история, рассказанная стариком, поразила меня. Там, в Германии, когда уже отпраздновали Победу и закончилась война на Дальнем Востоке, когда страна уже полным ходом возвращалась к мирной жизни, один из товарищей дяди Вани, прошедший с ним всю войну, – погиб. Убит он был скрывающимися фашистами. Командование отнеслось к этому как к рядовому эпизоду. Мол, такое на каждом шагу бывает. Смерть стала обычной и обыденной. Не то чтобы их не стали искать. Но того рвения и напряжённости, с которой работали в начале, уже не было. Дядя Ваня расценил это

как предательство. Он исчез из расположения. Восемь суток отсутствовал. По законам того времени это дезертирство – верный трибунал и расстрел. Спасло его только то, что через восемь суток он привёл шестерых пленных немцев и среди них – двух важных эсэсовцев. Поэтому получил только взыскание.

«А зори здесь тихие» отдыхают. В чужой стране, а не в своём лесу. Один. Скрываясь равно и от своих, и от чужих. Что он ел? Где спал он эти восемь суток? И спал ли вообще? Он один, а они вшестером. Он смог, а они оказались не способны сопротивляться. Он смог, потому что был выкован жестокой и безжалостной машиной, не признающей никаких аргументов и оправданий. Он был выкован из другого материала, чем они. Потому и смог. Он вернулся домой, когда другие уже давно отстроились и начали мирную жизнь. Ему снова не дали передышки:

– Принимай колхоз!

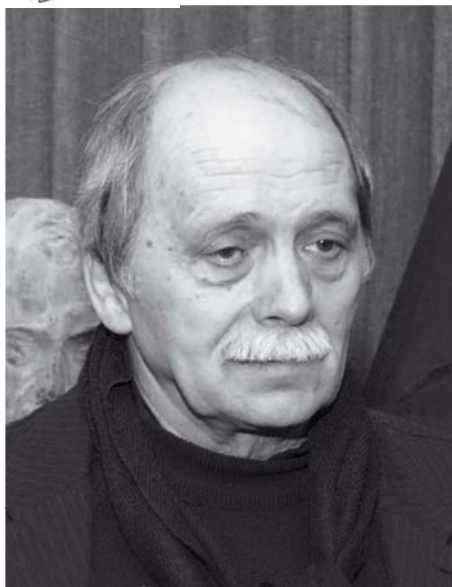
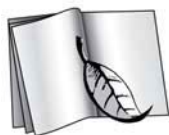
Планы поставок. Посевные без семенного материала и техники. Люди, которые хотят забыть то перенапряжение военных лет и не хотят смириться с тем, что окончание войны не принесло спокойствия и отдыха. Привыкшие воевать и получать из тыла, они не стремились работать добровольно. Эти испытания он принял. Самым тяжёлым стало другое испытание. От него потребовали «стучать» на районное начальство. Как умеют «уговаривать», он знал лучше многих. Он уехал в город и устроился водителем. Водителей не хватало. Его не тронули. Через два года он вернулся домой. И всю оставшуюся жизнь проработал водителем в колхозе. Это была та страна, где каждый мог быть хоть маленьким, но начальством, что давало определенные блага, но он отказался от благ, не стал прогибаться... У дяди Вани не было слов и девизов. Для него целью жизни было мочь всё и не прогибаться. Он не прогнулся. Оттого он и относился к отцу с некоторым высокомерием, потому что отцу по роду его деятельности приходилось уступать и идти на компромиссы.

Но от сказанного тётей Верой я оторопел.

– Вин любыв тебэ... Ото перед тым, як ты до Москвы пойхав. Як до нас прыйизжав. Ты до трасы пишов, а вин дывыця и каже: «Колька клятый, з нього толк будэ. А з наших ни», – и зитхнув так...

Чего-чего, а уж этого я никак не ожидал. Я не был добр к нему, а он не был добр ко мне. Он вообще ни к кому не был добр. Даже к собственным детям. Дядя Ваня был выкован из особого материала. Всю жизнь требовал от других быть такими же, не понимая, что такими, как он, могут быть далеко не все. Он безжалостно «ковал» всех тех, кто был поблизости, и прежде всего своих близких. Не щадя и калеча. Искалеченная войной и суровой жизнью душа его принимала доброту за слабость и безволие, которые он ненавидел. Он не вернулся с войны. Нет, он не погиб. Он приехал домой. Но так и остался на войне. До конца своих дней он жил по тем военным неписаным законам, которые принял, когда формировался его характер. Мне кажется, что он не поехал в госпиталь и умер, потому что так решил. Он не хотел умирать слабым и немощным. Он просто решил, что пришло время.

Бузник Михаил Викторович (Христофорович). Поэт, драматург. Родился в 1947 году в Пржевальске. Окончил химфак Киевского госуниверситета им. Шевченко (1968). Автор 7 пьес, поставленных как в России, так и за рубежом, 6 поэтических сборников, вышедших в парижском издательстве YMCA-Press: «Красота Елены – летопись света» (1995), «Лазури воля безначальная...» (1996), «Изумление» (1999), «Неостуженный жемчуг» (2001), «Линии неба» (2003), «Закладки для неба» (2009). Тексты переведены на многие языки, включены в антологии русской поэзии, изданные во Франции, Германии и Китае. Член Русского ПЕН-центра. Стипендиат фонда А. Рембо (2002, Франция).

Михаил БУЗНИК

БЕСПЛОТНОЕ СЕРДЦЕ ТВОЁ

* * *

Отец, ты помнишь, пусть на земле тогда тебя уже и не было: как я прилетел в Тифлис и вечером уже был в Ереване...

У Параджановского гроба просидел всю ночь.

Задумала прощание с нами – разъедающая предание земное – власть Херувимов.

Мученичество твоё, Сергей, кресты умножающее – это и слёзы расстрелянных в ГУЛАГе.

Порядок *надмирный* был в кадрах «Саят-Новы»... Он возрастал в Святости между прахом земным и Господом!

Глубинные пласты света держали **бесплотное сердце твоё** – гениальность возносившее... Неплотский круг событий Воскресающих оживал в капиллярах мозга.

И бездари взбесились: пещеру недругов переполнили. И с тех пор судьи да прокуроры с замыслами знобящими не отпускали тебя. Серафимы слепли от страданий твоих.

Друзья по зоне *гений* спасали. Без Параджанова у многих и воля была нежеланной.

Миллионы долей красоты в фильмах твоих уплотняли **согласие ангелов неузнанных среди нас.**

Светом первичным было написано имя твоё – когда тебя везли в аэропорт Де Голль, улицы Парижа перекрывая... Везли в Ереван умирать.

Сергей, дорогой! Почему в те страшные дни, когда судили тебя – я на Красную площадь не вышел? Лишь грехи мои знают.

За Духом быстрым никто не поспевает. Могилой твоей Арарат делит – землю и небо. Избыток жизни твоей – юность властная.

* * *

В июне 41-го родной брат моего отца
Иван Михайлович окончил медицинский институт.
Московский.

В Сталинграде, на Курской дуге, в Берлине... –
спасая солдат,
держал **в руках** своих – не одну тысячу отрезанных рук.

Другой брат отца – Евгений – родился в декабре
41-го года в Москве.
И был удар ежесекундный краткому телу жизни –
и страх + страх близкий в чреве материнском.

В те дни ризой творения была смерть.

Ночь осолонила непохожесть мыслей о добре.
От взоров глаз гибнущих было небо удлинено.

Фашисты рыли ров и четыреста детей в центре
России живыми закопали в нём...
Детский дом не выкрасили кровью.

Души защитников, души насильников застыли над
обугленной Церковью без куполов.

Земля срасталась костями.

Голоса детей разомкнули нарушенные сроки бытия.

Остановили ли они расправу над нами – на вершинах
чёрных. Сегодня?

P.S.: Игорь Петрович Владимиров – режиссёр от стихии,
ныне классик, рассказывал мне – как бомбили Питер.
В одну из ночей на Смоленском кладбище десятки
бомб летели на **ополченцев**.
Живым остался лишь Владимиров.

У чьей могилы он был той ночью?
На рассвете увидел: бомба не разорвалась лишь
у могилы **Александра Блока**.

АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА АНДРЕЕВА

Отец! Это ведь диво. Тебя ли благодарить за то, что
никакое прощание с Аллой Александровной невозможно.
Сегодня она мне до зримости довела рассказ
о том – как **тогда** люди умолкли.

(Имя её мужа Даниила Андреева на многих
пространствах небесной иерархии пишется).

Вот ворота зон: первые, вторые... Рядом зона –
в которой они встречались...
Орут следователи...

Переход между мирами – обнадёжен пробуждением
плоти нетленной...
Поэтому и Ангелы ближние бьются. Лики земные
повторены.

Чреволюбивые полдневные числа в неизвестности
замурованы.
Отражают единство – блаженства дробного.

Измученные людьми и бесами – твои глаза,
Алла Александровна, **ослепли**...
Но ты адскую плоть с глаз наших стирала.

Твои книги разлистаны... Они так пропитаны
верой, что мир потусторонний гонит нас от бездны.

Смерти было стыдно принять твоё сердце,
но всё-таки она устроила в твоём доме пожар
безжалостный. И от ужаса даже её тень (т.е. смерти)
онемела.

Стены Храма Малое Вознесение на Большой
Никитской плачут.
ВЕЧНО плачут – потому что тебя не отпевали
в родном Храме!
Почему?.. На земном плане – известно почему...

«Разделиша ризы Моя себе...»
«Эти Слова – стелят мир Горний Алле Александровне», –
Говоришь ты, отец.

Вода и кровь из Слов сочились, с которыми она
ушла от нас.
Реальность зримая им повиновалась.

* * *

Отец всегда повторял: «Я уверен, что беспорядка
в сфере небесной больше, чем порядка».

Раннее детство. Полночь. Иду с родителями
в обсерваторию к профессору Леониду Семёнову.

Вдруг от страха – всё вокруг
оцепенело.

На земле нас было лишь трое + щели земли.

Как жить буду, когда умрут отец, мать?..
К беде мысль рвалась.

Ученики Ангелов рыли могилу.
Жасмин теперь казался пеплом раскалённым.

Родителей лики стали изменчивыми.
Библейский смысл потери был в них.

К неизвестности швыряли –
круги вечности, равноёмкие.
Как же в тот день были приближены отец, мать!..

Что будет с Землёй, когда они уйдут в неё?
От прикосновения ночи – страх становится белым.
Была смерть – в незапечатлённом миге,
что повторяется лишь в небе.

Сухие доски, что лежали на земле, –
казались мокрыми.
Неузнанное время вспыхивало.
До смертных дней родителей – было
ещё пятнадцать лет.

МАТЕРИ

Святопись – в твоих глазах –
всегда пишет имя – Тамара.
Преоблачена неминуемость.

Коллеги кафедры немецкого – уверены, что ты
Словам – вернее, их душам – предназначение
находила. И эти души, триединством невинно
убиенных – становились.

Ты любила море, ощущала. Как миллиарды людей
из века в век, сливаясь с волнами – суть совершен-
ства
обновляли + бытия невесомость.

Крестообразен – бури натиск.
Твоя вера – бренное срезала.

Когда отец смертельно заболел, ты взяла его
болезнь на себя – и пересеклось ваше горе.
И путь ваш – велением совершенного был.

За пределами законов природы – жизнь особенная.
Она может быть даже – далёкой земной.
Ведь зерно Слова – Ангелов бесплотность.

В середине мая края неба Тифлиса, в праздник
Царицы Тамары –
озолотили вертикаль имени твоего –
в непокорные сферы вкодированную.

Твоя жизнь – Церкви Дар.
Радость множится.
Созерцание света твоего – Слова исток.

* * *

Нет дня, чтобы в мир памяти неожиданной –
не настигала тревога.
И даже силы самые дальние той тревоги –
так стягивают пространство,
что видишь отражение
НАДОБЛАЧНОЙ СТЕЗИ МАТЕРИ...

Голос моего отца! –
серебряная рана звука.
Лишь бы не отключиться
от него.
Когда он на земле –
то свет выгоняет всё ненужное
и замедленное в близком круге.

28.8.2012. Утром отыскал глаза отца –
глубиной глаз матери.
Глазами и отца, и матери можно узнать
об ОБОГРЕНИИ СОВЕРШЕННЫХ ТЕЛ
АНГЕЛЬСКИХ.

МОЗГ БЕЗГЛАСЕН БЕЗ ДУХА

Епископ Вашингтонский и Сан-Францисский Василий Родзянко был уверен, что Михаилу Бузнику дано описывать события горнего мира. И действительно, благодаря своей индивидуальной манере письма Бузник ни на кого не похож. Как писал Константин Кедров, такой поэзии раньше просто не было...

– Михаил Христофорович, насколько я знаю, ваш отец занимался кораблестроением. Вы отучились на химика. Что потянуло вас в поэзию, драматургию и кинематограф?

– Я не совсем химик. Моя область была на стыке теоретической физики и квантовой химии. А под химией обычно понимается, что будет, если «десять молей серной кислоты смешать с пятью молями щёлочи» – ну и тому подобное. А главное – разве возможно было бы без знаний, которые я получил в университете, проникновение в глубокие пространства сердца и Вселенной? Однажды в университетские годы, изучая квантовую физику, я влюбился. И ко мне сразу пришла та форма, которой я живу сегодня. Я никогда не писал традиционных стихов и очень мало читал в то время.

– Неужели вы и в кинематографе увидели квантовую физику?

– Она везде есть. Я тогда жил в Киеве, а рядом жил и творил Сергей Параджанов. Представьте восторг перед «Цветом граната». А ещё в это время я узнал фильмы Антониони, Бергмана, Феллини. И я поступил на кинорежиссуру. Но когда посадили Параджанова, я написал заявление, что не могу учиться, в то время как гениальный кинорежиссёр сидит в тюрьме. Кроме того, я понял, что не могу быть кинорежиссёром, потому что когда рядом с тобой сто человек и каждому надо дать какое-то задание, то становишься беспомощным. Не по мне быть командиром. У меня совсем другая психофизика. И я ушёл со второго курса.

В это время я стал писать свои тексты и подружился с Миколой Платоновичем Бажаном и Виктором Платоновичем Некрасовым. Это было очень счастливое время, потому что от них шли особый свет, интеллект, знания. Я окунулся в новый мир.

– Вы пробовали в советское время напечатать свои стихи?

– Со своими текстами я поехал сперва к Эдуардасу Межелайтису в Литву. Я просто пришёл к нему, красивому и солнечному. Приезжал в Литву неоднократно. Встречался с ним и в Москве. Он относился ко мне с какой-то болью, потому что понимал: то, что я пишу, невозможно напечатать. Он дружил с Андреем Вознесенским и дал мне к нему этакое поэтическое письмо. Это письмо я передал Вознесенскому через 20 лет. Ещё меня поддержал Микола Бажан, академик, редактор Украинской энциклопедии, классик литературы. Когда у меня умер отец, Микола Платонович взял меня под свой покров. Я к нему в Энциклопедию ходил чуть ли не через день. Он делал небольшие пометки в моих текстах, и они были бесценными. Однажды он повёл меня к Александру Твардовскому в «Новый мир». Твардовский неожиданно раскричался: «Что же вы такое поощряете?! Как вас понимать?!» Когда мы вышли, я проводил Бажана до гостиницы «Москва». Он был удручён, молчал и лишь напоследок сказал: «Держитесь и поставайтесь не сворачивать со своего пути!» После похода к Твардовскому Межелайтис водил меня в журнал «Юность», и там меня сжигала безнадёжность. Борис Полевой сказал: «Ну, допустим, я вас напечатаю. А что мне в ответ напишут рабочие?» Я перестал писать стихи и решил, что меня спасёт драматургия, что в ней сможет раствориться мой поэтический код.

– Но, кажется, в драматургии было столь же жестокое непонимание...

– Мне просто повезло. Хотя я писал такие пьесы, которые не попадали в стилистику театра тех лет, благодаря заступничеству главного редактора по драматургии Министерства культуры СССР Владими-

ра Георгиевича Миррского и других замечательных сотрудников из Управления театров мне лет восемь давали госзаказы. Я заключал договоры, и мои пьесы практически с первого раза принимали. Ведущим редактором у меня был покойный драматург Вадим Николаевич Коростылев. Мне не хотелось с этими пьесами никуда ходить, потому что я понимал их судьбу. Первую мою пьесу поставил фантастически одарённый театральный критик Александр Демидов в студии журнала «Театр». А потом их стали ставить в Азербайджане, Грузии, Армении, Прибалтике. Драматургия позволяла мне жить литературой, а главное – сблизиться с Георгием Товстоноговым, Игорем Владимировым, Хореном Абрамяном, Ионасом Вайткусом, Георгием Кавтарадзе... Они сыграли исключительную роль в моей жизни.

– **Вам близок театр абсурда?**

– Я, по крайней мере, считался русским абсурдистом. Но это не был абсурд в духе Ионеско, Жене. Это был более зашифрованный абсурд. Особенно это было очевидно в грузинских постановках. В частности – Сандро Мревлевшили.

– **Вы не жалеете, что прекратили писать пьесы?**

– Нисколько. Мне вообще сейчас неинтересен театр. Осталась лишь дружба с театром Юрия Любимова. В современном театре преобладает причинность и почти полностью отсутствует метафизика.

– **Что вам близко в поэзии?**

– Как всегда, мне сегодня до слёз близок ранний Блок, который разорвал небо. Я в юности исходил все улицы, дома, переулки в Питере, связанные с Блоком. Так что сегодня могу быть экскурсоводом... Радуюсь поэзии Вознесенского. Сегодня же для меня лучится дружба с Константином Кедровым. Ему удалось необыкновенное – свести воедино Эйнштейна, де Бройля и поэзию. Кстати, моя переводчица на французский – Мадлен Лежен – внучатая племянница де Бройля.

– **А слушать поэзию любите?**

– Вы, наверное, удивитесь, но тоже нет. Собственно, я не уверен, что пишу стихи. И Вознесенский как-то сказал, что это не стихи, а другая материя. Это что-то иное.

– **При мне Вознесенский спросил у вас: «Из какого мира вы берёте Слова?» Но вы не ответили...**

– Знаете, я, размышляя и ещё раз размышляя, понял, что поэзия есть познание через откровение Слова. Ко всему ангельские метки должны быть в Слове. И Слово невозможно без восприятия потустороннего. Сострадание сил небесных искажённым силам земным должно быть в Слове. Сердце же пишущего всегда должно знать, что ушедшие из жизни земной всегда рядом. Я уверен, что прежде всего в потустороннем заключены все знания и прошлого, и будущего, и настоящего. Мозг безгласен без Духа. Истинные слова – это сгустки крови. Прорваться к вечному – вот что главное для Слова!.. Ещё одну движущую силу вижу для Слова. Конец времени композитора, конец поэта, плюс – все слова стёрты, всё сказано – только и слышишь об этом. Я же уверен, что всё только начинается.

*ГУЛАГ, Освенцим, Бухенвальд... Почему? Почему?
Почему не идут поэты дальше Хокинга и Эйнштейна?
Когда Слово приблизит невидимое к видимому.
Всё только начинается. Да ничего не кончилось!*

Ко всему, краткость и ещё раз краткость – основа силы Слов. У Моцарта иногда за минуту-полторы звучит столько мелодий, сколько хватило бы на несколько симфоний.

В нашем мире почему-то всё сходится к горизонту и очень редко координата устремляется в небо. Вот Лермонтову было неинтересно на земле, и Господь ему дал возможность видеть то, что на небе. И мне всегда было интересней то, что происходит там, чем то, что творится здесь.

Мне в жизни очень повезло, потому что моими духовными отцами были покойный протоиерей Геннадий Огрызков, которого, я думаю, канонизируют, и великий мыслитель епископ Василий Родзянко. Владыка, кстати, считал, что вершина поэзии – это каппадокийцы, и цитировал особенно Григория Нисского.

– **Насколько я знаю, и Милорад Павич сказал вам, что читает в основном святителей Григория Нисского и Иоанна Дамаскина...**

– Это поразительно, но это так.

– По-вашему, в современной физике тоже присутствует какая-то поэзия?

– Безусловно. Кедров говорит, что самое выдающееся поэтическое слово XX века – это « $E=mc^2$ ». Когда я открываю, например, книгу Вернера Гейзенберга, то вижу в ней больше поэзии, чем во всех рифмах, которым пора отдохнуть. Мне кажется, что современная поэзия не способна выйти из какого-то заданного пространства, потому что выстраивает из замученных слов замученную мысль. И строится в основном на подражании.

– А как вы познакомились с Никитой Струве, директором издательства YMCA-Press?

– YMCA-Press для моего поколения всегда было чудом. Поэтому, когда князь Зураб Чавчавадзе сказал, что в Москву приезжает Никита Струве, я попросил нас познакомить. На Павелецком вокзале я и встретился со Струве. Колени стали ватными, ибо передо мной стоял человек, который как никто подвижнически хранил русскую философскую мысль, богословие и литературу многие-многие годы и доносил до нас неведомое. Хотел дать ему рукописи, но он сказал: я сейчас в Москве очень занят, приезжайте ко мне в Париж. Я и приехал к нему в Париж. И где-то через месяц он издал мою первую книгу.

– Для кого вы пишете?

– Я для себя не могу писать. После похода к Твардовскому, когда я понял, что должен стихи для себя писать, то вовсе перестал. Новая книга «Закладки для неба» вышла тиражом три тысячи экземпляров. В ней есть рисунок Параджанова, мне посвящённый, и впервые напечатан Жерар Депардьё как художник, и иллюстрации блистательного Рустама Хамдамова. Кстати, вот мы все говорим – поэзия, литература... Но я знаю, что есть информационное поле. Параджанов практически ничего не читал, но, встретившись с Апдайком, который пришёл к нему в гости и подарил ему свою книгу, смог говорить об этой книге, не читавши её.

Я школьником видел Дирака. Мне было не по себе. Дирак излучал ту силу, которая меня преображала. Мой друг Владимир Мартынов говорит, что есть рукоположение в искусстве. Когда прилетел Стравинский и Мартынов его встречал у трапа, то он чуть было сознание не потерял. И реальная энергия Стравинского в нём и здравствует. Дирак, Ландау, Параджанов, Ростропович, Раушенбах – они сами по себе источники информации. Их аура считывается. По крайней мере, я считываю всю жизнь. И как же радостно жить!

*Бузник и Параджанов делят небо
(рисунок Сергея Параджанова. 1989)*

Беседовал Михаил Бойко

Гельман Юрий Ефимович. Родился в 1958 г. в Николаеве. Образование высшее техническое. Участвовал в работе литобъединений «Рефлектор», «Стапель», «Заря». Издал 8 поэтических сборников. Публиковался в журнале фантастики «Порог» (Кировоград, 2000). Участник коллективных сборников «Николаевское небо» (Киев, 2006) и «Завтра обещали дождь» (Москва, 2012). Лауреат международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль» (2010), конкурсов прозы литагентства «Новые писатели» (2011; 2012). Рассказ «Эндшпиль адмирала» отмечен спецдипломом международного конкурса «Золотое перо Руси – 2012» (номинация «Историческое наследие»).

Юрий ГЕЛЬМАН

ЭНДШПИЛЬ АДМИРАЛА

Солнце, как рыжая кошка, неторопливо умывалось лохматыми лапами облаков. Жаркий июльский город, прислонившись боками к реке, тяжело дышал асфальто-бетонной грудью бульвара. Было шумно и людно. Многочисленные летние кафе, толкаясь разноцветными грибами зонтов, безотказно поили всех желающих. Отовсюду гремели примитивные радиохиты сезона. Народ пил воду и пиво и не хотел расходиться по домам – по душным квартирам, где даже телевизоры грели воздух.

Вечерело. Лёгкие колебания горячего воздуха то и дело приносили из-за реки, из парка «Победа», новые звуки – там открылась дискотека. Колесо обозрения, которое в народе всегда зовут «чёртовым», обозначилось в закатном небе разноцветным контуром из весело светящихся лампочек.

И вдруг как-то враз потускнело небо, окрасилось в иные – холодноватые – тона. Это с юга, со стороны моря, тянулось к городу большое курчавое облако. Багровое, полновесное, с золотистой каймой по краям, пробитое насквозь бронзово-горячим лезвием заходящего солнца, оно было похоже на мешок за спиной Санта-Клауса, из которого на притихший город сыпались не по сезону искристые подарочные блёстки заката.

В половине девятого Костя вышел из шахматного клуба. В его серых глазах плескалась растерянность. Может быть, это были слёзы? Нет, отец давно научил мальчика мужественно относиться к неудачам, переживать поражения. Пойми, говорил отец, нет шахматистов, которые выигрывают всегда. Это закон. Просто нужно помнить об этом и не расстраиваться.

Отец всегда был прав. После того, как это случилось с матерью, отец стал для Кости всем, чем только мог – нянькой, учителем, другом. Он много работал, иногда уходя в ночную смену, но всё же находил время готовить еду, находил время гулять с сыном. И ещё – приучал Костю к самостоятельности. Мужчина должен уметь всё, говорил отец, и пуговицу пришить, и сварить борщ, и починить стул, и постирать бельё. К одиннадцати годам Костя научился многому. Он любил отца и не мог относиться к его науке легкомысленно.

Одно только было плохо: отец начал выпивать.

– Не надо, папа, – говорил ему сын, – мне это не нравится.

– Понимаешь, – отвечал отец, – мне очень плохо без мамы...

Костя понимал. Он хорошо учился, он неплохо играл в шахматы. Он не хотел подводить отца, к которому сильно привязался за последние три года.

И вот теперь, выйдя из шахматного клуба, он вдруг понял, что назревает катастрофа. Тут проходил городской турнир среди юношей. Костя, которому только недавно исполнилось одиннадцать лет, был самым младшим из участников. К нему относились свысока, не принимали в расчёт. Он чувствовал на себе снисходительные взгляды и от этого злился. Хотя и не показывал никому то, что творилось в его душе. Он просто играл. Играл в полную силу. Играл так, как умел.

И – странное дело – мальчик, которого никто не принимал всерьёз, шёл по турниру, как триумфатор. Он выиграл у восьмиклассника Титова, заставил капитулировать Шиманского, которому проигрывал раньше. Ещё сыграл вничью с Экимяном и Зубовым. Проиграв одну партию, потом снова выиграл. К последнему туру у Кости было всего на пол-очка меньше, чем у лидера.

– Папа, если я выиграю турнир, ты не будешь больше пить водку? – спросил Костя у отца несколько дней назад.

– Обещаю, – заверил отец и грустно усмехнулся.

А сегодня утром он уехал на сдачу какого-то важного объекта.

– Меня не будет два дня, – сказал на прощание. – Еда в холодильнике, голова на плечах. Ну, сын, будь молодцом, не сдавайся!

– Я не сдамся, папа, – ответил Костя, целуя отца в чисто выбритую щеку.

...Он прошёл к парапету, сел на горячую гранитную плиту, положил рядом свою шахматную доску, в которой, весело толкаясь, перекатывались фигуры. Потом свесил ноги в обрыв и стал смотреть на мост. Уже гирлянда фонарей перекинулась в сумраке с одного берега на другой, уже машины и троллейбусы рыскали фарами по асфальту, а Костя всё сидел на гранитной плите, почти не шевелясь – как изваяние.

За его спиной ещё горели окна шахматного клуба – одноэтажного здания, построенного полтора столетия назад. Когда-то здесь был ресторан, в котором гуляющие по бульвару могли посидеть за столиками, поесть и послушать музыку. Оркестр в красивых униформах, располагавшийся тут же, на открытой площадке, наигрывал вальсы и мазурки тех лет. Публика чинно прогуливалась, кто-то танцевал, кто-то, наверное, объяснялся в любви. Потом, гораздо позднее, рядом с рестораном была построена ротонда. Тогда музыканты в случае плохой погоды перебирались под навес.

Это было излюбленное место отдыха горожан. Таковым оно, впрочем, и осталось, хотя, кроме самого здания, не сохранилось ничего. Но была какая-то аура, был тайный магнетизм, не ослабевший за долгие годы, не убитый ни войнами, ни революциями, ни перестройкой.

...Костя отложил последнюю партию с ладьями и разнопольными слонами, в которой у его соперника была лишняя пешка. Если бы не она, если бы не этот маленький чёрный солдатик, смело дошедший до третьей горизонтали, – он мог рассчитывать на ничью при доигрывании. Но теперь... Теперь всё шло прахом, и осознание собственной беспомощности угнетало мальчика.

Уже совсем стемнело. Погасли окна шахматного клуба, и сторож запер дверь изнутри. Опустел бульвар. Последний радиоприёмник в последнем открытом кафе замолчал, наконец, как убитый комар. Стало тихо и одиноко.

Костя слез с парапета, оглянулся по сторонам. Никого нигде не было. По трём скошенным ступенькам он поднялся на площадку ротонды, где тускло горела одна-единственная лампочка. В зыбком конусе света стояла скамья. Мальчик устроился на ней, раскрыл доску и неторопливо расставил фигуры в отложенной позиции.

Едва шелестела река где-то внизу. Опустел мост, облегченно вздыхая. На востоке взошла луна. Как беременная невеста, со смущённым кокетством она прятала лицо за вуалью пепельных облаков.

– Что ты здесь делаешь, мальчик? – вдруг услышал Костя совсем рядом.

Вздвигнув, он поднял голову. Неподалёку стоял высокий мужчина в военно-морском кителе. Широкая борода с ровной седой дорожкой посередине аккуратно лежала на его груди, едва прикрывая серебряный крест у воротника. Что-то знакомое было в чертах этого человека. Но Костя не мог вспомнить, где видел его раньше.

– Я... – сказал он робко, – у меня утром доигрывание, а дома всё равно никого нет.

– Ты сирота?

– У меня есть отец, – ответил Костя. – Но он в командировке.

– И ты решил провести здесь всю ночь? И не боишься?

Костя пожал плечами. Только теперь он понял, что лучше было бы, в самом деле, уехать домой, когда ещё было светло.

– Не бойся, – сказал незнакомец. – Сейчас подойдут мои приятели, и никто не посмеет тебя обидеть. Ты можешь остаться, если не будешь нам мешать.

– А что вы будете делать?

– У нас пройдёт военный совет.

– Я не буду мешать, – подтвердил Костя. – Только посижу в сторонке.

И тут он увидел, как из темноты в ротонду поднимаются четверо мужчин. Все они были в военной форме. Только не современной, а какой-то старинной, виденной раньше только на картинках.

Один из них, почему-то показавшийся Косте главным, на голове носил небольшой белый парик с завитушками над ушами. На вытянутом лице с высоким лбом выделялись выразительные, умные глаза. Мальчику даже показалось, что этот человек не может быть военным, уж слишком тёплым и приветливым был его взгляд. И только китель со стоячим воротом, расшитый золотой нитью, да многочисленные звёздные ордена, украшавшие грудь, определяли в этом человеке военного.

У другого было слегка одутловатое, гладкое лицо, опущенные вниз уголки рта и зоркий, наставительный взгляд. Он тоже был в старинном кителе, но иного покроя – с огромными эполетами, только без особых изысков и украшений.

Третий был худощав и скуласт. На нём был строгий чёрный мундир и фуражка с коротким, почти стоячим козырьком. Усы строгой щёткой и орлиный взгляд выдавали в нём человека сурового и целеустремлённого.

И, наконец, четвёртый из мужчин был явно моложе остальных, вид имел отважный, гусарский, хотя на нём, как и на остальных, безукоризненно сидела военно-морская форма.

И вдруг Костя понял, кого видит перед собой. Понял и ужаснулся. Понял и обомлел. Это же были русские адмиралы, чьи волевые бюсты давно украшали фасад Николаевского музея судостроения и флота! Не каменные – живые! Тот, в седом парике, не кто иной, как Ушаков. Второй был Лазарев. Фуражку и усы носил Нахимов. Самым молодым был Корнилов. А тот, с большой бородой, что появился первым, – да это же сам адмирал Макаров!

«Ну и дела! Ничего себе!» – мелькнуло в голове у мальчика.

Он переводил восторженный взгляд с одного легендарного героя на другого и уже теперь понимал, что если завтра кому-то вздумает рассказать о своём приключении, – то непременно будет уличён во лжи и осмеян. И он твёрдо решил держать язык за зубами.

– Степан Осипович, – вдруг спросил Нахимов, строго взглянув на Костю, – а мальчик нам не помешает?

– Ему, Павел Степанович, всё одно некуда идти, – ответил Макаров. – К тому же, господа, я обещал малышу, что наше с вами присутствие станет порукой в его безопасности.

– Что ж, – поразмыслив, сказал Ушаков, пристально глядя на Костю, – мальчишка, кажется, смыслённый и мешать нам не будет. Как тебя зовут, отрок?

– Константин, – неожиданно для самого себя ответил Костя.

– Хорошее имя, твёрдое, – заметил Корнилов. Он подошёл к мальчику и положил руку ему на плечо. – Малыш и прислужить может, ежели понадобится.

– Конечно, понадобится! – сказал Лазарев. – Жара-то какая! Ну-ка, дружок, сходи в ресторацию да принеси нам чего-нибудь прохладительного.

– А это куда? – в недоумении спросил Костя.

– Да вот же, сюда, – сказал Корнилов, указывая на здание шахматного клуба.

– Так это же... – начал было Костя и вдруг увидел, что окна клуба залиты ярким светом.

– Там вестовой у входа, – продолжил Корнилов. – Скажешь, чтоб вынес тебе воды для адмиралов. Он знает.

– Слушаюсь! – вырвалось у Кости, и он бросился выполнять приказание.

– Ну, что, господа, – сказал Ушаков, – начнём?

– Пожалуй, пора, – ответили все разом.

– А вот, кстати, шахматная доска! – воскликнул Нахимов. – На ней и разберём все маневры. Степан Осипович, не возражаете?

– Отнюдь, – ответил Макаров.

Через несколько минут вернулся Костя. В плетёной корзинке, которую он принёс, позванивали бутылки с водой и несколько стаканов. Адмиралы стояли вокруг скамьи, пристально глядя на шахматную доску. На ней по-прежнему была расставлена позиция отложенной мальчишеской партии.

– А вот и живительная влага, господа! – воскликнул Корнилов. – От имени всех выражаю тебе, Константин, благодарность.

– Не за что, – ответил тот.

– Нужно отвечать «Служу отечеству!» – подсказал Корнилов.

Костя смущённо улыбнулся.

– И ты бери, – по-отечески сказал Лазарев. – Небось, в горле пересохло?

– Спасибо, – ответил Костя и, взяв бутылку из корзины, притаился в тени.

– Ну, что, Михаил Петрович, – сказал Ушаков, обращаясь к Лазареву, – начинайте.

– С вашего позволения, разбор проведут Павел Степанович с Владимиром Алексеевичем, – ответил Лазарев.

– Не возражаю, – согласился Ушаков и присел на край скамьи.

– Что ж, господа, – начал Нахимов, снимая фуражку и вытирая платком пот со лба, – прежде всего нам хочется послушать доклад адмирала Макарова.

– Как вы знаете, господа, – начал Макаров, откашлявшись, – я был назначен командующим Тихоокеанским флотом. Японцы тогда были очень сильны, и наш флот, равно как и гарнизоны на берегу, претерпевал большие трудности. В конце февраля девятьсот четвёртого года прибыл я в Порт-Артур. И знаете, что сразу бросилось в глаза? Безысходность в поведении боевых офицеров. Да, господа, представьте себе, это было так. Уж не знаю, почему, но настроение во флоте было ужасным. Впрочем, простая человеческая психология: когда тебе противостоят силы превосходящие, не каждый способен найти в себе мужество сопротивляться с достоинством.

– Однако же есть немало и обратных примеров, – заметил Лазарев. – Впрочем, прошу прощения, что перебиваю вас. Продолжайте.

– Да, так вот, – продолжил адмирал Макаров, – когда я прибыл в Порт-Артур, только генерал Кондратенко, руководивший сухопутной обороной города, проявлял должный энтузиазм. В остальных же офицерах я обнаружил полную апатию и страх. Как вы думаете, господа адмиралы, мог ли я в такой ситуации оставаться безучастным, мог ли пойти на поводу у всеобщего настроения? Конечно же, нет! Познакомившись с ситуацией, я тут же сделал ряд перестановок в командном составе кораблей. Но, к сожалению, дело было давно запущено. Вот почему, господа, я принял единственно правильное, на мой взгляд, решение – выходить на разведку в открытое море, вне зависимости от того, что подумают об этом японцы. Они, конечно, в эти дни находились в сильной ажитации. Накануне, как вы знаете, был затоплен крейсер «Варяг» под командой Руднева, и японцы полагали, что теперь-то нас можно будет взять голыми руками. В заливе Бохайвань, на берегу которого стоит Порт-Артур, они не решились, Впрочем, выставить свой флот, чтобы закрыть нашим кораблям выход в открытое море. Этим обстоятельством я и решил воспользоваться. Тридцать первого марта на броненосце «Петропавловск» в сопровождении двух канонерок я вышел в залив. Погода стояла прескверная. Волнение было на пять баллов, но ветер с востока крепчал, так что во избежание сильной бортовой качки приходилось

держаться ближе к корейским берегам. Поначалу мы прошли к острову Синмидо, где, по данным разведки, наблюдалась какая-то активность японцев. Там ничего не обнаружили. Затем взяли курс на юг. На выходе из залива, милях в четырёх от нас, увидели шесть дымов. Это была японская эскадра. В наши планы пока не входило вступать в бой. Во-первых, были слишком неравными силы. Во-вторых, и это главное, я ещё не полностью знал возможности корабля. Мы приняли решение развернуться и пройти в виду неприятеля мило-другую, а затем вернуться на базу. Японцы заметили нас. Они предприняли попытку приблизиться, но, очевидно, тоже не готовы были к сражению, вот почему спокойно позволили нам уйти.

Адмирал Макаров замолчал. Было видно, что дальнейшие воспоминания причиняют ему боль.

– Что же было дальше? – холодно спросил Нахимов.

– Дальше вы сами знаете, Павел Степанович, – ответил Макаров, нервно отпивая воду из стакана. – Мне трудно об этом говорить.

– И всё же, извольте рассказать о событиях этого дня до конца, – настаивал Нахимов.

– Дальше... – Адмирал Макаров тяжело вздохнул, обвёл взглядом присутствующих. – Дальше, у входа в залив, мой эскадренный броненосец подорвался на mine. Скорее всего, это была связка японских мин, потому что пробоина выявилась чересчур большой, и корабль в считанные минуты стал погружаться. Мы не могли спастись...

– А что канонерки? – спросил Корнилов.

– Они не могли подойти близко, потому что от детонации начали взрываться арсеналы «Петропавловска», а это грозило гибелью для всех. Всё было кончено очень быстро. Команда даже не успела спустить на воду ни одного спасательного баркаса. До последней секунды я стоял на капитанском мостике. Рядом со мной постоянно находился художник-маринист, господин Верещагин. «Вы умеете плавать?» – спросил он меня. Я ответил, что в такой холодной воде и при таком волнении даже самый лучший пловец может продержаться лишь несколько минут. «Жаль, – сказал он, потом добавил: – Море – не самая худшая могила для моряка. Прощайте». Мы обнялись. Потом раздался ещё один взрыв, и корабля не стало. Взрывной волной меня отбросило на несколько метров и швырнуло в ледяную воду. Я пытался разглядеть рядом хоть кого-нибудь, но тщетно. Затем ноги мои свело судорогой, и... всё, господа, это всё, что я могу рассказать.

– А что было потом с Порт-Артуром? – спросил адмирал Ушаков после паузы.

– Узнав о том, что командующий флотом погиб, японцы осмелели и почти беспрепятственно вошли в залив Бохайвань. Затем началась длительная и кровопролитная оборона крепости. Русские войска под руководством генерала Кондратенко героически сражались на подступах к Порт-Артуру. За несколько месяцев боёв они выдержали четыре сильнейших штурма. Увы, после гибели Кондратенко крепость была сдана противнику генералом Стесселем, – сказал Макаров.

– ...который был приговорён военным судом к смертной казни, но помилован царём, – добавил Корнилов.

– Да, – протянул Лазарев, – довольно безрадостная картина.

– Вы только не обижайтесь, Степан Осипович, – сказал Нахимов, – но скажите, вы считаете себя героем?

– Люди – как спички в коробке: для каждого свой черёд вспыхнуть и сгореть, – с грустью в голосе ответил Макаров.

– Э, не скажите, дорогой мой! – возразил Нахимов. – Люди вашего уровня и ранга не должны сгорать просто так, ни за грош. Это наше общее мнение. Ведь правда, господа адмиралы?

– Я, господа, выполнял свой долг, – сказал Макаров.

– Выполняя свой долг, вы потеряли чувство ответственности перед Россией. Долг и ответственность, мой друг, это, как ни странно, разные вещи, – хмуро сказал Нахимов. – Никто из нас не умаляет ваших прежних заслуг перед Отечеством. Но неужели была в том такая острая необходимость, чтобы вы сами, адмирал флота, выходили в море? Вы подвергли себя опасности. Причём сделали это опрометчиво и, простите, необдуманно.

– Я хотел личным примером...

– Личный пример, говорите? И чего вы добились этим? Ваша гибель предопределила исход войны, господин адмирал!

– Не сто́ит уж так строго, Павел Степанович, – сказал Ушаков. – Вы и сами-то на Малаховом кургане от пуля не уклонялись. Тоже личный пример показывали.

Нахимов кивнул головой и замолчал. Наступила пауза.

Адмирал Макаров достал из кармана платок и промокнул вспотевший лоб. По его лицу было видно, что он согласен со всеми жёсткими доводами Нахимова.

– Подойдите, пожалуйста, Степан Осипович, – позвал Лазарев. – Посмотрите-ка на шахматную доску. Макаров подошёл к скамье. На доске Корнилов и Нахимов передвигали фигуры.

– Вот, смотрите, – сказал Корнилов, – это – ваш броненосец, это – две канонерки. А вот здесь вы увидели японскую эскадру. Так?

– Так, – согласился Макаров.

– Теперь вот что, – продолжал Корнилов, – вы шли курсом на зюйд мимо острова Чходо, а затем повернули на вост и стали возвращаться, так?

Макаров хмуро кивнул.

– Японская эскадра вас не преследовала, так?

– Да.

– Тогда почему же вам, опытному моряку, не пришло в голову проложить обратный курс по собственным следам? Или вы не знали, что в заливе плавают полно японских мин?

Макаров молчал, нервно покусывая усы.

– Вот как вам необходимо было маневрировать, – сказал Нахимов, подтверждая слова Корнилова, и стал передвигать фигуры на шахматной доске. – Вот здесь вы разворачиваетесь, вот так уходите. Всё. Тем самым вы сэкономили бы себя для России, господин адмирал.

– Благодарю вас, господа, – глухо сказал Макаров. – Но теперь уж ничего не исправить.

– Да, историю переписать невозможно, – заключил Ушаков.

– Однако я слышал, что в современности находятся некие силы, которые хотят определённые события прошлого в ином свете показать, – сказал Лазарев.

– Надеюсь, нас с вами это не касается? – спросил Нахимов, нахмутив брови.

– Ни в коей мере. Наше место в истории государства незыблемо! – ответил Лазарев.

– Ну, а в остальном – Бог судья, – заключил адмирал Ушаков.

– Кстати, господа, – заметил Корнилов, – скоро светать начнёт. Нам пора заканчивать совет.

– Что ж, – сказал адмирал Лазарев, – мы с вами неплохо провели время. Пора, так сказать, по домам. А где, друзья мои, этот мальчишка?

– Да вот он, здесь, – отозвался Корнилов. – Мужественно просидел с нами всю ночь.

– Эй, Константин, – позвал Нахимов, – подойди-ка.

Мальчик, у которого сна не было ни в одном глазу, приблизился к адмиралу. Тот по-прежнему казался ему суровым и неприступным. Даже какую-то обиду чувствовал в душе Костя. За адмирала Макарова, которого так ругал Нахимов.

– Голоден? – спросил Павел Степанович по-отечески.

– Не знаю, – робко ответил Костя.

Адмирал вынул из кармана кителя два яблока и протянул мальчику.

– Ешь, – сказал с теплотой в голосе, – тебе нужнее.

– Спасибо, – ответил Костя.

– Шахматы не потеряй, – сказал на прощание Корнилов.

– Не потеряю. У меня скоро доигрывание, я тут подожду, пока клуб откроется, – сказал он оглядываясь. – А вы часто сюда приходите?

И когда Костя повернулся к собеседникам, никого рядом уже не было. Только голос адмирала Макарова из темноты прозвучал, как напутствие.

– Жизнь в равной степени состоит из удач и разочарований. Следует только помнить о том, что рано или поздно всему приходит конец, – сказал этот голос, и всё вокруг стихло.

Костя встал со скамьи, оглянулся ещё раз. Бульвар был пуст. Мальчик прошёл к памятнику. Адмирал стоял на постаменте, устремив свой печальный взор на восток. Там посветлело небо, порозовели облака. Где-то неподалёку из открытого окна стал нервно «пикать» будильник – громко так, на всю округу. Просыпался город, жадно вдыхая опаленной грудью утреннюю прохладу – недолгую и потому ещё более желанную.

Костя вернулся к скамье, бросил рассеянный взгляд на шахматную доску. Время для него застыло, перестало шелестеть крыльями неумолимых мгновений, застыло – будто запечатанное в конверт с пометкой «до востребования». И вдруг мальчик понял, что видит наперёд все ходы своего успешного доигрывания. Это были те ходы, которые показал только что Нахимов, передвигая фигуры. Это был эндшпиль адмирала Макарова, который Степан Осипович сто лет назад сыграл неправильно...

...В десять часов утра он уже был дома. Открыв дверь, Костя увидел отца.

– Папа, ты вернулся! – воскликнул он. – А я в отложенной партии сыграл вничью и разделил первое место с Шиманским!

– Какой ты у меня молодец! – сказал отец, обнимая сына. – Я верил в твою победу.

Костя освободился от объятий, прислушался. На кухне кто-то звякнул посудой. Мальчик взглянул на отца.

– Бабушка приехала? – спросил он.

– Нет, – ответил отец. – Понимаешь, я давно хотел тебя познакомить...

В это время в прихожую вышла женщина. На ней был мамин фартук. Остановившись, она прислонилась к стене.

– Это тётя Галя, – сказал отец, как-то виновато разводя руками.

– Здравствуй, Костик, – сказала женщина и улыбнулась. – Будем дружить?

– Не знаю, – буркнул мальчик, не сводя глаз с фартука.

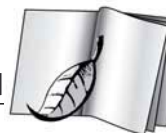
Он подошёл к отцу, прижался к нему и заглянул в глаза.

– Ты сдержишь слово? – спросил как-то по-особенному строго.

– Теперь да, – ответил отец и обнял сына. – Предлагаю после завтрака пойти погулять всем вместе. Мы давно не были на бульваре адмирала Макарова.

Костя вздрогнул и улыбнулся своим воспоминаниям...

Світлана ІЩЕНКО

ЧАЄЧИНЕ ПІР'Я В ОКЕАНІ

* * *

Я час безмірний заточила в слово:
Поезіє, завмири, як в амфорі вино
Солодке і тверде! Злетить зі слів полова,
Застигне суть. Вичерпую – а чи існує дно?..

ВІЗИТ

І по Мазепі...
В долину й стерні
Стоїть Україна. Снить ордою.
І вуха повні чорної брехні
У соняшників, мов в солдатів з бою.
Стоять поля пусті, німі,
Чорніють спекою в південнім степо-морі,
Неначе це не поле – ми самі
В цинічнім горимо голодоморі.

Ще потяг тягнеться до станції в імлі,
Ще не світанок, але день завидко.
Ступаю на бруківку рідної землі –
І... гидко.
Сміття, сміття, а далі ще – сміття...
Одна столиця золотособорна,
А поза нею – хіба то життя? –
Сміття, руїни, степ і смерть – стара валторна.
Земля ця в спеці і пилюці вибуха,
Що продана ушент, ушент розбита.
Хати посивіли. Чорнобильська труха
Вже котрий рік на неврожаї жита...
Хіба це був на тридцять літ і мій притулок?!
Хіба не я зцітала тут вишневими садами?..
Чекають всі на мене: той провулок,
Зоря... і мама, що не чує, біля брами.

Світлини батька й мами поцвіли,
Їх викорчовую з альбомів, мов раїни.
І думається: як вони жили?
Як виживали в занепащеній країні?

Іщенко Світлана Вікторівна. Народилась 30.07.1969 року в Миколаєві. Закінчила: Миколаївське державне училище культури (1988); Миколаївську філію Київського держуніверситету культури і мистецтв (1998). 1988–2001 р. – актриса Миколаївського українського театру драми та музичної комедії. У 2001 році емігрувала до Канади, живе у Північному Ванкувері провінції Британська Колумбія. Пише українською та англійською мовами. Автор поетичних збірок: «Хорали неба і землі» (Київ, 1995), «Сі-дієз» (Миколаїв, 1998), «In the Mornings I Find a Crane's Feathers in My Damp Braids» (Leaf Press, Канада, 2005), «Танок Дани дощовий» (Ванкувер, 2006). Член Асоціації українських письменників (1997) та Національної спілки письменників України (1998).

Вже Криворіжсталь, батько каже, продали...
Розпродали повітря, землю, воду.
І так стараються, та все ніяк,
Та все ж ніяк
Не знищать українського народу.

Два тижні минули у біготні і спеці.
Останній день. Гроза пройшла. І диво:
Обмила крильця молоденькому лелеці.
Чого ж не змила сором цей людський, чекана зливо?

Беру таксі до залізничного, бо так
Втоплюсь з валізою у Слобідській багнюці...
Таксист розкажує: «Мій друг, немов бурлак,
У Київ двічі їздив по поруці:
За шістьдесят долярів – на Майдан
За Ющенка голосувать партійці заплатили,
А за сто двадцять – приєднайсь до янголят
В столиці Януковичу поширить сили.
Отак і їздив двічі, аби сам
Дружину з діточками міг втримати...»
І знаю, що старий, як світ, оцей бедлам,
І незалежність – це синонім слову «грати»,
Це грецька драма, що розіграна всліпую:
Герої, чи народ, чи сам Агамемнон...
Кінець один: уб'ють і «возлікують».
А хто? За що?.. Лиш у смітті – перон.

А сива моя мама плаче, плаче:
І що ж поробиш в цім дикунському житті –
Ото ж бо й є, –
Коли в Канаду,
Ген за тридев'ять земель летить дитяче
Серденько внучки, а стискається – твоє...

* * *

Ой, яка ж то живуча душа
Була у моєї бабусі:
«Отче Наш» – від пісень до вірша!...

Третій день стука смерть до Марусі.
«Скора» швидко уже не примчить:
До старих не спішать – тут крапка без коми.
– Костянтинівно, як Ви?.. Мовчить.
Тричі збільшать в крові інсулін – вийде з коми,
Попросить їди,
Підведеться у ліжку, пересилив природу:
«Ти, Світланко, для мене піди,
Принеси помідорів з городу...»

І пригубить смачний помідор,
Приховає очей вологу,
Лікарів проведе в коридор,
Дасть їм жменю горішків в дорогу...

А відчалить душа у степи золоті –
Мов роки прожила у полоні –
Ох, якої живучої сили ти!
Ох, які ж помідори смачні... і солоні!

* * *

Гастролі восени... Зима ступа на п'яти...
Костюмів кипа на авто...
Побігли по селу купляти
Актори свіже молоко!
– Хазяюшко, а чи Ви вдома?
По чім яєчка й творіжок?..

А де тепер твоя хорома,
Хазяюшко?..
І пада, й пада
На звалені хати сніжок...

Чи хто в цій хаті доживає...
Чи вимерли усі давно?
Пес на дворі голодний лає
Й гризе то кістку, то рядно...
– Ходімо садом! – там всі вишні
Попід ногами, наче кров, –
Врожаю дав тобі всевишній –
Зібрати нікому... Покров.
Ізморені йдуть молодички
До клубу, подоїв корів...
Чи винесе ще хтось водички
З криниці?.. з ластівочих брів?..
У клубі холод, як в могилі,
А зала повна – пара з вуст...

...Уже й тебе нема, Василю*,
«Сімейний уїкенд» не густ...

І смішно тих хранцузів грати –
Та все життя – як у кіно...
А сніг все падає на хати
І в пам'ять прочиня вікно...

* Народний артист України Василь Бурдик у головній ролі
в «Сімейному уїкенді» Жана Пуаро.

МАЗЕПА

Лиман сіяв при місячному сяйві,
Ковтав зірки, звивався, наче звір,
У дзеркало води вдивлялись мальви,
Лиман сіяв, сіяв, як богатир.
Безславно відступало шведське військо:
Полтаву програно. І вже не Ворскла – Буг..
Очаківські улуси... Море близько –
На обрії з'явився чорний пруг..
Лиман сіяв. Та сумно іноземці
Тяглися за возами по стерні.
А гетьману навек посіли серце
Удушливі гіркотні полини.
Важкими кроками шлях міряє Мазепа.
Надії на державність – море втрат.
І, ідучи востаннє рідним степом,
Він, мов дитина, плаче... в сімдесят.
Все прахом! З королем удвох би
Він ще надію мав... Пусте! Дарма! –
Схилила Україна всі хорогви –
Ні сил, ні сліз, ні гордощів нема.
Турецькі вздовж Кінбурну йдуть галери –
На чужині не знайдеш оберіг.
Вже скоро вересень, і шлях лежить в Бендери..
Вози зі скарбом – ув улусах золотих..
Що далі? Там? Чи втримають атланти
Свою державу? А чи є – своя?
І перші політичні емігранти
Йдуть за водою. А лиман сія..
Лиман сіяв і вчора, і сьогодні..
Де королі, де гетьмани, де Січ?
На зміну ватажки приходять модні
Із ночі в день, зі світла в ніч.
Лиман сіяв при місячному сяйві
І спогадами сповнювався вщерть –
Хіба для рідної землі ми справді зайві,
Допоки нас вже не здолає смерть?..

МОЇЙ МАМІ

Розбуджу тебе вдосвіта, мамо,
Щоб умилась в холодній росі,
Де квітневі молочні тумани
Заплелися стрічками в косі.
Гіацинти твої у садочку
Напилися блакиті з очей..
Так від чого ж, моя ластівочко,
Ти не чуєш ласкавих речей?

Лізе слово єхидно-солоне
Від старої ворожки в хати,
І малесеньке серце холодне
Від самотності і глухоти.
Ти не чуєш весняного співу,
Ти не чуєш моїх запитань.
І хитає надломлену сливу
Синій вітер ранкових зітхань...
Розбуджу тебе вдосвіта, мамо,
Може, сум твій потоне в воді,
Де акації сплять над лиманом
І кульбаби цвітуть золоті.

* * *

Чаєчине пір'я на воді –
Білі човники у Тихім океані –
Ні тобі османів, ні орди,
Ані крові у козацькій рані...
Світ новий – історія з нуля.
Але ми не з попелу і твані!
Хто ми тут, крайсвітова земля? –
Чаєчине пір'я в океані.

Ольга Славна (Червякова Ольга Ярославівна). Народилася на Миколаївщині в 1959 році. Закінчила Київський державний інститут культури ім. О.Є. Корнійчука (1985). Авторка збірок віршів та оповідань «Послухай музику життя» (2004), «Лірика засніженого літа» (2012) та дитячих книг: «Я малюю просто небо» (2005), «Шлях додому» (2012), «Сказки на салазках» (2012).

Ольга СЛАВНА

ГОРОБИНИ КЕТЯГИ НЕЗРІЛІ

Відмучилась небога. Навіть осінній похмурий день зжалився і не посіяв рясним дощем, а тільки інколи великими краплями, наче слізьми, то там, то тут скроплював землю, щоб вона стала пухом для старої Щурихи.

Похоронна процесія була не багатолюдна. Пара десятків односельців, які не підтримували сільраду щодо оформлення немічної Меланії до притулку громадян похилого віку, прийшли провести її в останню путь. Хоч зібраних коштів було обмаль, та все ж по-людськи поховали стару, і так, як просила – з «батюшкою».

Сама відійшла, осиротивши хату, таку ж стару, як господиня, залишила на цьому світі садочок, що вже давно майже не плодоносив і без догляду заріс густим гіллям, як дідуган бороною; похилений паркан так-сяк підв'язаний, де панчохами, де дротиками скручений, а деінде й палицями підпертий. Добротною залишилася тільки лавка, встелена вигорілим рядном, під вікнами давно небіленої хатини. Полюбляла сидіти на ній стара, вигріваючи хворі суглоби, а то й просто посидіти ввечері з сусідками, побалакати трохи, розрадитись від самотності.

Тільки останні місяці вже не виходила Меланка на лавку, бо злягла. Сімдесят дев'ятий рік від народження видався дуже важким для старої. Не могла впоратись із тими трьома курками, що вже самі порпались на городі, вишукуючи хробаків чи якесь насіннячко, і таким чином рятувались від голоду.

Невчасно сполохалась «подруга», що сама ледь рухалася з допомогою палиці. Душа сусідки вже спостерігала за всіма з неба. Фельдшерка, котра ходила до неї робити процедури, була у недільній відпустці, і до старої ніхто не навідувався.

Неподалік, звисивши свої недозрілі грона, сумувала за господинею горобина.

Багато чула вона й докорів сусідів у бік жінки, й виправдовування старої: «Важко йому, дітей треба вчити, сім'ю годувати. А я вже якось сама впораюсь...»

Посадив горобину молодший син Василь, коли брали до армії. Така традиція у селі повелася, новобранці вдома садили кущі, дерева. Тому, мабуть, село і потопало в зеле-

ні, як ніде. Два роки мав служити Василь, а батьки два роки поливати горобину, щоб не дай боже що з нею не сталося, поки не повернеться син.

Щурі мали двох синів. Старший Андрій, коли йшов до армії, посадив вишню у саду, та не повернувся додому. Загинув у Афганістані. Вишня ще деякий час росла, а одного разу до саду заблукала чужа корова і зламала деревце. Тож горобину, котру Василь посадив біля вікон хати, в палісаднику, берегли як зіницю ока. А палісадник загородили добрим парканом, аби чого лихого не прибилося до неї.

Слава богу, молодший повернувся живий-здоровий, та не надовго затримався у селі. Поїхав у місто долю шукати. Як тільки влаштувався на роботу, скоро й оженився.

Поки живий був батько Іван, раз на рік приїздив Василь допомогти засмажити кабанчика і, завантаживши добрі торби салом та м'ясом, податися назад до міста.

Останній раз провідав матір Василь зі своєю сім'єю в повному складі на другий рік після смерті батька. Тоді Меланія і побачила вперше своїх онуків та невістку. Та, на жаль, вже не могла наповнити торби синові, бо крім курочок нічого не тримала. Отож десятка три яєць дала, дві курки зарізала, банку олії примостила в сумку, обгорнувши старою кофтиною, щоб бодай не розбили в дорозі, та трохи цибулі насипала.

Побачивши це, невістка криво усміхнулася, процідивши крізь зуби:

– Ми на дорогу витратили такі гроші на всю сім'ю, що це все могли купити і вдома та ще й залишилось би. Тож скоро не чекайте у гості.

І правда, більше стара не бачила ні невістки, ні онуків, ні Василя.

Зринуло багато років, виросла горобина, та плоди чомусь завжди недозрівали у неї. Ледь-ледь пожовтіють восени і ось-ось, здається, підчервоняться, та так і залишаються до зими зелено-жовті. Що за диво таке, ніхто не знав.

«Посадили невдачно, сонця мало», – говорили одні. «...Земля погана, глина одна» – підпрягалися інші. «А може, то сорт такий?» – запитували і дивувалися треті.

Тільки Меланка відчувала і знала правду, тож всіх запевняла:

– Сумує за Василем. От приїде син, полле її, і побачите, дозріє горобина, – не так людей, як себе переконувала жінка.

– Ой, коли ж він приїде? – питала подруга. – Певне і забув, що мати жива в нього на світі.

Та ця тема розмови була настільки болючою для Щурихи, що вона ладна була посваритися з найкращою подругою-сусідкою. Виправдовувала Василя, як могла:

– Діти в нього, годувати, учити треба, а світ далекий їхати, грошей багацько треба.

– У всіх діти... – не могла вгамуватись Мотря. – Он у Гриценчихи син у Москві живе, а батьків провідує щороку, а твій Василь у Харкові, чи не на краю світу... – зачіпляла за живе сусідка. – А знаєш що, Меланко, – раптом закралася думка у Мотрі. – Адресу маєш, маєш? – перепитала стара.

– Десь у буфеті була на папірці, – підтвердила Щуриха. – А навіщо тобі?

Сусідка усміхнулася і додала:

– Телеграму дамо, що ти захворіла. Думаю, тоді, напевне, приїде. Як гадаєш, кумо? – аж зраділа Мотря за гарну ідею, що несподівано закралася у голову. Та Меланія тільки насупилась більше і кинула в бік подруги:

– А брехать недобре. Сама ж дітей своїх навчала не брехати.

– А ти що, здорова? Он ледве ноги переставляєш. Ліки собі купиць не можеш, а Василь приїде, купиць, – наполягала сусідка. Та Щуриха, неначе перелякане котеня, скочила з ослону, вхопилась за палицю і показала у бік її хати:

– Отуди ідіть, кумо, і там теревеняйте своїм дітям і онукам, про що хочете. А Василя мого не чіпайте. І до мене не приходьте, якимось обійдусь без вас! – випалила наостанок Щуриха і пошкрьомбала до себе у двір.

Не знала сусідка, що стара вже багато років висилає сину свою пенсію. Отак назбирає трохи і шле, на дорогу, а сама якось обходиться. Та коли злягла безпомічно, довелося вмовляти фельдшерку переслати гроші. «Мабуть, ото вона і потеліпала по селі, – думала Щуриха, коли почула від Мотрі

пропозицію на рахунок телеграми. Щось бурмочучи собі під ніс, стара зачинилася у хаті, навіть у вікно не визирала декілька днів.

Та Мотря не була б Завсюдиною, щоб зупинятися на півдорозі. Дуже їй було шкода Меланку. Дружили десятки років, разом у колгоспі працювали, однолітками були. Підмовила фельдшерку до куми сходити провідати, адресу сина взнати. Та «лікарці», так люб'язно називали сільську фельдшерку Галину, не потрібно адресу Василя взнавати у старої, бо сама мала. Недавно слала гроші йому в Харків.

Баба Мотря з Галиною зробили так, як домовились, і стали чекати. Та даремно сподівались скоро зустрітися зі Щуром молодшим. Ні за місяць, ні за півроку, ні за рік він так і не провідав хвору матір.

Народився тоді у Завсюдиhi інший план, яким і поділилася з Галиною. Не посилати гроші Василю, а збирати для хворої.

– А де ж брати квитанції? Я ж старій віддаю, – бідкалася «лікарка».

– Ах ти, грамотна молодь, – насмішкувато мовила Мотря. – Геть клепки нема придумать. Я у ваші роки була мастачка на вигадки різні.

І запропонувала виписувати квитанції на тому папері, що рецепти виписують. Меланка вже давно нічого не бачить і читати розучилася, хоч три класи кінчила. Та й довіряє поки що «лікарці». Галина спочатку засумнівалась, чи правильно це, та Мотря вміла переконувати.

– От побачиш, Галю, перестане Василь гроші отримувать, зразу приїде. Аякже, ще ж хату можна продать. Я його давно розкусила, ще коли молодий був. Це Міля сліпа, вірить не хоче, що тягарем стала. Хоч сама себе ще обходить і йому, бовдуру, останні копійки висилає.

На тому і поладили. За декілька місяців зібралась непогана сума, і Галина прибігла до Мотрі за порою.

– Що з грішми робити? – перепитувала у Завсюдиhi.

А та недовго думала:

– А знаєш що, – промовила стара. – Скоро у Мілі день народження. Зробимо їй приємне. Поїдеш у Вознесенськ і перешлеш гроші, ніби від Василя. І телеграму не забудь відіслать, – підсумувала баба Мотря.

– А й правда! – зраділа Галина. – Що б я без вас робила? – лукаво підморгнула бабці «лікарка» і побігла у справах.

...Через неділю все село гуло, що син Щурихи об'явився. Телеграму прислав з вітаннями до дня народження. Про гроші ніхто не знав, звісно, крім двох односельців. А Меланія, отримавши переказ, так розчулилась і розплакалась, що простягнула двадцятигривневу купюру поштарці. Та відмовилась, бо знала становище старої, в якій кожна копійка на рахунку, але була дуже приємно вражена і дякувала Щурисі.

А що коїлося з бабою! Вона літала, як на крилах, аж помолодшала. Зібрала за столом подруг, наготувала, що могла, і час від часу, зустрічаючи погляд Мотрі, усміхаючись кидала:

– Бачиш, а ти не довіряла Василю. Раз на ноги став, то скоро приїде.

– Приїде, обов'язково приїде, – погоджувалась та і тихо зітхала.

– Не помру, поки сина не побачу, – жартувала баба Міля, розливаючи сливової наливочки своїм подругам. – А приїде Вася, такий пир організую, на все село, – приказувала стара, усміхаючись беззубим ротом.

Минуло небагато часу, і Меланія одержала листа з Харкова від Василя. Знову стара була на сьомому небі. Попрохала поштарку почитати, сама була не ладна. Майже осліпла на одне око, та й «букви всі забула» – казала.

Краще б того листа і не отримувала баба Міля, бо після нього геть заслабла.

Василь картав матір за те, що перестала слать йому гроші, а він бідний, безробітний. Син у в'язниці, дочка вийшла заміж, живе непогано, але батька знать не хоче.

Всю правду написав, крім однієї. Що спився, матері не написав, а через це роботу втратив і сім'ю. Поки мати гроші переказувала, ще якось тримався, «було за що похмелятися». «...А відколи

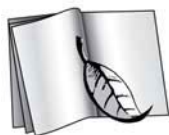
залишився без «фінансового вливання», – писав Василь, – не в змозі доглянути тебе. Тож, стара, не дуркуй, а висилай все, що завинила»...

Прочитавши все те, поштарка винувато дивилася на стару, а потім запропонувала написати відповідь. Та Меланія заперечила. Пішла до старезної шафи, де ховала свій скарб, Василеву адресу, витягнула гроші, замотані в носову хустинку, і віддала Любі-поштарці:

– Перешли, дочко, йому, щоб з голоду не вмер, а я, дасть Бог, ще протримаюсь. Якось проживу, – шепотіла про себе Щуриха, повільно пересуваючись по кімнаті. Дісталася ліжка і лягла. Її очі вже не світилися, але й не плакали.

З тих пір на вулицю вже не виходила. Осінній вітер розгойдував жовто-зелені кетяги горобини, що губилися, ніби ховаючись від сорому, у багряному листі, і, бавлячись ними, і сам зазірав у заплакані вікна старої хати Меланії Щур.

Ксана Коваленко (Евзикова Оксана Андреевна). Родилась 17 октября 1978 года в Николаеве. Окончила филфак Николаевского государственного пединститута, преподаватель иностранных языков. Публиковалась в журналах: «Склянка часу» (Канев, 2011), «Журнал Поэтов» (Москва, 2011); альманахах: «Арт-шум» (Днепропетровск, 2010), «Камбала» (Донецк, 2010), «Лава» (Харьков, 2011). Автор поэтического сборника «Синие-яблоки-черные» (2008). Дипломант нескольких республиканских поэтических фестивалей. Соорганизатор Всеукраинского открытого фестиваля поэзии «Ватерлиния».

Ксана КОВАЛЕНКО

ПОКА МЕНЯ ЖИВЁШЬ

МОНОЛОГ ВЫПАВШЕГО СНЕГА

Голодным белым псом
Глодаю кость зимы я,
Остовы городов, скелеты мостовых,
Пока клюют грачи –
Босые и немые –
На сотню голосов рассыпавшийся стих.

Ищи себя во мне,
Замёрзший горожанин,
В ристалище моём среди дебелых птиц.
Вдали от теплокровных,
Душевных, душных спален,
Писатель ты моих нехоженных страниц.

Губитель белизны,
А я тебе – бумага,
Стерплю твои следы, снесу твои слова.
Мне длиться миг один.
Пиши во чьё-то благо,
И я уйду затем поспешно в никуда –

К другим голодным псам
С замёрзшими глазами,
И буду им читать, и выть, и петь, и лгать.
И ты захочешь сам
Обманываться с нами
И вечности скулить, и вечность охранять.

БЕЗДНА

и бездна мой болезный визави
в меня глядит тревожно и фальшивит
пока я храм свой строю на крови
неся себя как знамя или вывих
а тело – в бурых пятнах перевязь –
ещё не белый флаг раз не добыто
в нём ноет по артериям змеясь
как конский волос кем-то там зашитый
несбыточный нездешний новояз
не скажет бездна: всё теперь мы квиты
домой не пустит вслед ехидно щерясь

пока мой голос вдоль обрыва вывит
и правит незаконный свистопляс
неся бесстыдно небу эту ересь
а небо бездновато до основ
и бесновато мне от новояда
гортань уже не помещает слов
гортань уже ни в чём не виновата
когда язык идёт из берегов
и хлещет ухом горлом носом стих
и пустоту собой переполняет
а бездна всё поймёт и всё простит
о чём она вот только вопрошает?

ЛИШЬ СТРЕКОЗЫ

сидишь в густой вязкой тени
условного мирового древа
невидим и одинок
тебе вовсе не страшно наблюдать влюблённые парочки
что взбираются по скользкой лунной дорожке
на самую середину бездонного пруда
даже стрекозы боятся шелохнуть крыльями
и разбудить круги на воде
ты и сам недвижим
как сфинкс
твое одиночество и одиночество этих пар
отбрасывают друг на друга тени:
от одного звон в ушах
от другого закладывает уши

когда от крика ночной птицы
рябь по воде
парочки беззвучно тонут
так и не дойдя до цели

лишь стрекозы всё понимают буквально
их драконьи тела истончаясь
тут же сшивают расползающееся —
края реальности

ДЕРЕВО

Господь меня узрел:
я на земле лежал.
Я зрел. Во мне произрастало дерево.
Трещали кроны,
и лесной пожар
сожрал меня уже оцепенелого.
И было дымно,
влажно и легко,

курили облака мой дым мигреновый.
И камедью слеза
из тучных облаков
янтарно оплывала на расселинах.

Я – жёлудь
со столетней головой.
меня втоптать легко в ваш ад асфальтовый.
Меня лудит и будущая боль,
зудит его любовь
с изнанки.

Во мне
невидимые птицы на ветвях,
и души не рождённые галдят,
как замыслом Его и было велено.
Под вашими ногами я – голыш,
покуда вдруг какой-нибудь малыш
во мне случайно не увидит дерево.

ПОКА МЕНЯ ЖИВЁШЬ

успеть к тебе
сквозь вязкие дожди
быть на твоей груди
в тебя врасти
как ноготь
или копать в кожу рук
не говорить пусти

войти в твой слух
без голоса без слов
пока меня живёшь
не видеть снов
войти в зрачок
как заводской пейзаж
рекой войти
в пейзажный твой шалаш

и эти – плоть и плоть
разъять нельзя
и наши души на ветру сквозят

СИНЕЛЬКА

пенный ветер,
не пеняй на мою немоту.
я – просто девочка хрупкая
с рыбкой во рту.
я – просто колокол
лаковый без языка.
молчу пока.

мучнистой росой
колокольчиков зёв забит.
медовой пчелой
синий воздух звенит.
забыт венчик шёлковый,
чалится в тень дичать.
синельке молчать.

молчанка-волчанка-ветрянка,
да чтоб её!
это слова воздушит
песни моей забытьё.
рот на бантик,
губки на узелок –
беззвучья зарок.

девочка хрупкая,
вырви меня с корешком.
мы – крови индиговой
обе – дичком
взрастаи былинкой. безгласно.
там – твой, а здесь – колокол мой.
слышишь? молчат.
травой.

Прокіпець Олександр Олександрович. Народився 21.06.1991 року в м. Новий Буг Миколаївської області. Студент Чорноморського державного університету імені Петра Могили, економічний факультет. Публікації: студентська газета ЧДУ ім. П. Могили «Вагант», суспільно-гуманітарний альманах «Глаголь добро» № 1 (2011). Лауреат міського літературного конкурсу «Паперове дерево» (2011).

Олександр ПРОКІПЕЦЬ

НАЧЕ СТАЛЬ ПІСЛЯ КУПАННЯ

НАМАЛЬОВАНИЙ

Ескіз. Умалюй туди мене.
Мої ноги звисатимуть із полотна.
Якщо ти картину перевернеш –
Я впаду на рельєф її дна.
Повісь у кімнаті свій твір
Чи зарий на горищі у мотлосі,
Зимою винось надвір,
В знак своєї холодності.
Вилазити не хочу...
З часом фарба облізе лускою...
Ранком заглядатиму в твої очі,
Вночі мовчатиму колискові.
Побачиш замерзлі каплі зимою, –
То не сльози скупі, а сніг.
Намальовані чоловіки не ниють
І не піджимають звисаючих ніг.

ПРИМІТИВНИЙ ДОЩ

Питає: «Яке ти хочеш татуювання?»
Відповідь убога, але моя: «Хочу дощ,
З усією його вологою і запахами,
Теплом і звуком, бо ж літо надворі».

Візаві дивиться не мене, як на ідіота.
Дивиться на дощ, хмикає
І каже: «Ти не цікавий!»
– Так, вірно, а ще я латентний літній дощофіл.

Ми розходимося без набридлого «ну-у, давай, пока».
Дощ навколо.
Шкіра його стягує по собі; притатує певно.

Цінність продощеної землі вилізе через
зелене задоволення людської ненаситності
і кольоровими запасами на зиму.

МИСТЕЦТВО ДИХАЄ

Моє знайоме Мистецтво дихає брудним повітрям,
 Воно хоче вмерти від ядерних жовтих криків,
 Залишаючи свою тінь недозрілим дітям,
 Що вирощені Гордістю, і тому – дикі.
 Його стогони збуджують печаль.
 Його діти – розчарування,
 Ржавіють, наче сталь
 Після купання.

СПАМ

мої старання – спам
 ти любиш інші слова і музику
 колючою щіткою вичисти свою па-
 м'ять і поповни список лузерів
 що розгойдували до аритмії
 свої серця, надії на гармонію

звуки тихнуть чи зовсім німіють
 а повітря пахне амонієм

66

букет квартир вдихаю з балкону
 чи то насправді пахне Мир в якому
 квітне мораль (?)

наївно (?)
 значить Священний Грааль
 ще не удостоїв людство
 світлом
 взамін Графин з Вином

увага
 мовчання
 звучить метроном

ЧАЙНИЙ ВЕЧІР

Мед і зелений чай
 Кажуть мені, що вечір
 Знову почав
 Заварювати тьму і залазити мені на плечі.

Я знаю формулу,
 Щоб чаювання було незабутнім:
 Вдягайте зручну форму,

Тобто те, у чому входите у будні;
Гукайте близьких часголіків;
Лийте у чашки, зсередини ще голі,
Коричневий нектар
Й окріп, перемішаний з медом.
Все. Осінній темний чай – це дар.
Що перед сном ще треба?..

ЩЕ ДАЛЕКО ДО ПОЕТА?!

Де Ви пишете твори,
Фарбуючи пастою зошити?
Я люблю сидіть надворі,
Перебираючи прожите.
Крісло-некачалка й літній сад,
Навколо рими кружляють мухами.
Вірш помер? Навряд.
Але нема тут тих, хто б його послухали.
Рядки скисли, як забутий на столі компот,
Як щастя від чужого горя.
Ще, часом, на екрані піксельний Word
Ставить думки в буквах поряд.

Я не митець, шукач словесних див.
Пишу пером (хоча це жарти).
Літературу уже трохи забруднив,
За що дали звання поет-сержанта.

Александр ИВАНОВ

ПРОФЕССОР НА ВСЮ ГУБУ

«Хорошо в деревне летом!» – поётся в незатейливой слободской песенке. Я и не предполагал, что до такой степени хорошо!

Собираясь на пенсию, я упаковал свои публикации-диссертации, гитары и баяны и навестил коллег по много-летнему преподавательскому труду. Каждого попросил не забывать меня «в глуши, в деревне», где «всё вам скушно», от Онегина до наших дней, и поехал в Дикую степь, в овраги с ягелем и занесёнными Бог весть откуда лиственницами и хвоями. Я опрометью купил хатёнку-пятистенку на хуторе с фольклорным именем Губа и десятину земли – нечистый знает, с какими задумками. Поживу в тихом уединении. Не при моих приятелях-музыкантах будь сказано, мне поднадоели и их вечная колотня в рассуждении карьеры и почётных званий, и мои старания держаться на плаву в городе. А ещё я уверен был, что редкий гость потревожит меня на окраине ойкумены, в далёком хуторе с неполной дюжиной хижин. Развернусь на всю Губу!

С утра в небе стоял жаворонок, в ветвях громоздились сороки, за забором пробегал бродячий пёс с подгнившими ушами, крестьяне надёжно окунулись в свои огороды. Можно забыться и наконец-то сесть за «Воспоминания маэстро», как я озаглавил свои суровые музыкальные записки.

В пречудный субботний вечер, когда Всевышний взял меня под локоть и привёл к письменному столу, вложил в десницу перо (в моём воспалённом воображении – гусиное), в окошко постучали. Для городского обывателя стук в окошко – нонсенс, как выразился бы мой ректор. Но в этой полугиперборейской культуре – в порядке вещей.

За кустом дерезы стоял мохнатый старик в толстом жилете наизнанку и с такими обвислыми ушами, что я вспомнил шелудивого пса, пробегавшего у моего плетня утром.

– Вы, правда, профессор? – спросил хуторянин глухо и виновато.

– Разумеется, – переняв его смущение, прогудел я.

– Вот вы-то нам и поможете.

– С удовольствием. – Я обрадовался тому, что у чёрта на куличках встретил спрос на высококвалифицированного музыканта.

Иванов Александр Кузьмич. Поэт, прозаик, композитор, публицист, научный работник. Директор Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств, профессор. Родился 06.11.1946 г. в Александрии Кировоградской обл. Автор 9 книг прозы, поэзии и песен. Лауреат премий: им. Ю. Яновского (1984), им. Л. Крохмального (1985), им. Н. Аркаса (2010). Член Союза писателей России (2010), Национального союза журналистов Украины (1990), президиума Ассоциации деятелей эстрадного искусства Украины (1997). Заслуженный работник культуры Украины (1996).

– У кума Живоры беда. Марта никак не может растелиться...

Я настолько не мог увязать проблемы современной эстрадной музыки и борьбу за поголовье крупного рогатого скота, что из всего запаса слов старого преподавателя выдал лишь одно. И повторил его трижды:

– Сейчас... сейчас... сейчас...

Чуть ли не за руку старик потащил меня через яр.

По дороге, под встречным ветерком, я приходил в себя, пробовал возразить:

– Тут... ветеринар нужен... хотя бы фельдшер...

Дедуля топал впереди и, не оборачиваясь, пробубнел:

– Вы же профессор, повыше будет.

Я хотел настоять на своём, но тут нас догнала длиннополая и с хлебом в руке старуха и закричала курицей:

– На сыр да на масло!

Я понял, что по хутору пошёл праздник прибавления стада и мой отказ почтут за роковое оскорбление. Мы, уже малым кодлом, свернули к сараю у плетня.

Пологи у Марты были тяжёлыми. Пегая коровка то ложилась, то вставала на все четыре. Показались, откуда следует показываться на свет Божий, две куценькие ножки с мокрыми копытцами и половина головки в тонкой плеве. Крестьяне окружили страдалицу, дружно оглядывались на меня и гудели:

– Ну же, ну! Пропадёт Марта...

– А что «ну»? – гнусавил я и на всякий случай прятал руки за спину.

– Тяни же, профессор! Тебя же всему учили...

Это была летаргия, сомнамбула, лунатизм – чёрт те что, во всяком случае, со мной впервые. Я ухватился за крохотные копытца, потащил.

– Да не оторви место! – командовала бабка-клуша.

Что такое «место», я узнал позже, уже за чаркой самогона. Это та самая плева, в которой выходит малец. А теперь я тащил, скользили пальцы, но помимо моей воли перехватывали головку...

– Теперь отходи! – командовал кум Живора, со всем миром переходя со мной «на ты», и я, пятясь и смахивая пот со лба липкими, слегка окровавленными ладонями, философски подумал: «Только в общем труде и в общих страхах люди по-родственному сближаются».

Странно, корова родила стоя. Мордочкой и передними ножками тощий бычок рухнул с метровой высоты – и никто за моей спиной не ахнул, только кривой Назар извлёк из своего лексикона близлежащее выражение:

– Отуда к едрене фене!

Ещё двадцать минут спустя теленок трудно вздыбился на раскоряченные ножки, качаясь, поплёлся к вымени и живо затолкал мамку снизу вверх. Откуда силы?

Эти силы оценили мои новые земляки. Оглядев мускулистую, с трудовой мозолью, фигуру, они мечтали увидеть бычка столь же крепким – и безо всяких экивоков назвали его моим именем – Сашко.

Неделю спустя, в полночь, две соседки церемонно разбудили меня и пригласили напугать дикого хряка, который пришёл из перелеска, сломал сажик и пристаёт к их свиноматке. Назавтра землемер из района, не знаю, по чьему совету, пришёл ко мне с саженью и попросил подменить его на денёк, так как ему следует быть на свадьбе у дочери местного депутата. На храмовый праздник молодухи вытащили меня из-за творческого стола для того, чтобы я растащил парубков, не поделивших красавицу. Начался сезон убоя живности, и мне пришлось вместе с коротышкой-поляком беловать туши, вернее, подсвечивать резнику керосиновой лампой до и после полуночи, так как электричество на хуторе отключали к двадцати трём часам.

– Жовнер, потрэмай лямбу! – командовал резник.

Я не понимал, почему я жовнер, но к польскому прислушивался с интересом.

В общем, воспоминания свои я писал, но только в свободное от хуторских забот время. Служил у крестьян парнишкой на побегушках, но, слава Богу, величали меня только паном профессором.

На беду или к счастью, в моём университете возникла вакансия, и пришлось снова вернуться к трудам, где не надо прикладывать рук. Но только на два учебных года. Закончится контракт – я снова на хутор.

Да, важная деталь: на хуторе вся челядь величала меня профессором на всю Губу, а в университете черти-аспиранты, пронюхав всё про мою Одиссею, обзывают своего благодетеля всего лишь... ветеринаром.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Лев Толстой утверждал, что первую половину дороги человек думает о том, что он оставил дома, а вторую – о том, что ждёт его впереди. Я же, уютившись на верхней полке купейного вагона дальнего следования, думаю о женщине. Поначалу абстрактно, постепенно всё больше о той, что, облокотившись на свёрнутую постель у окна внизу, легко кокетничает с двумя спутниками моего возраста и из моей же туристической группы. Вставляет в общую беседу словечки легко, округло и задиристо.

Оба её собеседника плетут невнятицу, угощают дамочку, которой едва ли тридцать и у которой симпатичные формы и модная причёска. Мужики держатся самоуверенно. Мол, видали зверей почище львов, от них и то летели клочья, а сами тупо внедряются в свой интерес. Оба рослые, броской наружности и бывалые до чёртиков. Ещё не доедем до впервые обещанной заграницы, как один из них получит право предложить дамочке свою руку и уж под Мендельсона поведёт желанную туда, где уют и интим. На то Бог и придумал всякие курорты, командировки, туристические вояжи, особенно за бугор.

Мне с ними не тягаться. Физиономия у меня круглая, последний раз отразилась в зеркале на дверях купе закрученной и красной, как у бражника. Да и совсем не пышная причёска красоты не прибавляет. Культуризмом я никогда не занимался, даже с зарядкой «на вы», а такой-сякой интеллект и дар мелодии на лбу не прописан. Чтоб до меня дойти, слабый пол должен съесть по дороге хотя бы полпуда соли и вообще этот пол должен быть по-настоящему слабым. Стояло бы в купе вшивенькое пианино, на худой конец, висела бы гитара, с бантом или без банта, о!..

Тоска да и только. Клин клином вышибают. Я в мозгу перелистал начало своего донжуанского списка: куций для гастролёра к тридцати годам. Решил было смириться с ролью шавки в конце своры за жучкой. Однако нас ведёт Всевышний, а не ОВИР и загранвиза, не случайная ситуация. Рука нащупала в саквояже сопилку – коротенькое брёвнышко с дырочками... Я имманентно приложил её к губам, дунул, пошевелил пальцами – изнутри пролилось:

*Сіла птаха, сіла птаха на тополю,
сіло сонце понад вечір за поля...*

Не сразу я уловил, что троица у окошка внизу перестала звенеть рюмками и болтать вздор. Увлёкся бы сам и замер в очаровании первобытным инструментом, если бы не надо было дуть да перебирать пальцами. Ага, ловеласы и фурия, достало! Гордость моя нашла подпитку, этим сердце и успокоилось. Хорошо, что в природе, кроме нашей плоти и похоти, существует нечто духовное, пожалуй, покрепче бицепсов и гормонов.

Когда наше купе всем миром выходило в тамбур покурить, бальзаковская дамочка пристроилась своим округлым плечиком ко мне и эдак положительно спросила:

– Вы музыкант?

Гонор мой взыграл, захотелось возразить дамочке.

– Любитель, – ответил я, небрежно и в сторону пуская колечко дыма.

– Меня зовут Татьяна. Можно просто Таня.

– А меня Иван, в простонародье Ваня, – соврал я в том же духе мальчишеского противоречия.

Хорошо, что проводник появился в дверях и отвлёк нас, иначе я и не нашёлся бы, каким словом продлить интерес дамочки к моим талантам.

Звук сопилки и мелодия птахи продержали дамочку в обаянии ещё день. Сужу по её взглядам, брошенным на меня издали, как бы приручая меня. Мол, в какой-то степени мы знакомы, свои. Может, это попытка держаться земляками в чужом, капиталистическом краю, а может, она, как и каждая женщина, привыкла ко многим поклонникам.

Поздним вечером стайку туристов кормили в пабе – Татьяна оказалась на стуле рядом. Я даже хотел позвать её после ужина прогуляться, но вспомнил, что парнишка в штатском, назвавшийся Петей Петровым из стройконторы, однако цепко следивший за каждым из нас, предупредил:

– Во избежание провокаций держитесь по трое и больше.

Спрашивается, на кой хрен в адюльтере третий! Я в который раз решил завязать со всяческими попытками сблизиться с женщиной в условиях свободного мира.

Однако в очередной раз нас кормили в приличном ресторане, и – о, радость! – о спинку дивана там оказалась прислоненной... гитара! Я разыграл лирическую сценку. Вначале небрежно прошёлся мимо инструмента, потом как бы случайно подхватил его, присел, только спиной к попутчикам, как бы забывая о них. Настроил струны, вспомнил лучшие из своих недавних строчек, запел, снова же вроде для себя:

*...Послушай встречи голос вещей,
И хоть минута коротка,
Пусть робкой птицей затрепещет
В моей руке твоя рука.*

*Доверься чувствам непритворным,
Мосты для бегства не готовь...
Пусть ручейком вольётся горным
Твоя любовь в мою любовь...*

И снова за спиной у меня прекратился звон посуды и говор путешественников.

Наутро в гостиной к завтраку собрались не все. Не было Татьяны. Петя Петров забеспокоился, чуть ли не вытолкал руководителя нашей группы из-за стола, иди, мол, выясни, что с человеком. Тот как ушёл, так и вернулся ни с чем.

– Ей нездоровится, – и многозначительная пауза с понимающим взглядом на каждого из нас. Я подумал: хорошо быть женщиной – у неё есть недуги, которые не требуют ни объяснений, ни справок.

Коллеги смирились с положением дел, а я завертел всей массой своего серого вещества. Понятно, от меня требуется ответный ход. Я просто обязан преступить приличия и совковые нормы зарубежных вояжей.

Эврика! Два пролёта крутых лестниц под нами. На повороте я скольжу, не жалея седалищ, падаю на остриё ступени, но хватаюсь обеими руками не за поясицу или ягодицу, а за ступню.

– Ой, подвернул...

Мне пытались помочь подняться. Я отчаянно силился идти на экскурсию и не мог. Попросил хоть одно плечо, чтобы опереться и доковылять к своему номеру.

Когда меня уложили в постель, туго забинтовали ногу и ушли в плановое путешествие по городу, я воспрянул духом. Разбинтовал ступню, принарядился в невиданный доселе спортивный костюм, купленный здесь же, за бугром, и перешёл в коридор. Меня ждала тоже неожиданно выздоровевшая, как и я, Татьяна.

Дальнейшее не требует описаний. Со времён Адама и Евы, с того момента, как было откушено райское яблоко, технология отношений между мужчиной и женщиной изменилась мало. Как и таинство любви.

А вот искусство я полюбил истово. Познаю музыку и совершенствую с полным сознанием, что все блага человека – от неё.

Константин КАРТУЗОВ,
Инна ЧЕРКЕСОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Стоит ли учиться «на библиотекаря»?

Сегодня только ленивый не говорит об Интернете, об информационных технологиях, об электронных носителях информации. Не менее популярна и тема судьбы традиционной книги, которая была главным источником знаний, а библиотека – местом, где можно получить необходимую информацию. Новое десятилетие XXI века, века электронной информации (как его уже более уместно называть сегодня), началось, как и ожидалось, ещё более интенсивным и агрессивным наступлением информационных технологий. Это явление, естественно, затронуло, или даже лучше сказать – окунуло в электронно-информационный океан, общественные библиотеки, которые и не сопротивлялись, да и не могли сопротивляться, ибо и читатели, и сами библиотеки без новых информационных ресурсов уже и существовать не могут.

На одном из семинарских занятий преподавателя кафедры документоведения и информационных систем Николаевского филиала национального университета культуры и искусств между студентами возникла дискуссия: стоит ли учиться «на библиотекаря», если многие уже не пользуются библиотеками – достаточно Интернета.

Подобные высказывания обнаруживают то обстоятельство, что, во-первых, большая часть молодёжи отучена от работы с книгой: не умеет читать осмысленно, уже отвыкла от традиционной формы издания – печатного блока, одетого в обложку (листать утомительно!); во-вторых, появилась альтернатива – электронные приспособления, Интернет, где почти всё можно легко посмотреть и найти. В-третьих, молодёжь отвыкает писать – работать рукой. Это на памяти старших поколений, чьи дети пошли в школу в последней трети XX века, произошло непоправимое – исчезла из школы каллиграфия. Скоропись шариковой ручкой легко подготовила навыки для компьютерных клавиатур.

Согласимся, компьютерные технологии очень сильно «продвинули» общество по пути прогресса. Огромные информационные ресурсы, которые аккумулировали отечественные книгохранилища с 1037 года (когда Ярослав Мудрый основал государственную библиотеку при Софийском соборе), используются лишь частично. Между тем библиотеки по-прежнему выполняют системную работу: упорядочивают читательские интересы, оказывают помощь в поиске необходимой литературы, т.е. создают целевой поток знаний, наполненный смысловыми, этическими и эстетическими характеристиками.

Сегодня библиотеки Николаевщины обратились к инновационным методам и средствам работы: читальные залы оснащаются беспроводным Интернетом, создаются электронные каталоги книжных фондов, сайты библиотек, проводятся общественные, образовательные, культурные акции, которые собирают членов местной общины всех возрастов разного образовательного уровня и интересов.

В общественные библиотеки зачастили представители структур власти, бизнеса, образования, культуры. Оживилась клубная, просветительская работа. Здесь можно высказать мнение, быть услышанным и узнать мнение других. Это привлекает особенно любознательную молодёжь, поиск ответов на так называемые вечные вопросы «кто мы?», «откуда мы?», «куда идём?» продолжается. Свою деятельность читальные залы развернули и в виртуальном пространстве, создали блоги,

информируют пользователей о своих услугах через социальные сети, осуществляют электронную доставку документов, публичный доступ к официальной информации через сеть Интернет. Библиотеки стараются учесть потребности разных категорий граждан, в том числе с ограниченными физическими возможностями.

Тогда в чём же причина того, что молодежь не хочет или не знает о ресурсах библиотек, которые им могут быть полезны? Конечно, студенту для подготовки небольшого сообщения вполне может хватить данных из Википедии, но когда он пишет курсовую работу или диплом, разве ему достаточно информации из открытых источников в сети? Конечно, идти по пути наименьшего сопротивления – привычка не одного поколения учащихся, но разве можно исключить волю к познанию нового? Думается, есть и желание и потребность, нет только поведенческой культуры – идти за знаниями в библиотеку.

Возможно, причина сложившейся ситуации заключается в том, что сегодняшний не читающий студент – это вчерашний не читающий школьник?

С момента обретения Украиной независимости из поля зрения общества почти «выпало» такое структурное подразделение общеобразовательного учебного заведения, как школьная библиотека, которая всегда была первой ступенью к овладению знаниями. Фонды школьных библиотек не пополняются, отсутствуют государственные программы развития информационной культуры и поддержки школьных книжных хранилищ. У детей формируется мнение, что общественная библиотека не может помочь в поиске необходимой информации, а в Яндексе или Гугле «найдется всё».

По результатам социологического исследования «Оценка удовлетворённости работой школьных библиотек учащимися и преподавателями николаевских школ», проведённого Центром по изучению общественного мнения «Наваль-Эксперт» (2012), фонды библиотек учебных заведений не вполне удовлетворяют потребности учащихся, но только часть из них (от 14 до 27%), не получив необходимую информацию, продолжает поиск в публичных библиотеках города. Книжный фонд по предметам общественно-гуманитарного цикла «вполне удовлетворяет» потребности учащихся младших классов на 45%, средних – 40%, старших – 39%. Среди преподавателей указанных предметов подобной оценки придерживаются 32%, а среди библиотекарей лишь 8% согласны с такой оценкой.

Одним из направлений комплектования школьных библиотек сегодня является подписка на периодические издания. Для младших, средних и старших классов подписывают в среднем 1–2 экземпляра на школу. Однако 39% школ не получают по этой категории ни одного экземпляра периодических изданий.

Среди учащихся более активными пользователями школьных библиотек являются ученики 5–6 классов (в опросе принимали участие ученики 5–11 классов). Так, при подготовке уроков по зарубежной литературе они постоянно пользуются школьной библиотекой (35% учеников), среди 7–9 классов таких уже 21% и 22% – старшеклассников.

Для свободного (внеклассного) чтения услугами школьной библиотеки пользуются 40% учеников 5–6 классов, 45% – 7–9-х и 16% – старших. Думаем, что проблемы падения интереса к чтению начинаются именно за партой, так как школьному библиотекарю зачастую просто нечего предложить пытливому ребенку. Свою потребность в литературе для свободного внеклассного чтения школьники частично удовлетворяют в городских библиотеках, услугами которых постоянно пользуются 27% учащихся младших классов, 23% – средних классов и 19% – старших классов. Круг чтения школьников весьма разнообразен. Абсолютным лидером у учащихся по-прежнему является «Гарри Поттер». Среди 5–6 классов 38% опрошенных назвали эту книгу своей любимой. У учащихся старших классов в силу, наверное, возрастных особенностей бестселлером становится «Ромео и Джульетта» (20%).

Наши молодые оппоненты, которые считают, что книга, библиотеки – это уже анахронизм, не могут понять и осознать того, что, не научившись ориентироваться в книжных потоках, не умея найти нужную информацию, они готовят себя к рутинной работе, становясь рядовыми ремесленниками цифровой эпохи. Печатная книга – драгоценный феномен человеческой мысли и творческого труда. Электронной книге ещё предстоит пройти самый сложный путь становления, чтобы приобрести самые ценные качества печатной мудрости, воплощённой в материальную форму бумажной книги.

В школу медиаграмоты!

Одним из направлений гуманитарной политики в нашей стране должно стать медиа-образование. Ещё в школе рождаются любовь к чтению, печатному слову, навыки рукописного выражения мысли на бумаге, умение ценить искусство оформления книги. Кстати, наши наставники юных, наиболее чуткие к запросам времени, всему этому уже учат. Достаточно было увидеть, с каким удовольствием пятиклассники 22-й городской школы (учитель З.И. Шаталова) сочиняли письма «в XIX век», используя при этом гусиные перья и чернила. Такую сценку можно было наблюдать в областной научной библиотеке им. Гмырёва во время культурной акции 2012 г. «Ночь в библиотеке». Каждая значащая книга может быть образцом высокого уровня художественного и полиграфического оформления. Не случайно творение братьев Лимбургов «Часослов герцога Беррийского» (эпоха Средневековья) или оформление книг выдающегося английского деятеля культуры и искусства Уильяма Морриса, его иллюстрации, шрифты (эпоха Модерна) находятся на более высоком издательском уровне, чем современная книжная продукция. После знакомства с такими высочайшими достижениями материализации слова читатель будет способен критически осмыслить пёстрый рекламный мусор сегодняшнего времени.

Вспомним, на уроках геометрии учитель на плоской доске чертил пирамиду, а учащиеся представляли себе её объем. Дети домысливали, как будет выглядеть фигура, развивая воображение и пространственное мышление. Сегодня благодаря мультимедийным технологиям учитель может изначально показать объёмную фигуру, и ребёнку уже не надо ничего представлять и домысливать. Так и ребёнок, который сначала читает первичный документ – печатный текст, учится анализировать информацию, планировать не только форму, но и содержание вторичного документа, того же, например, школьного реферата. Ребёнок, который просто скачает текст в сети Интернет и распечатает его, ничему не научится.

Вызывает беспокойство неумение современного студента ориентироваться в потоке сетевой информации, отличать информацию от дезинформации. Как это делать? никто из молодых не только не знает, но и не ведаёт, что это нужно уметь. Вильям Шекспир писал: «Give every man thine ear, but few thy voice», что можно перевести как «слушай всех, но говори с немногими». О сегодняшних интернет-реалиях можно сказать: «читай много, но проверяй факты». Одна из задач школьного наставника на библиотечных уроках – научить своих воспитанников находить авторитетные источники. К сожалению, сегодня нет полноценных программ медиаграмотности, которой могли бы учить школьные библиотекари, а студентов – сотрудники специальных кафедр и публичных библиотек. Не случайно во многих западных вузах информатику и библиотековедение изучают в составе одного академического курса. Заметим, что примерный учебник по такой дисциплине уже есть и в фондах николаевских библиотек. Это учебник на английском языке, заглавие его можно перевести как «Основы библиотековедения и информатики». В третьем издании этого учебника, который вышел в 2010 году, его автор Р.Е. Рубин исследует всё возрастающее воздействие сети Интернет, влияние блогов, вики и социальных сетей на библиотечные услуги, в том числе издание электронных книг, электронных библиотек, сохранение оцифрованных бумажных изданий в цифровых хранилищах, а также функциональные требования к библиографическим записям. Как видим, в развитых странах современные информационные технологии не заменяют традиционные библиотеки, а органически интегрируются с ними, дополняя новыми сервисами возросшие информационные потребности пользователей библиотек.

Конечно, сегодня существует тенденция смещения от чтения бумажной книги в сторону чтения с экрана. Показательна в этом плане международная статистика. В США, к примеру, в возрастной группе 12–15 лет соотношение тех, кто предпочтёт получить информацию из Интернета, и тех, кто скорее купит бумажный вариант, примерно 60% к 40%. Ожидания относительно электронных устройств для чтения книг и других мобильных гаджетов весьма высоки. Подростки полагают, что в 2012 году они 65% времени, отведённого на чтение, будут читать электронные книги и издания. Даже в возрастной группе 55–65 лет эта цифра, по предположению опрошенных, будет составлять

40% времени, уделяемого на чтение периодики. Мужчины готовы получать информацию только из сети в большей степени, чем женщины (41% против 29%). Это, соответственно, отражается на склонности читать онлайн-журналы того или иного формата: больше всего потенциальных потребителей у сугубо мужских онлайн-журналов (65%), меньше всего – у сугубо женских (42%). (Санин В. Журналы в цифровую эпоху // Open Space. – 2008. – 24 октября).

Как полагают исследователи, будущее книжного рынка, как и будущее библиотек, связано с электронной книгой. Ещё в начале 2010 г. уже каждый пятый читающий американец перешёл на чтение электронных книг. Ортодоксальные взгляды о «временности» электронных книг, как и радикальные споры о скором конце бумажных книг, не имеют под собой реальной почвы. Вот падение интереса к чтению вообще – это тревожный симптом. По результатам исследования, в 2010 году в России сложилась тенденция нарастающая (11% россиян не читали ничего, 25% – читали эпизодически, 34% – 1–2 книги в месяц, 37% опрошенных – читали электронные издания). Думаем, в Украине ситуация подобная и без государственной программы поддержки чтения и книгоиздания её не изменить.

Большинство экспертов сегодня сходятся во мнении о сосуществовании печатных и электронных книг и долгой, а может быть, очень долгой жизни библиотек, в которых только часть фондов заменят на электронные и, соответственно, только часть читателей не будет приходить в библиотеку, предпочитая ей Интернет. Какие-то виды литературы действительно могут полностью перейти в цифровой формат (справочная, учебная), а какие-то нет (досуговая, изобразительное искусство). Отдавая должное электронной книге и Интернет, мы остаёмся стойкими сторонниками традиционной книги и призываем начинать свой путь в современном информационном пространстве с общественной библиотеки.

Картузов Константин Николаевич. Заместитель директора Научно-педагогической библиотеки г. Николаева. Родился 09.09.1984 г. в Николаеве. Окончил физмат Николаевского госуниверситета им. Сухомлинского (2006) и магистратуру по государственному управлению Черноморского госуниверситета им. Петра Могилы (2009).

Черкесова Инна Григорьевна. Родилась 18.01.1952 г. в Николаеве. Окончила Кубанский госуниверситет, факультет художественной и технической графики (1982). Профессор кафедры дизайна Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств. Заслуженный деятель искусств Украины (2002). Член Союза художников Украины.

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБЕ КНИГИ
И ПРОБЛЕМАХ ЧТЕНИЯ**
(В обсуждение статьи «Общественная библиотека
сегодня и завтра»)

**ЗОЯ ШАТАЛОВА: «МИНИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА
ОТУЧИЛА ДЕТЕЙ ЧИТАТЬ»**

Что делать?

Статья Константина Картузова и Инны Черкесовой «Общественная библиотека сегодня и завтра» расставляет акценты, говорит о формах функционирования самой библиотеки в современных условиях и невольно побуждает к обсуждению. В центре внимания авторов человек читающий, но больше проблемы формирования и развития молодого поколения. Мне особо близки вопросы, связанные с воспитанием читателя в средней школе.

Мысль о музее-библиотеке интересна тем, что общественные книгохранилища уже сейчас могут открыть свои заветные фонды для экскурсионных посещений. Существующая практика выездных тематических выставок на городские мероприятия должна активнее использоваться и в отношении общеобразовательной школы: на выставке нет времени побыть наедине с книгой, погрузиться, не отвлекаясь, в её содержание, услышать обзор из уст библиотекаря – в школе же выставка может стать эффективной культурной акцией, да и библиотечные уроки такого типа станут радостной сенсацией, побуждающей к встрече с книгой. С такими же тематическими презентациями отдельных изданий читатель может знакомиться (спасибо Интернету) на библиотечных сайтах и блогах, адреса которых должен знать каждый учитель-предметник. И не зря Интернет обязал величать себя с прописной буквы: он диктует условия не только библиотеке – всем сферам знаний в современном мире, и относиться к этому нужно не только спокойно, а с благодарностью, иначе можно договориться до преимуществ пещерной жизни.

Что делать? – поспевать и приспосабливаться, это с успехом и делают наши неугомонные труженики библиотечного фронта. В статье приводятся данные международной статистики опроса читателей-подростков. Но хотелось бы оперировать данными Украины – наша страна по школьным показателям всегда опережала и Россию, и, тем более, США. К примеру, хотелось бы у самих николаевских ребят спросить, что и на каком языке они хотят читать в электронном виде, а что – в традиционном бумажном переплёте. Такая анкета с последующим анализом и рейтинговой таблицей по возрастным категориям, специализацией школ для педагогов и воспитателей послужила бы дополнительным аналитическим материалом при характеристике современного состояния отношения к чтению и книге.

За заимствованные из Интернета готовые рефераты тоже можно благодарить Сеть. Учитель может потребовать проработать рефераты, перечёркивая в них абзацы, расширяющие тему, выделяя тезисы для составления плана, подчёркивая главные мысли и выводы для конспектирования, ограничивая размеры рефератов; можно предложить одному ученику подготовить реферат, а другому – написать на него рецензию.

Наболевший вопрос об «исчезновении из школы каллиграфии» требует особого внимания. Школа уже давно перестала учить детей навыкам каллиграфии и чистописания. Лёгкой, стремительной, послушной шариковой ручкой, сменившей неторопливое перо, движет не рука, не мысль, а подсознание перегруженного, уставшего ученика, торопящегося поскорее всё закончить. Русскоговорящих

учеников перенапрягает и утомляет тяжёлый стиль переводов мировой классики на украинский язык, изобилие непонятных, чужестранных слов. С удалением из школьной программы русского языка и литературы как предметов изучения резко снизились грамотность и развитие речевых навыков по русскому и украинскому языкам. Как следствие всех перечисленных условий, «исчезла из школы и каллиграфия»: зачастую по едва различимым опорным словам угадывается содержание сочинения, и то при условии, что учитель знает тему.

Что делать? Вводить школьную оценку за каллиграфию при оценивании работ по развитию речи на уроках языка и за ведение тетради по всем предметам (многие учителя при выставлении последней оценки учитывают аккуратность ведения тетради).

Читать без принуждения

Даже без изменений в программе в современной школе уже сегодня можно успешно вести работу по каллиграфии. Так, в программе по изобразительному искусству есть темы «Плакат» и «Виды шрифтов» – визуальное знакомство с различными видами шрифтов можно закрепить практической работой над письменным шрифтом чернилами и пером, диктующими неторопливое выведение литер. А письменный шрифт на плакатах выглядит всегда трогательней и наряднее печатного шаблона, с изображением которого ребята всё равно не справляются. На уроках этики в 5–6-х классах и языка во всех классах можно отыскать моменты для конкурсной работы над эпистолярной этикой и написанием чернилами и пером писем маме, другу, любимому писателю, государственному деятелю в XIX век пушкинским стилем. Такой конкурс пришёл в Николаев из Михайловского – пушкинского музея-заповедника (РФ), и школьницы СОШ № 22 в балетных платьях, вооружённые старинными перьями и чернилами, в нём с радостью участвовали. Правда, со стилем справиться было легче, чем с каллиграфией – она требует не разового внимания, а выработанной привычки к порядку, неспешному темпу послания на бумаге, уважительному отношению к письменному Слову, адресату и своей персоне. И речь идёт не только о красоте почерка, но и самохарактеристике через почерк: психологи давно доказали весомую долю взаимовлияния почерка и характера.

«Не читают»? «Не ходят в библиотеку»? «Не умеют читать осмысленно»? «Отвыкли от книг»? «Виноват Интернет»? – да школьная министерская программа и отучила читать. Золотой фонд русской классики, «Капитанская дочка» и «Дубровский» А. Пушкина, заменены даже не русской сказкой про Ивана-дурака (ведь он не такой уж дурак), а чужеродной примитивной сказочкой «Ай-венго» В. Скотта, безынтересным для подростков средневековым эпосом разных народов, с которым раньше бегло знакомились в институтах.

Именно школа, и в первую очередь на предметах гуманитарного цикла, формирует систему этических и нравственных ценностей у учащихся, а чуждые стереотипы разрушают ментальность подрастающего поколения. В проекте программы «Мировая литература» на 2013–14 учебный год в 5–9-х классах из 135 авторов только 23 русских представлены в малых жанрах, в 8-м классе – ни одного. Для заучивания наизусть за 5 лет предлагается только одно стихотворение русского поэта. Тема Великой Отечественной войны, на героике которой старшее поколение училось любить и защищать родину, отсутствует в программе. Есть «Вторая мировая война в европейской поэзии» (5 стихотворений, из которых 2 – русских); для обсуждения этой темы предлагается тезис: «Изображение трагедии Второй мировой войны с разных сторон Европы» – разве однозначность античеловеческой сути фашизма нужно в украинских школах ставить под сомнение? Заложена чёткая ориентация на воспитание европейца, но не представителя славянской цивилизации. Почему молодое поколение Украины, которое растёт и воспитывается в условиях реального двуязычия, в курсе «Мировая литература» должно изучать большей частью произведения зарубежных писателей, не выучив сначала свою литературу, на которой рождалось духовное становление наших отцов, дедов и прадедов?

Уместно вспомнить слова И. Франко: «Коли твори літератур європейських нам подобались, порушували наш смак і нашу фантазію, то твори росіян мучили нас, будили в нас людину, будили любов до бідних та покривджених».

Русские книги из школьных библиотек приказано убрать, русский язык и русская литература в школах Украины изъяты из основной части учебных планов. Русскоязычные пятиклассники не знают русских букв, школьники не читают русскую классику для подростков. Девтора младшей школы на лето получает огромную книгу для чтения с «публіцистичними текстами про мову», и как ни старается ребёнок читать выразительно, на вопрос: «О чём текст?» – звучит однозначный ответ: «Про мову». А ведь публицистические тексты для изложений на уроках языка в программе появляются только в старших классах. Подобная литература отбивает охоту к добровольному чтению, воспитывает не патриотизм, а устойчивое подсознательное противление, безразличие, страх, двуличность и умение приспосабливаться. Жалко и «пісенну українську мову», и бедных детей, в душах которых безнаказанно топчутся нищие духом временщики, проповедующие любовь через ненависть к ближнему – к русскому и русскоязычному отцу, деду, товарищу, соседу; самовольно отбирающие у будущего нации право на знание не только родного украинского, но и исторически и духовно родного русского языка.

Понятие родины имеет несколько слагаемых: это и родная земля как историческое отечество; это и культура, традиции как этническая родина; наконец, это вера и язык как родина духовная, самая сокровенная, где право на передачу от сердца к сердцу этого наследия детям имеют только родители. Родной язык – это тоже родина. И так исторически сложилось, что у русскокультурных граждан Украины русский и украинский – два любимых и родных языка, грамоты обоих языков наши дети должны знать, как знает их старшее поколение. Воспитание ненависти и отречения по отношению к любому из этих двух языков – это воспитание поколения предателей и оборотней, и никто не желает такой судьбы своим детям. Горько слушать искренних радателей украинского языка и ненавистников всего русского, произносящих свои тирады исключительно на хорошем русском языке, – безграмотный украинский их самих очень напрягает, особенно сатирично это звучит из уст представителей действительных национальных меньшинств в Украине (в родной стране русскоязычных граждан, составляющих большинство на юго-востоке Украины, уничижительно называют меньшинствами, хотя сам термин отторгающе и враждебно звучит по отношению к любой нации).

Патриарх всея Руси Кирилл сказал: «Через язык передаётся духовный код народа, а через литературу этот код закрепляется на интеллектуальном уровне». На самых высокохудожественных образцах мировой литературы этот код не закрепляется, если произведение читается не на родном языке, что не единожды проверено практикой. Никакой закон не сможет заставить родителей остаться равнодушными к духовному коду народа, к которому они принадлежат. Невозможно заставить человека долго находиться под водой и дышать через соломинку. Невозможно с позиций демократического государства понять, почему в украинских школах позволительно изучать английский, немецкий, французский языки, а русскоязычным детям владеть русской грамотой, читать русскую классику непозволительно; почему главным проявлением украинского патриотизма, национальной идеей должна быть неприязнь к русскому языку и русскому миру? Нормальный, толерантный, мирный, дружелюбный, образованный человек никогда не станет следовать подобным установкам да ещё называть это патриотизмом.

Возвращаясь к исходной проблеме, с уверенностью опытного учителя языка и литературы утверждаю: для чтения без принуждения детям нужна высокохудожественная русская детская литература, доступным языком написанная украинская и высококачественная, с альтернативой русского и украинского переводов, зарубежная детская литература о героях и подвигах, о любви и дружбе, о святом и грешном, об истории и современности. А Интернет будет способствовать чтению: книжные полки в общественных библиотеках, кабинетах, на домашних стеллажах не опустеют до тех пор, пока жив в сердце у человека божий дар любви и творчества.

Шталова Зоя Ивановна. Председатель Николаевской городской общественной организации «Русская национальная община «Русичь-Николаев». Учитель-методист СОШ № 22.

АЛЕКСАНДР ПРОНКЕВИЧ: «ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ – ВОТ ВЫХОД»

Одно известное определение гласит, что университет – это библиотека и все остальные примыкающие к ней постройки. Да-да, именно так! Не здания, не сооружения, а именно постройки, ибо они все могут исчезнуть (даже ректорат!), но университет всё равно будет, если есть куда пойти, чтобы почитать книги. Даже профессоров можно распустить по домам, хотя, конечно, лучше, чтобы они всё-таки были и хоть иногда ходили в библиотеку. Это определение, очевидно, насквозь прогнило, так как наши отечественные университеты (хочется взять слово в кавычки) построены по-особому. У нас сердце университета – помпезные актовые залы, куда можно заводить доверчивых абитуриентов и их родителей, уютные кабинеты, где принимают членов важных комиссий, или те же ректораты, в которых сосредоточена вообще вся жизнь. Попробуем понять, почему происходит именно так.

Начнём с предназначения университетов. Они до сих пор не предполагают объединения обучения и исследовательской работы. Конечно, у нас много говорится, что и студенты решают научные задачи в процессе получения знаний, но это всё лишь «Слова! Слова! Слова!» – как сказал один меланхолик. Они просто не могут этого делать, потому что наши университетские библиотеки не для того созданы. Их фонды комплектуются согласно принципу: один учебник на три студента плюс небольшой список периодики для замыливания глаз проверяющих. Это всё должно обязательно быть, и это есть, иначе лицензию не дадут. Всё остальное – по остаточному принципу. В старых университетах научные издания, унаследованные от советских времён, ещё можно найти, а уж в новых может вообще не быть.

Электронные базы данных – вот выход, который мог бы оживить научную работу студентов и преподавателей в процессе учёбы (просьба не путать с поисковой системой Гугл и Википедией). У каждого уважающего себя исследователя есть свой набор библиографий и электронных собраний академических публикаций. В нормальных университетах утверждение тем бакалаврских и магистерских работ вообще не происходит, пока студент не приносит справку, что основательно поработал базы данных, иначе как доказать новизну и актуальность исследования. Но вот беда: у нас ничего такого нет. Большинство университетских преподавателей не имеет потребности работать с базами данных, потому что просто не знает об их существовании. Конечно, стоит эта информация дорого, но отсутствие такого важного инструмента обучения и познания объясняется другим – нам эти глупости просто не нужны, потому что при их наличии непрофессионализм станет очевидным. Во-первых, сразу будет видно, сколько не прочли, а, во-вторых, откроется, что именно прочли и откуда позаимствовали тексты своих диссертаций, статей и монографий.

Наши библиотеки в первую очередь используются как пункты складирования и выдачи учебной литературы. Огромные площади отводятся для десятков и сотен экземпляров одного и того же наименования, хотя сегодня трудно себе представить, что можно прочитать хотя бы один курс, пользуясь одним и тем же учебником (впрочем, у нас всё возможно). Современное общество требует от преподавателя, чтобы он не растолковывал тексты книг (это может сделать и сам студент, если он, конечно, умеет читать), но подавал максимально широкий спектр мнений об изучаемом предмете и учил критически к этим мнениям относиться. А для этого учебников должно быть больше, чем один, а, значит, нужны будут ещё площади. Вот и получается, что для научной литературы, без которой серьёзного университета нельзя представить, нет ни средств, ни места.

Не отсутствие денег, а непонимание роли университетских библиотек мешает правильно развивать информационное пространство. При таком подходе, который сохраняется сегодня, даже если

вдруг откроется самое большое финансирование, лучше процесс обучения не станет. Ну, купим мы ещё учебников, а они через несколько лет устареют, и их нужно будет выбрасывать. От этого способности научного мышления наших студентов всё равно не будут развиваться. Они как были зубрилками, так ими и останутся.

Нужно менять принцип создания университетской библиотеки и формировать её как исследовательскую институцию. Для этого в критерии лицензирования и аккредитации следует внести более детальный перечень требований, составленный так, чтобы мы осознали: библиотека – это не место, где студенты пережидают окна между парами, и не окошко для получения учебников, а духовное пространство, в котором совершается серьёзная работа. Нет у тебя подписки на электронные базы данных – не имеешь права работать. Не знакомишься с новыми монографическими работами, в том числе иностранными, – закрывайся и занимайся другим делом. Не подписываешь научную периодику – не подходи к образованию на пушечный выстрел. А деньги в наших высших учебных заведениях есть, ибо обучение давно уже стало неплохим бизнесом, вот только инвестируется заработанное не в то, что нужно. Ну и на государство нужно давить снизу, чтобы оно поддерживало университетские библиотеки, причём не только в трёх образцово-показательных учебных заведениях, а и по всей стране.

Часто задают вопрос, почему наши даже самые столичные университеты никогда не попадают в первые пятьсот лучших университетов мира. А ответ самоочевиден: они никуда не попадут, потому что их библиотеки безнадёжно устарели. Если в университете нет пристойной исследовательской базы, то его нужно закрыть, а все остальные постройки раздать для удовлетворения других потребностей.

***Пронкевич Александр Викторович.** Директор Института филологии Черноморского государственного университета им. Петра Могилы, доктор филологических наук.*

Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ

НИКОЛАЙ АРКАС: ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Николаевцам, чьё сознание проникнуто любовью и уважением к страницам истории родного края, хорошо известно имя Николая Николаевича Аркаса (1853–1909), автора оперы «Катерина», первой украинской оперы на сюжет Т.Г. Шевченко, первого популярного иллюстрированного издания «История Украины-Руси», основателя николаевской «Просвиты».

Рождённый в Николаеве, он немало сделал для наполнения культурного пространства не только региона, но и всей Украины. Принадлежал Н.Н. Аркас к знаменитому роду, который проживал в Николаеве 125 лет. Традиционно Аркасы посвящали себя службе на Черноморском флоте. Самыми известными представителями рода были Захар Андреевич Аркас (1793–1866), контр-адмирал Черноморского флота, его первый историк, исследователь древностей Херсонеса, а также Николай Андреевич Аркас (1816–1881), адмирал, генерал-адъютант императора Александра II, Главный командир Черноморского флота и портов. Имена этих военно-морских деятелей внесены во все отечественные морские словари и энциклопедии, а рассказ о деятельности каждого заслуживает отдельной статьи.

З.А. Аркас и Н.А. Аркас были, соответственно, дядей и отцом Н.Н. Аркаса и с детства прививали ему азы дворянской чести, ответственности, чувство долга и причастности к делам и чаяниям своей новой отчизны. Обращает на себя внимание тот факт, что

Н.Н. Аркас вошёл в историю как деятель украинской культуры, меж тем как род Аркасов имеет греческие корни. В 1794 г. Аркасы прибыли в Николаев, спасаясь от турецкого геноцида.

Сразу возникает вопрос: чем вызвана такая алогичность в профессиональной привязанности талантливой семьи? Почему представитель греческого рода флотоводцев выбрал столь экзотическое занятие, как генерация идей украинского национального возрождения? В чём загадка украинского вектора Н.Н. Аркаса? Ответить на этот вопрос одновременно и просто, и сложно. С одной стороны, ответ лежит на поверхности. Матерью Николая Николаевича была представительница старинного казачьего рода Софья Петровна Богданович. К моменту замужества её отец занимал пост ушедшего в мир иной М.Л. Фалеева, верного помощника Г.А. Потёмкина.

С другой стороны, младшие братья Николая Николаевича традиционно посвятили себя службе на флоте, и лишь с него началась украинская национальная линия знаменитого рода. Возможно, дет-

ство, проведённое уже в Петербурге, в родовой усадьбе, а затем постоянное общение с дворовыми людьми из той же усадьбы способствовали формированию у ребёнка осознания некой иной, отличной от имперской, истории. Эта история была наполнена особым духом казацких войн, морских походов, запорожским бытом.

Дело в том, что помещичья усадьба Аркасов была расположена на месте казацкого хутора Дерекля и население её состояло из выходцев с Запорожской Сечи. Эти земли дед Николая Николаевича П. Богданович получил за службу от правительства Екатерины II, ну а когда младшая дочь Софья выходила замуж, передал хутор ей в приданое.

Отход от традиционной морской службы и посвящение себя вопросам развития украинского национального искусства, а затем истории и просветительства, можно попробовать объяснить и необычной ситуацией, что сложилась в семье Аркасов между отцом и сыном. Наделённые сильными характерами, они противостояли друг другу в вопросах образования и взглядах на дальнейшую карьеру Николая.

Как свидетельствует эпистолярное наследие семьи Аркасов, мать буквально разрывалась между отцом и сыном, старалась примирить эти две неординарные личности. Заметим, что пройдёт несколько десятков лет и уже сам Н.Н. Аркас, будучи отцом семейства, будет принуждать сыновей Николая и Петра к учёбе в Высшем Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. Таким образом, чем более адмирал настаивал на военной карьере сына, тем сильнее Николай Николаевич мечтал о сфере гуманитарной.

Многочисленные архивные материалы, которые оказались несколько в разрозненном виде в архивах Киева, Одессы и Николаева, раскрывают нам генезис развития и становления Николая Николаевича именно как деятеля гуманитарного.

В Николаевском государственном архиве хранятся интереснейшие воспоминания Н.Н. Аркаса о студенческих годах, когда молодой, с романтической поволокой юноша задумал на третьем курсе Новороссийского университета жениться на простой сельской девушке и зажить незамысловатой крестьянской жизнью. Естественно, родители пресекли эти порывы, не говоря уж о прожектах молодого Николая относительно театральной карьеры. Были у юноши планы бросить университет и уйти в актёры в труппу своего старшего товарища М.Л. Кропивницкого. Адмиралу доводилось зорко следить за своим старшим сыном. После окончания учёбы он назначил его адъютантом Главного командира Черноморского флота.

В архивных материалах можно встретить и курьёзные истории, что происходили с молодым энтузиастом украинской культуры. Его манера одеваться была достаточно своеобразной для сына военно-морского сановника самого высокого ранга. Свитка, вышиванка, соломенный брыль – летом, кожух, селянская меховая шапка – зимой делали его малопривлекательным для одесских барышень и вызывали лёгкое удивление образованной публики.

Однажды, пересекая Дерибасовскую, Николай поймал на себе взгляд двух юных аристократок, что в сопровождении бонны, спешили по делам. Девицы, естественно, на французском отметили несообразность благородных черт лица и внешнего облика юноши. Аркас на французском поблагодарил барышень, чем вверг их в крайний конфуз. Нравственные законы 70-х годов XIX ст. не допускали открытого взгляда незамужней девицы из хорошей семьи в лицо незнакомому мужчине.

Таких случаев в жизни Н.Н. Аркаса было огромное количество. О них повествует значительный семейный архив, который также хранятся и в Николаевском краеведческом музее. Мы с интересом вчитываемся в пожелтевшие строчки и с радостью открываем для себя не монументального, а живого, притягательного, смешного и глубокого Н.Н. Аркаса.

Березовская Татьяна Всеволодовна. Кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения Николаевского национального аграрного университета.

Екатерина НАТОЧА

ИВАН И ЯКОВ – ОТЕЦ И СЫН

Если бы Иван Булавицкий создал только памятник Святому Николаю, то мог бы спокойно почивать на лаврах – свою миссию по жизни художник и скульптор выполнил. Долг родному Николаеву отдал сполна. Теперь город, рождением и именем своим обязанный Святому Николаю Чудотворцу, обрёл свой символ в белом граните и, может быть, с этого момента начнёт новую эру своего развития. Кто знает. Пока что он переживает не лучшие времена. Но что-то в нём изменяется и крепнет. Возможно, вера в лучшее будущее?..

*Иван Булавицкий за работой над Святым Николаем**Яков Булавицкий*

Иван Булавицкий – николаевский скульптор, график, живописец. Заслуженный деятель искусств Украины, «Горожанин года – 2005». Награждён орденом Равноапостольного Князя Владимира и Почётной грамотой Митрополита Киевского и Всея Украины. Он – участник многих персональных и коллективных всеукраинских и международных выставок и симпозиумов по скульптуре, в том числе в Украине, Франции, США. Работы художника находятся в музеях и частных коллекциях. Скульптуры и композиции установлены в разных городах Украины и по всему миру.

Именно Иван Булавицкий является автором флага г. Николаева, герба и флага Николаевской области, скульптурной композиции «Скорбный ангел Чернобыля», мозаичных полотен, надгробного памятника священнику Валентину Сехе. В Николаеве его хорошо знают по скульптурам малых форм. В том числе – по эксклюзивным призам, которые вручались лауреатам Всеукраинского теле-радиофестиваля «Калинові острови», поэтического фестиваля «Ватерлиния», общегородской еже-

годной акции «Человек года». Он автор мемориальных досок в память заслуженного художника Украины Анатолия Завгороднего, поэта, почётного гражданина г. Николаева Эмиля Январёва, надгробных памятников многим прославленным николаевцам.

Недавно к Ивану Яковлевичу обратились ветераны-подводники с просьбой о создании памятника морякам-подводникам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Всё это – не случайно. У Ивана Булавицкого хорошо развито чувство мимолётности и вечности. Все свои работы художник выполняет с чистой совестью, добрым сердцем, лёгкой рукой, с профессиональным мастерством и человеческим подходом.

Прежде чем вытесать из каменной глыбы памятник Святому Николаю, Иван Яковлевич проникся симпатией к личности. Николай, епископ Мир Ликийских, был реальным человеком, жившим среди людей, отличавшимся безмерной добротой, состраданием к чужой боли. Он творил чудеса, исцеляя больных и спасая попавших в беду. Вот таким и представил скульптор образ покровителя нашего города.

Иван Булавицкий утверждает, что вся его жизнь состоит из случайностей. Однажды, ещё в детстве, в селе Кринички Одесской области, где он родился и окончил школу, Иван переплыл Дунай, точнее, один из самых широких рукавов Дуная. Произошло всё совершенно случайно. Мальчишки от нечего делать поспорили: кто из них сможет переплыть Дунай. Прыгнули дружно в воду. Друзья один за другим возвращались назад, а Иван упорно плыл вперёд, преодолевая быстрое течение, теряя силы. И только ступив на тот берег, понял, что обратно его никто не заберёт, возвращаться придётся самому.

Он переплыл реку обратно. Кто вёл его по жизни – судьба или случай? Трудно сказать.

В пограничных войсках в Закавказье, где служил, Иван Булавицкий случайно

*Мемориальная доска в память
Анатолия Завгороднего.
Скульптор Иван Булавицкий*

*Иван Булавицкий.
Скульптурная композиция
«Скорбный ангел Чернобыля»*

попал в художники, хотя художественного образования у него тогда не было, а просто он хорошо рисовал и в армии выполнял свою работу безупречно. Службу заканчивал не на советско-иранской границе, а в Тбилиси, куда его вызвало командование для выполнения обязанностей картографа. На службе, опять-таки случайно, попал в художественную студию к хорошим учителям при Тбилисской академии художеств, затем сюда же и поступил учиться, обойдя на порядок своих хорошо подготовленных конкурентов-абитуриентов. В Николаев Иван Булавицкий приехал тоже по чистой случайности, по семейным обстоятельствам. Жена Валентина как молодой специалист была направлена в Николаев по распределению после вуза. Для её мужа, художника, работавшего как раз над дипломной работой в Тбилисской академии художеств, место жительства в тот момент было не так принципиально. Поэтому молодая семья Булавицких с лёгкостью приехала именно сюда.

Это было ещё в 1972 году, когда город был в расцвете сил и думать не думал, что когда-нибудь может быть всё по-другому. Иван Яковлевич с интересом изучал новое место проживания, бродил по городу, удивлялся размаху судостроительной промышленности, гигантским авианосцам и рефрижераторам, сходящим со стапелей. И чем больше художник изучал улицы, дома, людей, историю, тем больше этот город становился для него привлекательным и даже родным. При всей внешней простоте у Николаева было своё лицо и даже очарование. Мысль возникла сама по себе, как наваждение: почему в Николаеве до сих пор нет памятника его покровителю – Николаю Чудотворцу? Но тогда об этом никто не думал, в советское время были другие идеалы, преобладала гордость за причастность к великим делам страны.

Время быстротечно. За обыденной суетой мы иногда не замечаем эпоху. Не замечаем знаков свыше и подсказок. Не знаем, что в нашей жизни случайно, а что закономерно. Только спустя много лет идея художника создать памятник Николаю Чудотворцу начала обсуждаться, была поддержана городскими властями и общественностью, материализовалась. К тому времени, когда город стал «прозревать», у Ивана Булавицкого уже было несколько эскизов, набросков. Памятник решили построить за счёт средств самих горожан. Идею поддержал мэр города Владимир Чайка, многие неравнодушные люди.

Серьёзная работа не терпит суеты. Шаг за шагом, сантиметр за сантиметром из огромной глыбы белого гранита, специально привезённой из каменоломни Янцево, что на Запорожье, вырисовывался

Яков Булавицкий.
«Потёмкинские невесты»

Яков Булавицкий.
«Мобильный Спас»

образ Чудотворца. Полтора года скульптор работал на территории детско-юношеской спортивной школы на Стрелке, в любую погоду, в жару и в дождь, как будто не замечая капризов природы и времени. Упорно долбил камень и молил Бога, чтобы он не дал трещину, чтобы каждый миллиметр 17-тонной глыбы совпал с его гипсовым макетом. И когда памятник был готов, все вдруг увидели, что гранитный Чудотворец и его гипсовый двойник смотрят на завод им. 61 Коммунара – первую судостроительную верфь г. Николаева.

Много было раздумий и споров, где стоять памятнику. Разные были варианты и предложения, общественные обсуждения и дискуссии. Спорным поначалу казалось предложение художника установить статую святого в Каштановом сквере. Но когда памятник торжественно открыли – в День города, при большом стечении народа, – как-то сразу стало ясно, что стоять Святому Николаю предназначено именно здесь: в центре города, в небольшом уютном сквере, где всегдалюдно – днём играют дети, тут их мамы и бабушки, по вечерам на скамеечках собирается молодежь. В прежние годы здесь по выходным играл духовой оркестр и люди разных возрастов приходили сюда потанцевать. Именно здесь, на улице, изначально носившей собирательное имя Соборная, установили памятник Николаю Чудотворцу – покровителю моряков и путешественников, защитнику слабых, другу детей. По замыслу скульптора, в левой руке Святой Николай держит Евангелие, а правой благословляет николаевцев. Этот образ покровителя полюбили в Николаеве и взрослые, и дети, и даже птицы.

Ничего случайного в жизни не бывает. Значит, кому-то было нужно, чтобы этот памятник создал именно Иван Булавицкий. Чтобы он приехал в Николаев, прижился в нём, стал его неотъемлемой частью. Здесь он стал членом Союза художников Украины, работал в системе Художественного фонда, возглавлял художественный совет, много лет был председателем областной организации творческого союза, ныне преподаёт на кафедре дизайна в НУК им. Макарова. Он – учитель, у него есть свои ученики. Но самый любимый ученик – сын Яков, которому можно передать не только навыки, владение техникой, но и отношение к искусству, главным человеческим ценностям.

Яков Булавицкий – тоже уже известный художник. Молодой, ищущий, удивляющий. Интересно, что сын не стал «тенью» отца, а удвоил хорошие традиции семьи Булавицких. Яков родился и вырос в Николаеве, окончил художественную школу, учился в художественном училище имени Грекова в Одессе, Болгарской Академии художеств в Софии. Главным своим учителем и образцом

Яков Булавицкий.
«Святой Георгий Победоносец. Икона»

Яков Булавицкий.
«Святой Николай Чудотворец. Икона»

для подражания считает отца – Ивана Яковлевича. Тоже вполне закономерно. Традиции и духовные ориентиры семьи, отношение к людям, творчеству, работе – всё это главные критерии, на которых вырос молодой художник. Яков Булавицкий ищет свой путь: от современных экспериментов искусства – к классической манере в живописи, к иконописи. Николаевские любители искусства хорошо запомнили выставку «Южная парадигма» с активным участием Якова Булавицкого, его серию работ «Конфетти для героя» (портреты современных кумиров), проекты «Творец своей судьбы» (авторская техника росписи на шёлке), «Гламур» – язвительный вызов дурному вкусу. Есть совершенно другой, более серьёзный, проект, над которым сейчас работает молодой художник: «Потёмкинские свадьбы» (прошлое, настоящее, будущее), толчком к которому послужила старая легенда, пришедшая к нам из прошлого, со времён зарождения города.

Предполагается, что выставка портретов женщин разных времён выйдет за пределы выставочных залов, а будет размещена на Ингульском спуске, на стене завода им. 61 Коммунара – первой николаевской судоверфи. Художнику нравится идея: отдать Ингульский спуск художникам, облагородить, наполнить произведениями искусства, сделать его подобием Андреевского спуска в Киеве. Но для больших проектов требуется серьёзная поддержка. Пока всё это в перспективе.

Ещё в начале 90-х годов прошлого столетия Яков в поисках усовершенствования образования поступил в Академию художеств в Софии. Он часто заходил там в центральный собор им. Александра Невского, увлёкся византийскими фресками. Позже, когда приехал в Николаев, всерьёз занялся иконописью. Иконы и картины на религиозную тематику Яков Булавицкий пишет по всем правилам иконописи. «Святой Николай», «Троица», цикл работ «Большое солнце Скифии» (по легендам и мифам Северного Причерноморья), серия икон, которые участвовали в различных художественных конкурсах, экспонировались в выставочных залах, музеях, галерее, в том числе в семейной галерее «Апрель В». Не случайно именно Яков Булавицкий стал соавтором настенных росписей и иконостаса в церкви села Александровка Вознесенского района, писал иконы для церкви в селе Мешково-Погорелово. Однажды его пригласили для росписи Свято-Никольской церкви в селе Старая Богдановка – бывшем имении семьи Аркасов. После этого появилась целая серия икон «Святой Николай». Так и переплелись взгляды отца и сына на земное и вечное.

Наточа Екатерина Ивановна. Член Национального союза журналистов Украины, работает в николаевской прессе с 1972 года, ныне – корреспондент газеты «Вечерний Николаев». Удостоена звания «Горожанин года» в номинации «Средства массовой информации» (2008).

Евгения КРУЧИНИНА

«ВЗРОСЛАЯ» ЖИВОПИСЬ ДМИТРИЯ МОЛДОВАНОВА

Самобытный художник всегда заново открывает мир. Он видит и даёт увидеть те грани жизни, которые без него остались бы незамеченными, он одаривает нас радостью. Таков николаевский живописец Дмитрий Молдованов.

«Автопортрет с дочерью» (2000)

«Новость» (1998)

Первые шаги в искусство Дмитрий сделал уже в пятом классе школы. В 1982 г. он закончил Детскую художественную школу г. Николаева, а затем через шесть лет выдержал сложный экзамен в Одесское художественное училище им. В. Грекова, пройдя конкурс 12 человек на место. Именно там он познал азы академической школы изобразительного творчества. Но вскоре был отчислен из училища и вернулся к тем занятиям, которые очень любил с детства. Это были упражнения с масляной живописью.

Его первые выставки прошли в составе группы «Паровоз» (Д. Молдованов, О. Колбанов, О. Коллар, позже С. Третьяков) в г. Николаеве в 2001 г. Затем состоялись персональные в Николаеве, Запорожье, Вильнюсе, Одессе, в известных городских галереях и художественных музеях. Сейчас это известный украинский мастер, работающий в стиле неопримитивизма. Его работы находятся в многочисленных частных коллекциях Украины, России, Западной Европы.

Источник вдохновения художника – «обыкновенные реальности» нашего бытия, но это реальности тонко чувствующего человека с чистой детской душой и необыкновенной искренностью. Молдованов умеет легко радоваться жизни, щедро и ненавязчиво делится этой радостью со своим

зрителем. Увидев его произведения однажды, забыть невозможно. Разве можно забыть, к примеру, его многочисленных царственных львов? Особенно белого? («Белый лев», 2010). Ревущего и с тоской смотрящего вверх, в небо, в мечту? Сама мысль сделать льва белым неожиданна и совсем не характерна для сочной декоративной палитры художника. Ну, понятен рыжий хищник, красный, жёлтый... А белый? Совсем не грозный, абсолютно не страшный, с ненавязчивой долей теплоты и совсем не звериных чувств. О белом цвете любимый художник Дмитрия Молдованова грузин Нико Пиросманишвили сказал: «Белым я прощаю...» Работа очень автопортретна.

«Белый лев» (2010)

«Хитрый зверь в зарослях травы» (2009)

Мир его диковинных зверей уникален, необычен, символичен и интеллигентно загадочен. Это и «Хитрый зверь в зарослях травы» (2009) с белыми крыльями и ярко-красными ногтями, словно сама душа бродячего художника прячется в пальмовых зарослях его цветных фантазий. Это и замечательная «Вертолётная корова» (2005) – пятнистое бело-коричневое животное с двумя вертолётными пропеллерами. Это «Человеконогая рыба» (2009) с потрясающими христианскими глазами и золотыми семенящими ножками, уверенно шагающая сквозь розовый куст в далёкое прошлое. А придуманные художником краснолапые дети облака – тучные птенцы, грозно шагающие на дрессировщика («Цыплята облака», 2011)! А замечательный голубь в работе «Привет, огромный голубь!»

«Привет, огромный голубь!» (2002)

«Цыплята облака» (2011)

Как сильно он напоминает знаменитого графически выполненного тушью и пером «Голубя» (1942) Пабло Пикассо. Современный художник, человек существующий в постмодернистическом культурном пространстве, Дмитрий с удовольствием цитирует произведения известных европей-

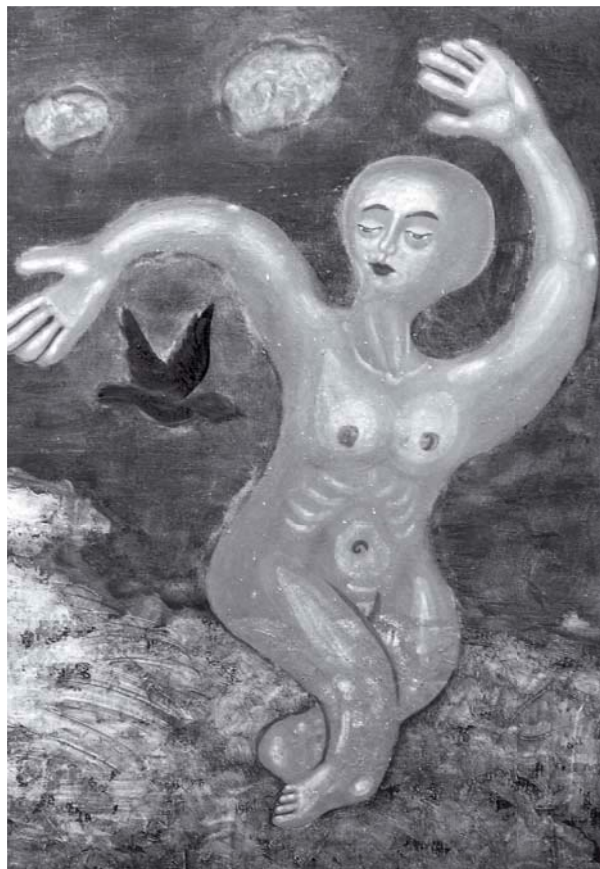
ских художников. Его «Авиньонские девы» (2009) не что иное, как дань уважения кубизму П. Пикассо. Это не французские женщины, а наши, украинские, на фоне простых синих цветочных обоев. А разве может зритель не восхищаться расписным стулом Дмитрия Молдованова? Мотив пустых стульев был актуален для Ван Гога, Поля Гогена, Анри Матисса. «Пустые кресла есть везде, и их будет всё больше. Кресла, которые рано или поздно кто-то оставит...» – говорил Ван Гог.

Праздничный, декоративный, оригинальный стул Дмитрия Молдованова ничего общего не имеет с жёлтым пустым креслом знаменитого Ван Гога. На стул нашего земляка хочется сесть и очень сильно обрадоваться. Его стул – настоящий народный дизайн, украшенный сюжетной живописью. Сиденье стула расписано в типичной, присущей только Молдованову манере примитивной нарядной декоративной живописи. Сиденье украшает влюблённая парочка. На передней спинке общество розовых нагих людей, стоящих в один ряд, с интересом наблюдает, как в кирпичную дымоходную трубу вверх ногами нырнуло чьё-то тело. На спинке стула сзади изображена роскошная обнажённая женская фигура в позе европейской Венеры. Ножки стула полосатые: розовые, голубые, белые, напоминающие крестьянские бабушкины вязаные носки. Всё в целом вызывает восторг, улыбку, ощущение праздника и торжества! Такие стулья пустыми не бывают!

Неиссякаемая любовь к искусству, к жизни, человеку, растению, зверью пронизывает яркое творчество Дмитрия Молдованова. С трепетом и лёгкой иронией исполнен его диптих «Love» (2008) – украинский деревянный складень, увенчанный сверху огромным овалом из необработанного дерева. Это синие врата рая и стилизованное небо над ними. Художник иконографически точно и симметрично слева изображает Еву, а справа Адама. Он видит их людьми зрелыми, но святящимися от счастья. Их яркие розовые тела очень контрастно воспринимаются на синем фоне дверей. Дородные разнополые домашние птицы и стилизованная роза (символ любви) дополняют художественный образ и шутливостью своего появления снижают напряжение самого сюжета – изгнания из рая. Красное сердце вверху овала над птицами – символический красный автограф художника, его откровенный дар любви, его красное сердце, отданное людям, своему зрителю.

Праздничный стул (2010)

*«Очень светлая ночь» (2004)**«Пришёл олень» (2012)*

Зоркий наблюдатель, добрый философ и интересный собеседник, тонко чувствующий художник, он «обыкновенные реальности» переводит на язык живописи с чистой детской душой и необыкновенной искренностью. Человек всегда занимает доминирующее положение в живописном пространстве Дмитрия Молдованова. Так работают дети, у них в рисунке всегда преобладает изображение человека, и человек этот обязательно бескостный, с мягко гнущимися руками и символическим лицом без индивидуальных признаков. Художник умеет облагородить простого бомжа («Бомжик», 2009), стоящего у обугленного чёрного дерева на перекрёстке дорог и с просветлённым лицом изучающего содержание красного мусорного бака, который напоминает копилку никому не нужных вещей. Он видит в художнике-творце обыкновенного любителя пива («Бокал пива», 2008) или пастуха львов («Выпас большого льва», 2009). Он рисует странных танцовщиц в объятиях тигров на фоне джунглей промзоны, ему интересен укротитель медведей («В расцвете сил», 2011), а вот босховский философ с тибетской причёской, читающий в лодке («В шупальцах осьминога», 2009).

Какую бы тему не поднимал в своём творчестве Дмитрий Молдованов, он никогда не огорчает своего зрителя, не выбрасывает в мир серый негатив жизни. Он всегда ликует, фантазирует, приглашает на свой праздник жизни. П. Пикассо принадлежат замечательные слова: «Нужно очень много времени, чтобы, наконец, стать молодым». Быть молодым — значит уметь удивляться и читать новые лица! У Дмитрия Молдованова это получается.

Кручинина Евгения Ивановна. Искусствовед, директор Николаевской детской художественной школы.

ИСААК БАБЕЛЬ – БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

СОЛЬ

Дорогой товарищ редактор. Хочу описать вам за несознательных женщин, которые нам вредные. Надеюсь на вас, что вы, объезжая гражданские фронты, которые брали под заметку, не миновали закоренелую станцию Фастов, находящуюся за тридевять земель, в некотором государстве, я там, конечно, был, самогон-пиво пил, усы обмочило, в рот не заскочило. Про эту вышеизложенную станцию есть много кой чего писать, но как говорится в нашем простом быту, господнего дерьма не перетаскать. Поэтому опишу вам только за то, что мои глаза собственноручно видели.

Была тихая славная ночь семь ден тому назад, когда наш заслуженный поезд Конармии остановился там гружёный бойцами. Все мы горели способствовать общему делу и имели направление на Бердичев. Но только замечаем, что поезд наш никак не отваливает, Гаврилка наш не крутит и бойцы стали сомневаться, переговариваясь между собой: в чём тут остановка? И действительно, остановка для общего дела вышла громадная по случаю того, что мешочники, эти злые враги, среди которых находилась также несметная сила женского полу, нахальным образом поступали с железнодорожной властью. Безбоязненно ухватились они за поручни, эти злые враги, на рысях пробегали по железных крышах, коловоротили, мutilовали и в каждой руке фигурировала небезызвестная соль, доходя до пяти пудов в мешке. Но недолго длилось торжество капитала мешочников. Инициатива бойцов, повылазивших из вагона, дала возможность поруганной власти железнодорожников вздохнуть грудью. Один только женский пол со своими торбами остался в окрестностях. Имея сожаление, бойцы которых женщин посадили по теплушкам, а которых не посадили. Также и в нашем вагоне второго взвода оказались налицо две девицы, а пробивши первый звонок, подходит к нам представительная женщина с дитём, говоря:

– Пустите меня, любезные казачки, всю войну я страдаю по вокзалах с грудным дитём на руках и теперь хочу иметь свидание с мужем, но по причине железной дороги ехать никак невозможно, неужели я у вас, казачки, не заслужила?

– Между прочим, женщина, – говорю я ей, – какое будет согласие у взвода, такая получится ваша судьба.

И обратившись к взводу, я им доказываю, что представительная женщина просится ехать к мужу на место назначения и дитё, действительно, при ней находится и какое будет ваше согласие – пускать её или нет?

– Пускай её! – кричат ребята. – Опосля нас она и мужа не захочет.

– Нет, – говорю я ребятам довольно вежливо, – кланяюсь вам взводно, – только удивляет меня слышать от вас такую жеребятину. Вспомните, взвод, вашу жизнь и как вы сами были дитями при ваших матерях и получится вроде того, что не годится так говорить.

И казаки, проговоривши между собой, какой он, стало-быть, Балмашев, убедительный, начали пускать женщину в вагон и она с благодарностью лезет. И каждый, раскипавшись моей правдой, подсаживает её, говоря наперебой:

– Садитесь, женщина, в куток, ласкайте ваше дитя, как водится с матерями, никто вас в кутке не тронет и приедете вы, нетронутая, к вашему мужу, как это вам желательно и надеемся на вашу совесть, что вы вырастите нам смену, потому что старое старится, а молодняка видать мало. Горя мы видели женщина, и на действительной и на сверхсрочной, голодом нас давило, холодом обожгло. А вы сидите здесь, женщина, без сомнения...

И пробивши третий звонок поезд двинулся. И славная ночка раскинулась шатром. И в том шатре были звёзды – каганцы. И бойцы вспомнили кубанскую ночь и зелёную кубанскую звезду. И думка полетела, как птица. А колёса тарахтят, тарахтят...

По прошествии времён, когда ночь сменилась с своего поста, и красные барабанщики заиграли зорю на своих красных барабанах, тогда подступились ко мне казаки, видя, что я сижу без сна и скучаю до последнего.

– Балмашев, – говорят мне казаки, – отчего ты ужасно скучный и сидишь без сна?

– Низко кланяюсь вам бойцы и прошу маленького прощения, но только разрешьте мне переговорить с этой гражданкой пару слов...

И задрожав всем корпусом, я поднимаюсь со своей лежанки, от которой сон бежал, как волк от своры злодейских псов и подхожу до неё и беру у ней с рук дитё и рву с него пеленки и тряпьё и вижу по за пеленками добрый пудовик соли.

– Вот антиресное дитё, товарищи, которое титек не просит, на пол не мочится и людей со сна не беспокоит...

– Простите, любезные казачки, – встречает женщина в наш разговор очень хладнокровно, – не я обманула, лихо моё обмануло...

– Балмашев простит твоему лиху, – отвечаю я женщине, – Балмашеву оно немногого стоит, Балмашев за что купил за то и продаст. Но оборотись к казакам, женщина, которые тебя возвысили, как трудящуюся мать в Республике. Оборотись на этих девиц, которые плачут в настоящее время, как пострадавшие от нас этой ночью. Оборотись на жён наших на пшеничной Кубани, которые исходят женской силой без мужей, и те, тоже самые одинокие, по злой неволе, насильничают проходящих в их жизни девушек... А тебя не трогали, хотя тебя, неподобную, только и трогать. Оборотись на Рассею, задавленную болью...

А она мне:

– Я соли своей лишилась, я правды не боюсь. Вы за Рассею не думаете, вы жидов Ленина и Троцкого спасаете.

– За жидов сейчас разговора нет, вредная гражданка. Жиды сюда не касаются... Между прочим за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хотя другого звания, за трудящийся класс. Как присужденные каторжане вытягают они нас – Ленин и Троцкий – на вольную дорогу жизни, а вы, гнусная гражданка, есть более контр-революционерка, чем тот белый генерал, который с вострой шашкой грозит нам на своём тысячном коне... Его видать, того генерала, со всех дорог и трудящийся имеет свою думку-мечту его порезать, а вас несчастная гражданка, с вашими антиресными детками, которые хлеба не просят, и до ветра не бегают, вас не видать, как блоху, а вы точите, точите, точите...

И я, действительно, признаю, что выбросил эту гражданку на ходу под откос, но она как очень грубая – посидела, махнула юбками и пошла своей подлой дорожкой. И увидев эту невредимую женщину и, несказанную Рассею вокруг неё, и крестьянские поля без колоса и поруганных девиц и товарищей, которые много ездят на фронт, но мало возвращаются, я захотел прыгнуть с вагона и себе кончить или её кончить. Но казаки имели ко мне сожаление и сказали:

– Ударь её из винта.

И сняв со стенки верного винта, я смысл этот позор с лица трудовой земли и Республики.

И мы, бойцы второго взвода, клянёмся перед вами, дорогой товарищ редактор, и пред вами, дорогие товарищи из редакции, беспощадно поступать со всеми изменниками, которые нас тащут в яму и хотят повернуть речку обратно и выстелить Рассею трупами и мёртвой травой.

За всех бойцов второго взвода – Никита Балмашев, солдат революции.

СКАЗКА ПРО БАБУ

Жила была баба, Ксенией звали. Грудь толстая, плечи круглые, глаза синие. Вот такая баба была. Кабы нам с вами!

Мужа на войне убили. Три года баба без мужа прожила, у богатых господ служила. Господа на день три раза горячее требовали. Дровами не топили никак, – углём. От углей жар невыносимый, в углях огненные розы тлеют.

Три года баба для господ готовила и честная была с мужчинами. А грудь-то пудовую куда денешь? Вот подите же!

На четвёртый год к доктору пошла, говорит:

– В голове у меня тяжко: то огнем полыхает, а то слабну...

А доктор возьми да ответь:

– Нешто у вас на дворе мало парней бегает? Ах ты, баба...

– Не осмелиться мне, – плачет Ксения, – нежная я...

И верно, что нежная. Глаза у Ксении синие с горьковатой слезой.

Старуха Морозиха тут всё дело спроворила.

Старуха Морозиха на всю улицу повитуха и знахарка была. Такие до бабьего чрева безжалостные. Им бы паровать, а там хоть трава не расти.

– Я, – грит, – тебя, Ксения, обеспечу. Суха земля потрескалась. Ей божий дождик надобен. В бабе грибок ходить должен, сырой, вонюченькой.

И привела. Валентин Иванович называется. Неказист, да затейлив – умел песни складать. Тела никакого, волос длинный, прыщи радугой переливаются. А Ксении бугай, что ли, нужен? Песни складает и мужчина – лучше во всём мире не найти. Напекла баба блинов со сто, пирог с изюмом. На кровати у Ксении три перины положены, а подушек шесть, все пуховые, – катать, Валя!

Приспел вечер, сбилась компания в комнатёнке за кухней, все по стопке выпили. Морозиха шелковый платочек надела, вот ведь какая почтенная. А Валентин бесподобные речи ведёт:

– Ах, дружок мой Ксения, заброшенный я на этом свете человек, замордованный я юноша. Не думайте обо мне как-нибудь легкомысленно. Придёт ночь со звёздами и с чёрными веерами – разве выразишь душу в стихе? Ах, много во мне этой застенчивости...

Слово по слово. Выпили, конечно, водки две бутылки полных, а вина и все три. Много не говорить, а пять рублей на угощение пошло, – не шутка!

Валентин мой румянец получил прямо коричневый и стихи сказывает таково зычно.

Морозиха от стола тогда отодвинулась.

– Я, – говорит, – Ксеньюшка, отнесусь, господь со мной, – промеж вас любовь будет. Как, – говорит, – вы на лежанку ляжете, ты с него сапоги сними. Мужчины, – на них не настаиваешься...

А хмель-то играет. Валентин себя как за волосы цапнет, крутит их.

– У меня, – говорит, – виденья. Я как выпью – у меня виденья. Вот вижу я – ты, Ксения, мёртвая, лицо у тебя омерзительное. А я поп – за твоим гробом хожу и кадилом помахиваю.

И тут он, конечно, голос поднял.

Ну, не больше чем женщина, она-то. Само собой она уже и кофточку невзначай расстегнула.

– Не кричите, Валентин Иванович, – шепчет баба, – не кричите, хозяйева услышат...

Ну, рази остановишь, когда ему горько сделалось?

– Ты меня вполне обидела, – плачет Валентин и качается, – ах, люди-змеи, чего захотели, душу купить захотели... Я, – грит, – хоть и незаконнорожденный, да дворянский сын... видала, кухарка?

– Я вам ласку окажу, Валентин Иванович...

– Пусти.

Встал и дверь распахнул.

– Пусти. В мир пойду.

Ну, куда ему итти, когда он, голубь, пьяненькой. Упал на постелю, обрыгал, извините, простынки и заснул, раб божий.

А Морозиха уж тут.

– Толку не будет, – говорит, – вынесем.

Вынесли бабы Валентина на улицу и положили его в подворотне. Воротились, а хозяйка ждёт уже в чепце и в богатейших кальсонах; кухарке своей замечание сделала.

– Ты по ночам мужчин принимаешь и безобразишь тоже самое. Завтра утром получи вид и прочь из моего честного дома. У меня, – говорит, – дочь-девица в семье...

До синего рассвету плакала баба в сенцах, скулила:

– Бабушка Морозиха, ах, бабушка Морозиха, что ты со мной, с молодой бабой, исделала? Себя мне стыдно, и как я глаза на божий свет подыму, и что я в ём, в божьем свете, увижу?..

Плачет баба, жалуется, среди изюмных пирогов сидючи, среди снежных пуховиков, божьих лампад и виноградного вина. И тёплые плечи её колышутся.

– Промашка, – отвечает ей Морозиха, – тут попроще бы надобен, нам Митюху бы взять...

А утро завело уж своё хозяйство. Молочницы по домам уже ходят. Голубое утро с изморозцем.

Евгений МИРОШНИЧЕНКО

ИСААК БАБЕЛЬ: «КОНАРМИЯ» МНЕ НЕ ПРАВИТСЯ

*Рассказчик всю жизнь пишет
один большой роман. И оценивают его потом,
когда роман дописан и автор умер.*

В. Шукшин

Можно с уверенностью сказать, что внимание к личности и наследию автора «Конармии» и «Одесских рассказов» у ценителей художественного слова было всегда, даже в последние десятилетия, когда начал сказываться издательский кризис в Украине и упадок интереса к традиционной книге и чтению. Полагаю, что это не могло произойти на родине писателя, потому что южане – одесситы, николаевцы – всегда считали Бабеля своим по биографическому родству: он родился на Молдаванке в Одессе, но десять юных лет провёл в Николаеве, учился в младших классах местного коммерческого училища им. С.Ю. Витте, о чём говорят документы государственного областного архива. У нас есть и более убедительные свидетельства родства – два замечательных автобиографических рассказа Бабеля, созданных по самым ярким впечатлениям детства, событий 1905 года – еврейского погрома в Николаеве и первой влюблённости, два воспоминания, ставшие незабываемым художественным повествованием. Я, конечно, веду речь о новеллах «История моей голубятни» и «Первая любовь». Ими Исаак Эммануилович очень гордился и мечтал поставить на первое место в заветной книге о своём детстве.

Любопытно, что уже ранние его произведения отличались авторской отстранённостью, мы не можем поставить знак тождества между персонажами его новелл и самим Бабелем. Он не пересказывал события, хотя часто был их участником, а преображал конкретно-реалистическое в метафорическое, мифологическое, оставляя за собой шлейф таинственного, художественно-сакрального. Энергия обожжённых солнцем степей и черноморской волны наполняла его «южнорусские» рассказы романным смыслом и духовной подлинностью.

*Мемориальная доска на здании, в котором ранее находилось
Николаевское коммерческое училище имени С.Ю. Витте*

В благодарность за содействие имиджу города на Южном Буге николаевцы по решению городского совета первыми в 2001 году увековечили своего земляка в скульптурном портрете, который украшает то самое здание, где Бабель познавал азы коммерции. Одесситы смогли сделать подобное лишь спустя одиннадцать лет.

«Перед ним молва бежала, быть и небыль разглашала». Молва сопровождала Бабеля и при жизни, и после его смерти. Полемика с самим командармом Будённым, дружба с эмиссарами Сталина – чекистами, насильственная смерть рождали мифы, они до сих пор окружают имя автора «Конармии». Свою правду о великом деде прошлым летом рассказал его внук – Андрей Малаев-Бабель, американский режиссёр и актёр, который не застал деда при жизни, но хорошо запомнил воспоминания о нём бабушки – Антонины Пирожковой, жены Исаака Эммануиловича. На встрече с журналистами в Одессе Андрей много говорил о правде и вымысле в современных биографиях писателя, о справке из НКВД 1954 года, которую выдали вдове Антонине Николаевне. Там указана неверная дата смерти писателя – март 41-го года, её до сих пор повторяют некоторые издатели. Исаака Бабеля расстреляли 28 января 1940 года, останки деда, полагает Андрей, были сожжены в крематории на месте нынешнего Донского кладбища в Москве. А ещё внук писателя выразил уверенность, что «где-то в закромах Кремля и сегодня хранятся изъятые при аресте рассказы Бабеля». «Это была бы находка века», – добавлял он.

Трудно представить, что такое может случиться, хотя в истории русской литературы есть примеры находок, казалось бы, навсегда утраченных сочинений. Вспомним сенсацию 90-х годов, когда обнаружилась часть рукописи романа Михаила Шолохова, позволившая скептикам окончательно утвердиться в подлинности авторства «Тихого Дона». Вместе с архивным поиском сегодня важна и параллельная работа с доступными источниками, которые и без упования на счастливый случай могут открыть глаза на жизнь писателя и судьбу его творческого наследия. До сих пор недостаточно изучены региональные материалы, журнальные публикации 20-30-х годов. Они могли бы помочь пробиться сквозь мифы и создать достойный очерк жизни и смерти Бабеля. Мы почему-то без всякого недоверия читаем его рассказы, забывая, что перед нами авторские страницы, пропущенные через фильтры советской цензуры и редакторских запретов. Он одержимо работал, чтобы слово осталось правдивым свидетельством времени. Его эпоха ушла в прошлое, но вместе с новыми изданиями бабелевских произведений к нам по-прежнему приходят искажённые цензурой тексты. Что-то не приходилось читать, слышать доклады о работе по очищению авгиевых конюшен наследия автора уникальной прозы. Видно, не наступила ещё пора героев, легендарного Геракла, который совершил такой подвиг за один день. Но ворота свободны, очищающий поток правды должен заново открыть подлинную ценность бабелевского творчества. Причём этот санитарный труд по плечу не только историкам литературы, но и всем подлинным почитателям таланта писателя.

Легко догадаться, что у этих размышлений есть своя рефлексия и вызвана она самым обыденным занятием – чтением прижизненных публикаций И. Бабеля. О его необыкновенной и заслуженной популярности написано много. Новые произведения Бабеля стремились заполучить редакции газет любимой им Одессы, в столице ему готовы были выплатить гонорар и за страницу обещанного рассказа.

Новеллы И. Бабеля печатал и журнал «Бурав». Это было русско-украинское ежемесячное издание, которое выходило в течение двух лет (1924–1925) в качестве литературного приложения к газете «Красный Николаев». Во главе журнала стоял известный журналист, поэт Яков Городской, участник I-го Всеукраинского съезда пролетарских писателей (1927) и делегат первого Всесоюзного съезда советских писателей (1934), один из бывших редакторов ныне здравствующего киевского русскоязычного журнала «Радуга». Следует заметить, что «Бурав» не замыкался в кругу местных общественных проблем, а стремился выйти за рамки провинциальной жизни. Об этом свидетельствует круг его авторов. С журналом охотно сотрудничали Владимир Сосюра, Василь Чечвянский, Павел Усенко, Иван Микитенко, Степан Крыжановский. На его страницах публиковались стихи и проза Эдуарда Багрицкого и Валентина Катаева, Михаила Светлова, Семёна Кирсанова, Василия Казина, Фёдора Гладкова, Мариэтты Шагинян. В своих воспоминаниях Я. Гордской приоткрывает

завесу над временем, пишет о николаевских встречах с Э. Багрицким, поездке на писательский съезд в Москву.

«Соль» и «Сказка про бабу» были напечатаны в августовском выпуске «Бурава» за 1924 год. В этом же номере можно прочесть статью Я. Городского «Певец «Конармии», ставшую своеобразным комментарием к публикации рассказов. Приветствуя «маленького Гоголя», как называл Бабеля московский журнал «Печать и революция», Городской отмечал «потрясающую» силу воздействия бабелевской прозы, смелость в изображении картин гражданской войны – «без пустой агитационности, без провалов в рассужденчество, без выкрутас словесного порядка». Достоинство рассказов «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», которые вошли в книгу «Конармия», публицист видел в том, что Бабель силой творчества «очеловечил зверство» и тем самым оправдал Балмашева, расстрелявшего «спекулирующую соль» женщину, оправдал злобу и кровь революции. «Бабель знает, что великая борьба не может быть проделана руками в перчатках, – писал Городской. – Есть кровь. Есть злоба. И вот их-то надо оправдать». Однако, как мы это сегодня хорошо знаем, Бабель не был сторонником исторического оправдания насилия, не был он и восторженным певцом революции. Его внимание к образам «солдат революции», стихии народной жизни обусловлены тревогой за судьбу революции. Всякая жестокость, вспоминал К. Паустовский, вызывала у автора «Конармии» молчаливую грусть и оборачивалась творческой апатией. Он не мог не видеть того, что злоба, небрежение к личности пронизали общество, стали системой, рождавшей в людях усталость и безразличие. «У нас перестали плакать на похоронах», – с горечью отмечал он. В его конармейском дневнике 1920 года можно встретить и более экспрессивные сентенции: «Будь проклята солдатчина, война. Сколько молодых, замученных, одичавших, ещё здоровых людей...»

Публикация рассказа «Соль» в провинциальном издании обнаруживает весьма существенные разночтения с теми редакциями произведения, которые увидели свет уже в начале 30-х годов. Шла острая идеологическая полемика, политическая оппозиция Сталина боролась за власть в Кремле, пламенный оратор революции, создатель Красной армии Л.Д. Троцкий уже был выслан из СССР (1929). В фокус авторского зрения писателя не могли не попасть исторические фигуры первых десятилетий XX века. Публицисту из «Бурава» был хорошо понятен пафос рассказа «Соль», гнев его героя, красноармейца Никиты Балмашева, выстрелившего в женщину. Он был обманут в лучших революционных чувствах. Выдав куль соли за дитя, мешочница ко всему ещё позволила оскорбить словом вождей революции.

2.

БУРАВА

М

СОЛЬ

1 [(Н. Бабель)^(*)].

Дорогой товарищ редактор. Хочу опечатать вам за несостоятельных женщин, которые нам вредные. Надеюсь на вас, что вы, обложая гражданские фронты, которые брали под заметку, не миновали закоренелую станцию Фастов, находящуюся за тридевять земель, в некотором государстве, я там, конечно, был, самого-пиво пил, усы обмочило, в рот не заскочило. Про эту вышеназложенную станцию есть много кой чего писать, но, как говорится в нашем простом быту, господного дерьма не перетаскать. По этому опишу вам только за то, что мои глаза собственноручно видели.

Была тихая славная ночька семь дню тому назад, когда наш заслуженный поезд Конармии остановился там груженный бойцами. Все мы горели сподобствовать общему делу и имели направление на Бердичев. Но только замечаем, что поезд наш никак не останавливает, Гаврилка наш не крутит и бойцы стали сомневаться, переговариваясь между собой: «В чем тут остановка? И действительно, остановка для общего дела вышла громадная по случаю того, что мешечники, эти злые враги, среди которых находилась также несметная сила женского полу, нахальным образом поступали с железнодорожной властью. Безобразию ухватились они за поручни, эти злые враги, на рысках пробегали по железным крышам, коловоротили, мучили, и в каждой руке фигурировала небезызвестная соль, доходя до пяти пудов в мешке. Но не долго длилось торжество капитала мешечников. Инициатива бойцов, повылазивших из вагонов, дала возможность поруганной власти железнодорожников вдохнуть грудь.

^(*) См. в журнале статью «Певец Конармии».

Один только женский пол со ея торбами остался в окрестностях. Сожаление, бойцы которых женщины сидят по теплушкам, а которых я сажала. Также и в нашем вагоне рого зввода оказались на лицо двинцы, а пробивши первый звонок, ходит к нам представительная жен с дитем, говоря:

— Пустите меня, любезные каз всю войну страдаю по вокзалах с ным дитем на руках и теперь хочу свидание с мужем, но по причине лезной дороги ехать никак невозможна. Неужели я у вас, казачки, не заслуживаю?

— Между прочим, женщина, г я ей, какое будет согласие зввода, получите ваша судьба.

И обратившись к звводу, я им зываю, что представительная же просится ехать к мужу на место чения и дите, действительно, пр находится и какое будет ваше согласи пускать ее или нет.

– Я соли своей лишилась, – говорила женщина, – я правды не боюсь. Вы за Рассею не думаете, вы жидов Ленина и Троцкого спасаете...

– За жидов сейчас разговора нет, вредная гражданка. Жиды сюда не касаются... Между прочим за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хотя другого звания, за трудящий класс. Как присужденные каторжане вытягивают они нас – Ленин и Троцкий – на вольную дорожку жизни...

В 30-е годы этот развёрнутый сюжетный диалог подвергся основательной правке, фамилии вождей из него исчезли, художественная цельность произведения была нарушена.

Редактирование прозы Бабеля шло по соображениям политкорректности, идеологической заданности. Цензоры требовали компромиссов в угоду новой социальной педагогике. Бабелевский текст, вобравший в себя городские и этно-национальные признаки юга, вычищался схоластической издательской метлой. Монолог бойца Балмашева, с его митинговой лексикой, без характерных казачьих украинизмов и оборотов речи утрачивал черты стилистического своеобразия.

В работах исследователей можно встретить множество размышлений по поводу творческого кризиса писателя. Об этом говорил на встрече в Одессе и его внук. Великое молчание дало о себе знать уже к 1927 году. Бабель жаловался на трудности в освоении «философии» бурного движения жизни, объяснял отсутствие новых произведений особой ответственностью перед читателем. Прежним он уже быть не мог. Говорил так: «...Перестал писать потому, что всё то, что было мной написано раньше, мне разонравилось. Я не могу больше писать так, как раньше, ни одной строчки. И мне жаль, что С.М. Буденный не догадался обратиться ко мне в своё время за союзом против «Конармии», ибо «Конармия» мне не нравится».

«Сказка про бабу», вошедшая в сборник «Конармия», впервые увидела свет в одесском журнале «Силуэты» в 1923-м, в следующем году состоялась её повторная публикация в «Красной нови» и журнале В. Маяковского «Леф». Одновременно её прочитали в Николаеве. В последующие десятилетия издатели наложили на «Сказку» табу. Пугала эротика. Нормативное искусство не допускало изображения плотских чувств и страстей, добродетельно-ханжески оберегая нравственность читателя. Язычник и эллин, Бабель с его жадным любопытством к тайнам бытия, простому человеку, одухотворённой природе очень близок к бунинскому видению мира. Изящная новелла мастера высвечивает заветные уголки вечной темы – мужчина и женщина. За ней стоял ироничный, мудрый и обречённый художник.

Мирошниченко Евгений Гордеевич. Литературный критик, историк литературы, журналист. Родился 23 февраля 1939 г. в Витебске, Белоруссия. Окончил Одесский госуниверситет (1970) и аспирантуру МГУ (1980). Доцент Николаевского межрегионального института Киевского университета «Украина». Кандидат филологических наук, член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения; автор историко-литературных и культурологических очерков, рецензий, интервью, опубликованных в газетной и журнальной периодике, книг «Я зачем-то съездил в Николаев...», «Чайка над лиманом», «Время и бремя культуры», «Город и миф», «Живущие на перекрестке», «Литературный Николаев». Дипломант Международной литературной премии им. Великого князя Юрия Долгорукого (2005).

«ТАКОЕ БЫЛО ЭТО ВРЕМЯ. ТАКИМИ БЫЛИ МЫ ТОГДА»

Борис Аров. Чуткие струны Марка Лисянского. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2011. – 304 с.

Книга «Чуткие струны Марка Лисянского», приуроченная к столетнему юбилею поэта, без сомнения, сугубо авторская. Всё меньше и меньше остаётся живых свидетелей эпохи, которых Марк Самойлович одарил некогда теплом общения, теплом заботы и заинтересованности. Книга эта собрана верным другом Лисянского и, что главное, ровесником.

Борис Лазаревич Аров... Патриарх николаевской журналистики. Его имя само по себе – наша общая летопись и легенда. В 2012 году он пишет и пишет бодрой рукой: «Наше первое знакомство с Лисянским произошло ещё в конце 30-х годов в редакции николаевской областной газеты. Происходило очередное собрание литературного объединения при редакции. Первое выступление поэта, выходца из рабочих – корабелов, но уже выпускника Московского института журналистики. Он очень волновался... что скажут давние друзья?.. Позже он напишет: «Признал бы меня Николаев, признает меня и Москва...»

Совсем недавно любое упоминание о Марке Лисянском можно было начать безошибочными словами о том, что все николаевцы знают и ценят выдающегося поэта-земляка. Коммуниста, фронтовика, орденоносца, лауреата. Почётного гражданина города Николаева. Автора стихотворного текста гимна Москвы. И в этом не было бы преувеличения. В то недалёкое время наши граждане ещё читали книги, а поэты «были больше, чем поэты».

Спустя двадцать лет (и каких лет!) после кончины М.С. Лисянского выросло и сформировалось новое поколение, называйте его как хотите, – «постсоветское», «рыночное», «компьютерное», для которого творчество поэта, да и само имя его – нечто из области «совдеповской» архаики.

Я не брюзга, ни в чём не обвиняю новую генерацию. Не умаляю и Лисянского. Да, сейчас можно отмахнуться от его, между прочим, вполне искренней Ленинианы, от обязательных поездок на «поклоны Ильичу» в Ульяновск или Шушенское, о которых Марк Самойлович всякий раз упоминал в письмах к друзьям. Действительно, он был советским поэтом, только «советским», прожил большую жизнь, прожил эпоху. «Прекрасную» эпоху. Как считал он, как считали миллионы. Как продолжают считать. Пережил ли он её?

Недюжинный срок прошёл с той поры – семьдесят пять лет. А дружба продолжается... Дань дружбе – и есть новая книга. Скромная, тактичная, сдержанно ностальгическая. Лишённая мудрствования, а, значит, мудрая, цена которой – поступок. Поступок преодоления возраста, преодоления забвения.

Жанр издания можно определить как своеобразное повествование «ad memoriam» – «к памяти». Под одной обложкой автор собрал стихи и прозу Лисянского: литературные портреты и художественные рассказы, фронтовую лирику и песенную историографию, вплоть до анекдотов и житейских острот. А также воспоминания николаевских поэтов, фотогалерею. В разнообразии материала, его нарочитой калейдоскопичности – строгий отбор. Здесь нет ничего лишнего, но одновременно не упущена ни одна творческая ипостась.

В интерпретации Б.Л. Арова Марк Лисянский не только блестящий версификатор, но и задушевный рассказчик. Рассказчик пронзительной силы. Мне кажется, составитель умышленно «разбавлял» прозаические эссе о «культовых» личностях эпохи – Твардовском, Мартиросе Сарьяне, Михаиле Светлове – рассказами о людях мало кому известных, но с судьбами – настоящими сгустками трагедии эпохального масштаба.

Это и мастер на все руки Мотыка Бердичевский по прозвищу «простое дело», добровольно оставшийся в оккупированном Николаеве и в первый день оккупации вступивший с нацистами в рукопашную. Это и замечательный поэт-труженик Рувим Моран, автор единственной поэтической книги, которая стала посмертной. Это хрупкая и негибкая Фаня Житникова, одноклассница и первое увлечение Марка Лисянского.

«Пять недель ехала Фаня Житникова с тремя детьми от Николаева к Сталинграду в товарном поезде на открытой платформе, гружённой железными листами. Ей двадцать шесть лет, муж – на фронте, в Николаеве – немцы. У неё на руках дочка Стелла, родившаяся месяц назад, рядом два сына: Грише – один год девять месяцев, Володе – четыре года. Поезд то внезапно останавливался и стоял часами, то так же внезапно продолжал путь. Ночью под Ростовом на маленькой станции она решила раздобыть воды для ребят. Вернулась – а поезда нет. Так Фаня начала сидеть. Всю ночь она на другом товарняке догоняла свой безымянный поезд, на платформе которого остались её дети. А товарные составы так похожи один на другой! Паровоз, вагоны, цистерны, две-три открытые платформы... Она бежит от платформы к платформе: нет её детей. Это был не её поезд».

Утром в сорока километрах от Сталинграда она догнала тот самый поезд и только тогда заплакала. На платформе на железных листах она увидела своих детей. Стелла, завернутая в одеяло, затянутое солдатским ремнём, спала, а Гриша и Володя сидели, прижавшись друг к другу... Фаня стала санитаркой в госпитале. Она металась между госпиталем и своими детьми. Потом поселилась в деревне. Работала в колхозе на сеялке и на веялке, пахала на быках. Приходила, не чувствуя ни рук, ни ног, со стоном разгибала поясницу. Здесь её ждали дети. Ей часто снилась та жуткая ночь, когда она потеряла своих детей. Но эта ночь оказалась не самой страшной в её жизни.

Война приблизилась к Сталинграду. И снова Фаня Житникова с детьми – в переполненной людьми теплушке, продуваемой со всех сторон декабрьским ветром. Гриша умер на её руках. На станции Кинели, под Куйбышевом, у неё забрали из окаменевших рук ребёнка и взамен выдали справку о том, что он умер от кори...

В этом безыскусном, лишённом стилизованных красот эпизоде – эпос эпохи. Весь её ужас. Вся её правда. А также мастерство Лисянского-прозаика, которое, по моему мнению, дороже ряда рифмованных надуманных рефлексий о том, например, как безработный в Западном Берлине протестно и солидарно кричит советской делегации: «Да здравствуют Ленин и Тельман!..»

Труд Бориса Арова ни в коем случае не литературоведческий. Это живая книга о человеке, который как бы отлучился на минутку. Автор использовал доступные только ему источники. Личную переписку, личные записи и книги. Уверен, для «академического» прочтения Лисянского придёт время. А документального материала накапливается всё больше. Становится доступной бытовая переписка поэта. Например, с ещё одним верным николаевским другом поэтом Эмилем Январёвым. Из этой переписки можно узнать «багато цікавого». О критическом отношении Лисянского к нравам, царившим в аппарате Союза писателей СССР, в том числе антисемитским. О многолетних цензурно-«плановых» мытарствах любой книги, издаваемой в то время... Да, по письмам Лисянского можно изучать историю «социалистического реализма» 1960-90 годов! Впрочем, всё это совсем для другого разговора.

Увы, читатели плохо знают Лисянского «позднейшего». Всегда «выездной», имевший самую широкую аудиторию по всей стране, поэт, на стихи которого звучали песни во всех эфирах, с миллионными тиражами грампластинок фирмы «Мелодия». За несколько лет до кончины он писал... о своей гражданской немоте. Покаянные строфы, посвящённые расправе над Борисом Пастернаком, обнаружены мною в черновиках Марка Самойловича. Не знаю, опубликованы ли... Наверное, нет.

*И я молчал, когда расправу
Над ним, над совестью земной,
Презрев заслуженную славу,
Вершили, словно надо мной.*

*Молчали окна, двери, стены,
Молчал ошеломлённый зал,
Когда у края судной сцены,
Как перед бездной, он стоял.*

*Он возвышался над судьбою
Поверх барьеров и молвы,
Над всеми нами, над собою,
Сияньем белой головы.*

*В немой кладбищенской печали,
Как будто у своих начал,
Деревья горестно молчали.
Земля и небо. Бог молчал.*

*Легло на плечи наши бремя,
Его не сбросили года.
Такое было это время.
Такими были мы тогда.*

Усложнять «неканонические» черты в портрете друга, конечно же, не входило в задачи Бориса Арова. А если и входило, то сделал он это очень деликатно, «акварельно», я бы сказал. Автор хотел оставить нам «чистого» Лисянского. Неподсудного. Ни времени, ни себе... А, значит, как мнится ровесникам и современникам, вечного.

Сергей Пискурёв

Владимир ГЛАДЫШЕВ

«ЗДЕСЬ Я ДНИ КОРОТАЛ, В АДМИРАЛЫ ИГРАЛ...»

В начале января будущего года в столице России обязательно будут отмечать столетие со дня рождения известного советского поэта, автора стихотворения, ставшего основой гимна Москвы, – Марка Самойловича Лисянского. 5 июля 1995 года было принято решение, что именно песня Исаака Дунаевского на стихи Марка Лисянского, созданная в грозном и трагическом 1942 году, будет гимном российской столицы.

К сожалению, автор слов, проживший долгую жизнь и скончавшийся 30 августа 1993 года, об этом – официальном – признании песни так и не узнал. Хотя при жизни Марка Самойловича многие говорили ему, что как ни крути, слова самой лучшей песни о Москве были написаны им. Сыном одесского и – впоследствии – николаевского портового грузчика, о котором ставший известным поэтом сын скажет такие слова:

*Мой отец – простой портовый грузчик,
Двадцать девять лет таскал мешки.
Шириною плеч его могучих
Любовались даже рыбаки.*

Однако так уж получилось, что Марк Лисянский, родившийся в Одессе, своим родным городом считал не её, шумную, прославленную и многократно воспетую «жемчужину у моря», а гораздо более скромный и менее известный, бывший в СССР «закрытым городом», Николаев. Кстати говоря,

при обращении к судьбе Марка Лисянского нельзя не вспомнить и об удивительном факте, который можно, перефразируя известное выражение, называть «ролью истории в жизни личности».

На самом-то деле Марк Самойлович Лисянский родился 31 декабря 1912 года! Соответственно, и столетие со дня его рождения следовало бы отмечать в последний день нынешнего года. Если бы не История: после событий 1917 года в России стало «два времени». «Новое» и старое». Для людей, родившихся в конце декабря, этот исторический факт стал головной болью, потому как им ещё и год рождения пришлось переиначивать.

Например, Анна Андреевна Ахматова, которую тоже можно считать одесситкой по рождению («Я родилась под Одессой...»), в знаменитой автобиографии «Коротко о себе» (1965 г.) указала даты своего рождения по старому и по новому стилям. Но ведь это была Ахматова, которая в середине шестидесятых годов прошлого века олицетворяла поэзию «серебряного века»! А вот молодые люди, выросшие в живущей «по новому

стилю» стране, на такие вещи до поры до времени не обращали внимания. Поэтому и отмечается юбилей поэта в начале наступающего года, а не в конце года уходящего.

...С Марком Лисянским лично у меня связаны воспоминания, возвращающие в далёкое-далёкое время обучения в школе, в пионерское детство. Наша 13-я школа хоть и находится до сих пор в самом центре Николаева, на проспекте Ленина и в двух кварталах от Советской, центральной улицы города, не могла похвастаться в начале 70-х годов репутацией благополучного учебного заведения. «Кто мы были? Шпана – не шпана». Говоря о нашем детстве, уместно вспомнить эти слова Юрия Визбора. Только вот о многих наших «художествах» можно только вспоминать, но рискованно рассказывать... Во всяком случае, во дворе нашей школы был тир, в котором стреляли из «мелкашек», и не только стреляли. Интересующимся советую почитать «Роман о девочках» Владимира Высоцкого, тогда многое станет понятно.

Однако каким-то удивительным образом несколько человек из моего класса оказались во Дворце пионеров, который располагался тогда на углу Большой Морской и Фалеевской улиц. Здание, конечно, осталось. Теперь в нём – при наличии отсутствия пионеров – тоже находится учреждение культуры, к которому, кажется, имеют отношение школьники. К слову, николаевцы должны помнить этих самых «пэтэушников» (прошу прощения, если кто-то ощутил себя оскорблённым), которых раньше в «корабельной столице Украины» было огромное количество...

Теперь уже и не вспомню, как же назывался тот кружок, в который мы с одноклассниками «ходили». Возможно, это было что-то вроде театра художественного чтения... Вспоминается, как мы несколько месяцев готовили какую-то стихотворную композицию, посвящённую выдающемуся – так нам казалось тогда – событию – пятидесятилетию со дня основания Дворца пионеров в Николаеве. Стало быть, это происходило в 1973 году, без малого 40 лет назад. По случаю славного юбилея Дворца пионеров готовился большой концерт. «Гвоздём» его программы было то, что на этом концерте должен был присутствовать знаменитый советский поэт Марк Лисянский. Он специально ради этого события должен был приехать из столицы СССР Москвы!

Разумеется, мы готовили выразительное чтение стихотворений московского гостя, некую стихотворную композицию, составленную руководителем нашего кружка и утверждённую в отделе обкома партии. Стихотворения были всё больше такие... идеологически выдержанные, что ли? Правильные были стихотворения. Кроме участия кружковцев в композиции, несколько человек под барабанный бой должны были торжественно пройти через весь зал, подняться на сцену и закрепить на груди нашего московского гостя алую ленту с какой-то (текст забыл...) торжественной надписью. Для выполнения этой миссии были отобраны две девочки и столько же мальчиков, и я оказался в числе этих «счастливицев». Понимая ответственность миссии, мы репетировали «возложение ленты» долго и тщательно. На ком только не оказывалась пресловутая «лента» в процессе репетиций... Само же торжество запомнилось двумя вещами.

Первое: как показалось тогда, Марк Лисянский был маленького роста. Ожидали увидеть... такого себе великого поэта агромадного роста, а укутали в ленту невысокого, подвижного и полноватого старика. Лисянскому тогда было 60 лет, для мальчишек – древность древняя!

И второе: весь зал скандировал: «Дворец пионеров – тебе пятьдесят!», причём сам Лисянский делал это с большим удовольствием, глаза у него горели, когда он повторял эти незамысловатые слова. Здесь же надо честно признаться, что в то время, когда я торжественно носил по сцене ярко-красную ленту, поэт был для меня... чем-то далёким и малопонятным. И «открытие» его началось уже позже, в старших классах школы и в институте. Подкупил он очень личной, как бы на меня самого «настроенной» поэтической интонацией, трепетным – а такое сразу чувствуется! – отношением к моему Николаеву. Хотя, что греха таить, в стихотворениях Лисянского о нашем городе немало и достаточно «проходных» строк, но не они «делают погоду».

По-моему, сказать «Дышу я тобой, Николаев...» мог только человек, который по-настоящему любит ставший ему родным город «на стыке моря и лимана». И когда Лисянский говорил о Николаеве «незаменимый город», речь, конечно же, шла о том, что в душе каждого человека есть нечто сокровенное, связанное с «малой родиной» и всем тем, что она дала тебе в этой жизни. Вот почему,

добившись немалого признания читателей огромной страны и уважения в писательской среде, давно уже ставший москвичом Марк Лисянский обращается к городу, без которого, по его убеждению, он не сумел бы состояться как личность:

*Ты мне был родным порогом,
Первым городом любви.
И по всем морским дорогам
Корабли идут мои.*

«Родной порог» – очень ёмкий и многозначительный художественный образ, за которым стоят мудрость прожитой жизни и умение быть благодарным ей. Ведь именно жизнь, именно приобретения и потери на жизненном пути научили лирического героя стихотворения по-настоящему ценить «родной порог». И быть благодарным этому «порогу» за все – осознанные и неосознанные – жизненные уроки. «Город над Ингулом и над Бугом, окружённый с трёх сторон водой» стал для Марка Лисянского родной гаванью. Скорее даже гаванью-стапелем, местом, где он всегда чувствовал себя своим. И он был бесконечно благодарен этой гавани за тот «запас прочности», который получил в Николаеве:

*Вовеки не забудется,
Что с этих стапелей
Сошёл – и не заблудится
Корабль судьбы моей.*

После знакомства со стихами Лисянского складывается впечатление, что любимая улица его в Николаеве – это Адмиральская: она и упоминается часто, и ей же посвящено стихотворение, повторяющее название улицы. Лирический герой признаётся: «Здесь я дни коротал, В адмиралы играл...», и мы, читатели, понимаем, что это сокровенные воспоминания самого поэта. Кроме того, Дворец пионеров, который в самом начале своего существования носил название Центральный детский клуб, в 20-е годы также располагался на Адмиральской. С этим клубом-дворцом связано, можно и так сказать, начало литературно-творческой деятельности Марка Лисянского. Сейчас на стареньком, с обновлённым фасадом здании размещены барельеф поэта и мемориальная доска, рассказывающая о том, что здесь он начинал свой творческий путь.

Из множества запомнившихся стихотворений и фрагментов стихотворений поэта особое значение для меня имеют четыре строки, процитирую их по памяти:

*Ненавижу спесивых
И ханжей не терплю.
Не люблю горделивых,
А гордых – люблю.*

В молодости меня – без преувеличения – поразило тончайшее чувство слова, понимание глубокого отличия гордости от горделивости. Слова-то однокоренные, очень похожие, но вот значение абсолютно разное! Что-то такое в отношениях между людьми ощущалось, но самому понять было не дано. Не хватало, видимо, жизненного опыта, ума. Ещё чего-то... И тут встречаешь строчки, которые, что называется, «падают в десятку», объясняют тебе самого себя! Согласитесь, такое дорогого стоит, после этого к словам поэта прислушиваешься с намного большим вниманием. Могу также сказать, что крупницы житейской мудрости, которые встречаются в стихотворениях Марка Лисянского, оказали большое влияние на понимание жизни, причём не только моё: многие мои сверстники тоже нашли «своего Лисянского».

Отдельно нужно говорить о песнях на стихи Марка Самойловича. О самой знаменитой уже сказано, но кроме неё были такие известные и любимые народом песни, как «Осенние листья», «Зори московские», «Новая дорога», «В синем омуте», «Конаково», «Хорошо шагать пешком», «Годы», «Это было вчера», «Песня вечной юности», «Уходит теплоход». Николаевцам особенно полюбилась

песня о Николаеве «Над лиманом парус белый...», которую можно считать неофициальным гимном нашего города. В последние годы доводилось слышать высказывания, что, дескать, поэтический талант Марка Лисянского был скромным, что он «поэт одного стихотворения». С этим можно поспорить. Вероятно, даже самые преданные читатели Лисянского не могли бы назвать его «звездой первой величины». Однако недаром Евгений Евтушенко когда-то мудро заметил: «В поэзии, словно в землянке, Немыслимы ссоры за ранги».

Каждый поэт неповторим и необходим. И стихотворения николаевского (именно николаевского!) поэта Марка Лисянского занимают своё место в истории советской поэзии XX века. Закончить же разговор хочется удивительными поэтическими строками, впервые прочитанными мной в областной газете «Южная правда». Они всегда со мной. Вообще-то, самое надёжное – учить стихи наизусть. Самые замечательные из них как бы запоминаются сами.

Эти строки всегда производят впечатление на тех, кто их слушает. Часто просят их «переписать». Это в эпоху Интернета... Вот я сейчас и записываю это стихотворение для читателей – по памяти. Человек, сумевший написать такое, настоящий Поэт.

*Склоняю низко голову
 пред Александром Грином,
Безмолвно и восторженно
 гляжу ему вслед.
А он в костюме стареньком
 идёт, худой и длинный,
Осенним южным городом,
 где прожил столько лет.
Шагает он – и плещется
 волна в беспечном взоре.
Поэт и путешественник,
 бродяга и матрос...
В его глазах распахнутых
 вовсю синее море,
В его руке плетёная
 корзина белых роз.*

*Отчаянный бесребреник,
 голодный и небритый,
К жене, к любимой женщине
 с цветами он спешит.
Лишь только ею признанный,
 ещё не знаменитый,
Создавший то, чем будет он
 в России знаменит.
Довольный и ликующий,
 сегодня он в ударе!
Идёт сквозь ветер северный,
 не замечая слёз.
Пальто демисезонное
 он продал на базаре,
Чтоб в день её рождения
 купить корзину роз.*

Гладышев Владимир Владимирович. Заведующий кафедрой славянской филологии Николаевского национального университета им. Сухомлинского. Доктор педагогических наук, профессор. Автор свыше 250 научных публикаций, учебных пособий для учителей и студентов, член редколлегии методических журналов Украины.

*Микола Аркас**Софія Аркас**Підпис Миколи Аркаса на форзаці
«Греческо-русского словаря»*

З ПРИВАТНОЇ КОЛЕКЦІЇ АРКАСІВ

За свідченням дослідників, М.М. Аркас у другій половині XIX ст. мав досить багату власну кількатисячну бібліотеку, що її поповнював протягом усього життя. Він налагодив найтісніші зв'язки з книжковими магазинами найбільших культурних центрів – Києва, Петербурга, Москви, Львова, Одеси, передплачував різноманітну періодику. На жаль, нам не відомо достеменно, скільки примірників налічувала приватна бібліотека родини Аркасів, але можна стверджувати, що це було унікальне зібрання книг. Воно включало власні видання Аркасів, літературу з різних галузей знань та твори майстрів художнього слова. Звичайно, значна частина зібрання загублена у плині часу: дещо загинуло у роки війни та репресій, ряд книг може зберігатися в особистих колекціях жителів міста, букіністів, які навіть не підозрюють, що це книги з приватної бібліотеки славетної української родини.

У 1919 р. вдова М.М. Аркаса Ольга Іванівна Аркас передала більшу частину родинної книжкової колекції до Миколаївської громадської бібліотеки. Кількість переданих книжок нараховувала 4 тис. одиниць. На сьогодні у фонді обласної наукової бібліотеки виявлено, описано та занесено до окремої колекції 40 книг з аркасівського зібрання, в яких збереглися маргінальні позначки. В основному це художня, історична література, видання з природознавства, літературознавства, мовознавства, техніки та сільського господарства. Різногалузевий склад книг свідчить про широкий світогляд членів славетної родини. На належність видань до колекції указують дарчі надписи авторів, власноручно зроблені Аркасами автографи чи надписи, а також вензелі «НА», «КА», «СА», що збереглися на деяких книгах. Спираючись на дані про склад родини Аркасів, можна зробити припущення щодо розшифрування вензелів. Так, «НА» означає Микола Аркас, «КА» – Костянтин Аркас, «СА» – Софія Аркас. Зустрічаються у фонді примірники, на палітурках яких вигравіювані літери «НА» або надпис золотою фарбою «Н. Аркас». Ці позначки свідчать про те, що Аркаси дбайливо ставилися до творів друку і, стежачи за збереженням фізичного стану книг, віддавали їх у палітурні майстерні.

Серед видань з родинної бібліотеки на особливу увагу заслуговує праця З.А. Аркаса «Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса». Уперше цей твір було надруковано у 1848 р. в «Записках Одесского общества любителей истории и древностей». Вдруге праця вийшла у світ окремим виданням у Миколаєві в 1879 р. Вона була надрукована з метою створення фонду для улаштування Музею християнської давнини Іраклійського півострова на місці давнього Херсонесу Таврійського. Книга видана завдяки зусиллям і за редакцією молодшого брата З.А. Аркаса адмірала М.А. Аркаса, який доповнив працю вступним словом та матеріалами з приватного наукового архіву. Про її належність до родинної бібліотеки свідчить вензель «НА», що чітко видний на м'якій обкладинці видання. Ще більшої цінності даному примірнику надає лист, вклеєний у книгу після титульного аркуша. Написаний він рукою М.А. Аркаса 24 жовтня 1879 р. на фірмовому бланку Головного командира Чорноморського флоту і портів та адресований синові Миколі Миколайовичу.

Стиль листа повністю відповідає епістолярному жанру XIX ст. і відображає високодуховну культуру, що була властива членам сім'ї Аркасів.

Неможливо обійти увагою і деякі інші видання з цієї колекції. У бібліотеці зберігається «Сборник статей о сельском хозяйстве юга России...» (Одеса, 1868), складений агрономом І.У. Палімпсес-товим, який зробив великий внесок у розвиток сільського господарства на півдні України. Ця книга містить одразу декілька ознак, що свідчать про її належність до аркасівського зібрання. На корінці примірника – золоте тиснення «НА», на титульному аркуші підпис олівцем «Н. Аркас», а на звороті титульного аркуша дарчий надпис чорними чорнилами «На память о глубоком уважении и неизменной преданности, которые я питаю к Вашему Превосходительству. Трудившийся (підпис автора). 14 ноября 1868 г.».

Дарчі надписи збереглися і на деяких інших примірниках. Зокрема, праця М.В. Йолкіна «Донские казаки в войну 1812 года» (Миколаїв, 1912), окрім вензеля «НА», містить надпис чорними чорнилами «Дорогой Ольге Ивановне Аркас на добрую память от признательного составителя. 2 авг. 1912 г.». На першій сторінці книги Фелькнера «О паровых машинах» (Санкт-Петербург, 1851) також зберігся дарчий надпис «Николаю Андреевичу Аркасу в знак глубокого уважения от автора. 27 ноября 1852 г. Луганский завод». Теплі та щирі слова авторів, адресовані членам родини, свідчать про дружні стосунки та тісні зв'язки, що підтримували Аркаси з відомими російськими та українськими вченими, письменниками, громадськими діячами та представниками культури.

У багатьох виданнях знайдено помітки та виправлення, зроблені Аркасами. Зокрема, форзац «Энеиды» М. Вергілія (Санкт-Петербург, 1914) змережений численними замальовками, надписами і зауваженнями олівцем та чорнилами. Серед них зустрічаються юнацькі спроби підпису М.М. Аркаса-молодшого. Сліди роботи власника з книгою зберігаються також на сторінках «Греческо-русского словаря» (Санкт-Петербург, 1899), складеного відомим філологом О.Д. Вейсманом. На форзаці видання міститься підпис «Αρκάς Νικόλαος», а на корінці – золоте тиснення «Н. Аркас». Слід зазначити, що сучасна редакція наведених у словнику географічних назв ретельно закреслена простим олівцем, а залишено лише їхній античний варіант. Численні маргінальні помітки на сторінках «Энеиды» та грецько-російського словника свідчать про великий інтерес власників книг до культури античного світу. Це не дивно, оскільки, враховуючи грецьке походження роду, Аркасам було притаманне особливе ставлення до античної спадщини та еллінської культури. Низку маргінальних поміток містить «Повторительный курс русского гражданского права» (Санкт-Петербург, 1909). Книга є підручником, складеним за програмою вступних іспитів. На його сторінках збереглися численні надписи, у тому числі відгуки щодо користі праці у підготовці до іспитів.

У бібліотеці зберігається праця державного діяча і дослідника О.І. Левшина «Письма из Малороссии» (Харків, 1816), де автор у захопливій формі розповів про все, що йому довелося бачити під час подорожування по містах України. У даній книзі знайдено надпис олівцем «Прочитав Микола Аркас молодший. 1918 р.», а на форзаці два чотиривірші, написані рукою власника. Серед книг з аркасівської колекції звертає на себе увагу подарункове видання «Исторический альбом тысячелетия России» (Санкт-Петербург, 1875), що дивує досконалістю поліграфічного оформлення. Книга великого формату (230x285 мм) у шкіряній оправі із золотим тисненням, золотим обрізом та металевою застібкою, частина якої, на жаль, втрачена. Видання містить 53 портрети представників царського дому російської землі з 862 р. по 1862 р., починаючи з князя Рюрика і закінчуючи імператором Олександром II. Цікаво, що Аркаси доповнили альбом, вклеївши та підписавши портрети імператорів Олександра III і Миколи II. На форзаці книги є штамп «Аркас», що засвідчує її власника.

Ці та інші праці вчених і фахівців з різних галузей знань допомагали Аркасам здійснювати плідну наукову та культурно-просвітницьку діяльність, а художні твори видатних майстрів слова різних країн і часів слугували чудовими джерелами творчого натхнення. Пошук видань, що могли належати членам родини Аркасів, триває.

*Тетяна Серебрякова,
зав. відділом Миколаївської ОУНБ ім. О. Гмирьова*

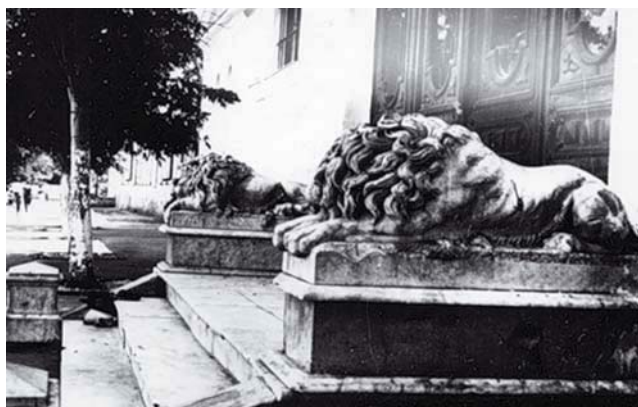
ЛЬВЫ В КАШТАНОВОМ СКВЕРЕ

Скульптуры львов, что ныне расположены у главного входа в Каштановый сквер областного центра, были привезены из Италии Главным командиром Черноморского флота и портов Н.А. Аркасом в конце 70-х годов XIX в. Скульптор Улиссо Камби, из-под резца которого вышли эти прекрасные фигуры диких животных, был широко известен не только у себя на родине, в Италии, но и в Российской империи. Его произведения украшали многие знаменитые усадьбы и дворцы. Не исключено, что на приобретении львов настояли жена Аркаса Софья Петровна и дочь Софья, которые также побывали в Италии вместе с адмиралом. Аркасы разместили парные скульптуры львов у парадного входа в свой дом, прозванный в народе дворцом. Он располагался на углу улиц Соборной и Адмиральской. Львы как-то сразу превратились в городскую достопримечательность, от других скульптурных изображений царственных животных их отличало мастерство и талант скульптора.

С приходом советской власти Аркасовский дворец был национализирован. В нём обосновались различные советские учреждения. При стремительном наступлении немецких войск в августе 1941 г. документацию и архивы сожгли, погибло и само здание. Очевидно, было заминировано и подорвано. История не донесла до нас имена людей, которые в лихолетье спасли от разрушения полюбившиеся николаевцам скульптурные фигуры. Их со временем установили в центре города – в Каштановом сквере. Более века они оберегают спокойствие николаевцев, размеренно прогуливающих по Соборной улице.

Татьяна Березовская

Львы у парадного входа в дом Аркасов

Любительское фото (1954 г.)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

■ СЕРДЦЕ ГОРОДА

К 75-летию Николаевской области

■ ПОЭЗИЯ

**Дмитро КРЕМИНЬ,
Олег ДУХОВНЫЙ**

■ ПРОЗА

Александр СИЗОНЕНКО

«Ватерлиния-2012»
и Первые Ольвийские
поэтические чтения